

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

2022

**Анна
Тараторкина:**
*«Моими
колыбельными
были монологи
Сирано...»*

**Пусть Новый год вам принесет
Много удачи и мало хлопот!
Светлое небо и яркое солнце!
Пусть оно чаще светит в оконце!
Будьте здоровы и счастливы,
Успешны и любимы!**

**С Новым годом вас,
дорогие наши читатели,
и с Рождеством!**

**Спасибо вам за то,
что вы с нами!**

Фотоэтиюд Даниила Пирожкова

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	К. Станюкович. Пленник моря	4
<i>Денис Логинов</i>	Актерские судьбы	36

Из российской истории

<i>Алла Зубкова</i>	«Временщик»	24
---------------------	--------------------------	----

Сокровище русской истории

<i>Владимир Гриньков</i>	Библиотека Ивана Грозного. Где ее искать?	46
--------------------------	--	----

Замечательные современники

<i>Марина Бойкова</i>	Анна Тараторкина: «Папа был рыцарем в самом широком и самом высоком смысле»	65
-----------------------	--	----

Загадка одной картины

<i>Ирина Опимах</i>	Жан-Франсуа Милле и его «Анжелюс»	73
---------------------	--	----

Итоги конкурса

<i>Владимир Фокин</i>	Письмо читателя — 1-е место	81
-----------------------	--	----

Житейские истории

<i>Юлия Макарова</i>	Стеклянный шар с синими бабочками	84
----------------------	--	----

Звезды не гаснут

<i>Георгий Кричевский</i>	Диалог со временем	93
---------------------------	---------------------------------	----

Мир науки

<i>Евгения Гордиенко</i>	Учитель русского языка	108
--------------------------	-------------------------------------	-----

Посмеемся вместе

<i>Александр Адрианов</i>	Деда Мороза не будет...	112
---------------------------	--------------------------------------	-----

Детектив

<i>Георгий Ланской</i>	Мнемозина	116
------------------------	------------------------	-----

Кроссворд. Эрудит**188**

В 12-м номере 2021 года на 117-й полосе произошел технический сбой, в связи с чем в двух последних афоризмах оказались ошибки.

В предпоследнем следует читать: «Одиночество порой уводит в такую черную ночь, где тебе никто не сможет помочь!», а в последнем — пропущена буква «с». Редакция приносит свои извинения читателям и автору Ивану Переверзину.

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра и кино
Анна Тараторкина

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.12.2021

« Бабушка великого поэта Мария Алексеевна Ганнибал, продав часть своих имений и дом, покинула родной Липецк и поселилась с дочерью Надеждой в столице. Там Надя получила прекрасное домашнее образование, в совершенстве владела французским языком, а в светском обществе ее стали называть «прекрасной креолкой». В 1796 году Надежда Осиповна обвенчалась с Сергеем Львовичем Пушкиным, семья поселилась в Москве, где и родился будущий великий поэт России. Мария Алексеевна обожала внука, уделяла ему все свое внимание и стала его первой наставницей. Позднее Пушкин напишет:

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине,
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.

Виктор **Елисеев** «Бабушка великого поэта»

« Импрессионист Константин Коровин. Светлая душа русской живописи. Его картины, магия которых как магнит притягивает к себе поколение за поколением, весьма недурно продавались. Настолько, что повелитель кисти и красок смог приобрести усадьбу у известного купца и мецената Саввы Мамонтова во владимирской глуши, в стороне от проторенных дорог, на берегу красавицы-Нерли. Усадьбу Охотино. Приехав туда, Коровин сразу и навсегда влюбился в этот изумительный край...

Дмитрий **Зелов** «История одной усадьбы»

« Ни одна беседа с ним не обходится без шуток и смеха. А как же иначе, ведь его призвание – дарить людям радость и хорошее настроение. Он по-прежнему остается задорным мальчишкой-сорванцом и своим добрым, веселым юмором поднимает настроение не только зрителям, приходящим на его выступления, но и всем, кто его окружает.

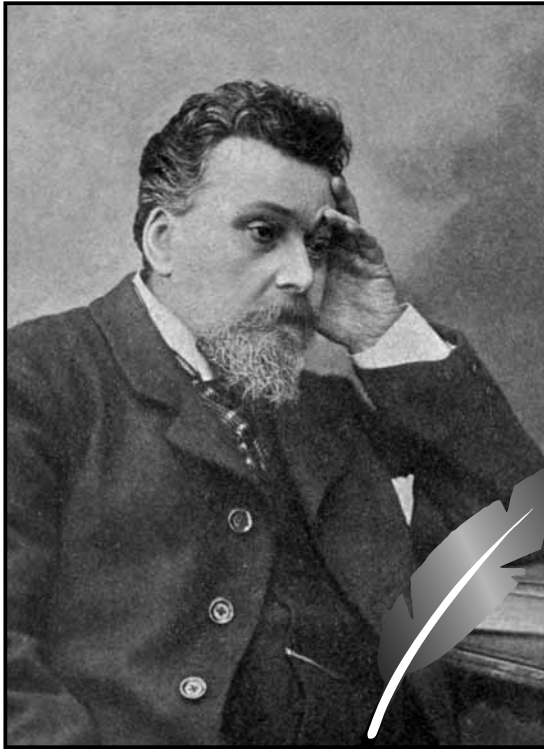
Беседа журналистки Александры Бушевой с «человеком-праздником»
Владимиром **Винокуром**

« Слава обрушилась на эту женщину внезапно, подобно снежной лавине. И хотя она мечтала о ней с юных лет, все же оказалась не готова к ее последствиям. Роман «Унесенные ветром» бывшей журналистки, а потом домохозяйки Маргарет Митчелл из Атланты был признан одним из самых популярных романов «всех времен и народов». Но обрела ли Маргарет счастье, став знаменитой?..

Алла **Зубкова** «Маргарет, которая придумала Скарлетт»

« Новый детектив Анны и Сергея **Литвиновых** «Смерть надевает маску»

Юрий Осипов

К.Станюкович

Пленник моря

В отечественной литературе это имя неразрывно связано с жанром маринистики. И если в русской живописи непревзойденным певцом морской стихии был Айвазовский, то в прозе ему равен Станюкович, населивший свои колоритные рассказы и повести разнообразными тружениками моря, военными и гражданскими, несущими на судах нелегкую и опасную службу.

Романтика дальних плаваний и неустанный труд. Верность долгу и душевное благородство. Честь и вера. Они соседствуют в произведениях Константина Станюковича, делая их увлекательным чтением для юношества, преподавая ему памятные уроки стойкости и доброты.

Выходец из дворянского рода потомственных моряков, сын «грозного адмирала» родился в Севастополе, городе русской военно-морской славы. Константин Михайлович успешно начинал карьеру флотского офицера и хорошо знал то, о чем позднее стал писать. Но при этом, ощутив тягу к литературному творчеству, далеко не сразу нашел свою главную тему.

11-летниммышленным и исполнительным мальчишкой он находился при отце, коменданте севастопольского порта, в дни героической обороны Севастополя. Выполнял отцовские поручения курьером, доставлял медикаменты на перевязочный пункт, наблюдал действия легендарных руководителей обороны города — адмиралов Корнилова и Истомина, пережил трагическую сдачу базы Черноморского флота англо-французским войскам и уже в Пажеском корпусе получил медаль «За защиту Севастополя».

Потом ему доведется пережить трехлетнюю сибирскую ссылку (за встречи в Европе с российскими политэмигрантами), нужду, писательскую славу. Его «морские рассказы» будут сравнивать с аналогичными произведениями классика английской литературы Дж. Конрада. Их, и впрямь, роднят поэзия моря, гуманизм, вера в человека.

С годами литературное мастерство Станюковича росло, оттачивался психологизм, углублялись сюжетные коллизии. Его поздние вещи уже не назовешь «юношеским чтением». Они и сегодня продолжают оставаться в числе любимых книг людей разных возрастов и профессий. К ним не раз обращались кинематографисты и, думается, будут обращаться впредь.

Константин Михайлович Станюкович родился в марте 1843 года в многодетной семье адмирала Михаила Станюковича, военного губернатора города-крепости и коменданта севастопольского порта, человека крутого нрава, воспитывавшего семерых детей в исключительной строгости. Старинный дворянский род Станюковичей уходил корнями в Литву и гордился своим служением Отечеству. Мать будущего писателя, Любовь Федоровна, была дочерью бравого капитан-лейтенанта морского флота Федора Митькова и наряду с мужем прививала трем сыновьям и четырем дочерям чувство патриотизма и гражданского долга. Нежность к матери Костя испытывал с малолетства.

Он был последним ребенком в семье и, соответственно, ее баловнем. Однако строгие родительские принципы воспитания распространялись на него в полной мере. Учиться Костя начал с восьми лет, причем пер-

вым его преподавателем оказался Ипполит Дабу, выпускник Петербургского университета, бывший служащий министерства иностранных дел, сосланный за участие в кружке Петрашевского в местную арестантскую роту, а затем определенный рядовым в военную команду.

Занимался мальчик старательно, заслужив похвалу сурового отца, который определил его при себе наблюдателем и курьером во время героической обороны Севастополя. Косте тогда едва исполнилось 11 лет, но он мужественно переносил обстрелы города и тяготы осады. Довелось ему познакомиться с адмиралом Нахимовым, погибшим на командном посту, чей светлый образ всю жизнь служил писателю вдохновляющим примером.

В сентябре 1854-го семья Станюковича была эвакуирована в Симферополь. А два года спустя юношу зачислили кандидатом в элитарный

Пажеский корпус, на что его происхождение давало право. С почетной медалью на Георгиевской ленте «За защиту Севастополя» в ноябре 1857-го Станюкович стал в корпусе морским кадетом. Перед ним открывалось заманчивое морское поприще. Однако в следующем году, перед окончанием учебы, юноша решил покинуть военный флот и держать экзамены в университет.

Отец, узнав об этом, пришел в ужас и пустил в ход все свои связи, чтобы удержать сына в Пажеском корпусе. Карьера морского офицера представлялась ему единственно возможной для мечтательного отпрыска, предки которого из поколения в поколение служили на флоте. Тем более адмирал только что потерял старшего сына, Николая, капитан-лейтенанта, и мечтал, что младший займет его место.

Вот почему Константин, уже напечатанный в журнале «Северный цветок» первое стихотворение «Отставной солдат», вынужден был на время подчиниться воле отца. А тот сразу после выпуска сына из корпуса добился его назначения в кругосветное плавание. В октябре 1860 года корвет «Калевала» ушел в трехгодичную «кругосветку», унося на борту кадета Станюковича. Позднее он расскажет об этом увлекательном плавании в повести «Вокруг света на «Коршуне». Бороздя моря и океаны, юный кадет быстро мужал и накапливал бесценный писательский опыт.

...За бортом остались Гамбург и Лондон, экватор, тропики. Побыв-

вав в июне 1861-го на острове Ява, Станюкович заболел лихорадкой и был отправлен во Владивостокский лазарет, а после выписки из него получил назначение на винтовой транспорт «Японец». В конце года юношу произвели в гардемарины. И вновь морские дороги на весь год увели Станюковича в акватории Тихого океана. Он служил на разных судах, узнал своих ровных мичманов и старших офицеров, прошел штормовые испытания.

Тогда же в «Морском сборнике» стали появляться различные произведения начинающего писателя. Литература все сильнее завладевала его душой. О чем думалось ему, когда он сходил на берег в Сан-Франциско, просил сестру в письмах прислать ему по списку книги и журналы, нес долгие ночные вахты под Южным Крестом?.. О непреклонности отца, о необходимости следовать своему призванию, о жажде любви и счастливой семейной жизни? Кто знает.

В 1863 году начальник Тихоокеанской эскадры адмирал А. Попов отправил гардемарина Станюковича в Сайгон к капитану клипера «Гайдамак», где писателю довелось наблюдать покорение Индокитая французами. А затем он получил поручение доставить в Петербург (через Китай и Сибирь) экстренные бумаги для управляющего морским ведомством. И был там произведен в мичманы с назначением в 11-й Петербургский флотский экипаж. Служба оставля-

ла время для укрепления литературных связей. Расширилось сотрудничество Станюковича с популярными столичными журналами — «Голосом», «Петербургским листком» и другими. О молодом авторемаринисте заговорила критика.

В 1864 году, после долгой и упорной борьбы с отцом, Станюкович вышел в ставку. Старый адмирал прислал ему следующую телеграмму: «Против течения идти не могу. Согласен». В ноябре того же года Высочайшим приказом по флоту Константин Станюкович был уволен со служ-

И он принял равнодушный вид и молодцевато поднялся на мостик, точно сам черт ему не брат и штормы для него привычное дело.

Несмотря на жгучее чувство страха, охватившее в первый момент молодого мичмана, величественное зрелище бушующего океана невольно приковало его глаза, наполнив душу каким-то безотчетным благоговейным смирением и покорным сознанием слабости «царя природы» перед этим грозным величием стихийной силы».

Новая, штатская, жизнь пока не могла обеспечить Константина Ми-

В

октябре 1860 года корвет «Калевала» ушел в трехгодичную «кругосветку», унося на борту кадета Станюковича. Позднее он расскажет об этом увлекательном плавании в повести «Вокруг света на «Коршуне». Бороздя моря и океаны, Константин быстро мужал и накапливал бесценный писательский опыт

бы с награждением лейтенантским чином. Начиналась жизнь. Ее ознаменовал опубликованный в «Морском сборнике» уже зрелый и яркий рассказ «В шторм».

«Он вышел на палубу и сразу очутился в иной атмосфере.

Его охватил резкий холодный ветер и обдало водяной пылью. Он услышал характерный вой ветра в снастях и рангоуте, увидел бушующий седой океан, и мысли его мгновенно приняли иное направление — морское.

хайловича литературными заработками. Надо было где-то служить, и Станюкович под влиянием передовых народнических тенденций 60-х годов поступил... учителем начальной школы в селе Чаадаево Владимирской губернии, чтобы получше узнать нужды крестьянства. В сельской школе он учительствовал два года, а затем возвратился в Петербург, где начал уже регулярно печатать в периодических изданиях свои морские рассказы, собранные потом в книгу «Из кругосветного плавания».

В мае 1867-го в «Будильнике» появились весьма любопытные очерки Станюковича на «сухопутную» тему: «Из воспоминаний сельского учителя». А в июне он обвенчался с дочерью старшего судостроителя корпуса корабельных инженеров, подполковника Николая Арцеулова. Год спустя у него с Любовью Николаевной родилась первая дочь, которой, увы, суждено было уйти из жизни в совсем еще юном возрасте.

Казалось бы, писательство налаживалось. Но все же серьезные ма-

его редактором беллетристического отдела в «Будильник». Между тем утомительные служебные разъезды продолжались. В Таганрог Станюкович отправился помощником ревизора подвижного состава и вплотную столкнулся там с миром изворотливых железнодорожных дельцов. В результате увиденного родилась комедия «На то и щука, чтобы карась не дремал». Ее опубликовал журнал «Дело». А дальше родился роман «Без исхода», вызвавший живой интерес читающей публики. И все же главным в творчестве пи-

---

В литературном творчестве

Станюкович пробовал разные темы и жанры, при этом неизменно возвращаясь к тому, что вписало его имя в ряды классиков отечественной беллетристики — к своим непревзойденным художественным «маринам»

териальные затруднения в связи с обустройством семьи вынудили Константина Михайловича идти служить в Управление Курско-Харьковско-Азовской железной дороги и кочевать между Курском и Харьковом. Тогда же умер отец, не оставив детям никакого наследства. После похорон Станюкович писал супруге: «Отец оставил вздор... говорят, его обобрали».

Чиновничья служба тяготила писателя, чей талант уже громко заявил о себе. Из Симферополя он просил жену разузнать, не возьмут ли

сателя оставались морские повести и рассказы.

Неожиданно железная дорога для него сменилась привычной водной стихией. В 1874 году он был назначен управляющим пароходства по Дону и Азовскому морю. Ему отвели просторный одноэтажный дом на территории ростовского порта. Оттуда Константин Михайлович начал развивать бурную деятельность. Его стараниями были благоустроены Ростовский и Таганрогский порты, расширен и углублен фарватер Дона.

Параллельно в различных журналах продолжали печататься новые произведения писателя. Он все более сближался с радикальным народничеством и в 70-е годы совместно с известным публицистом и ученым-лесоводом, участником революционно-демократического движения Н.Шелгуновым редактировал журнал «Дело», который выступал рупором народников. Там под псевдонимом «Откровенный писатель» была опубликована повесть Станюковича «Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим». Она не стала литературным событием, как и напечатанный отдельным изданием под псевдонимом К. Телефон роман «В мутной воде». Однако эти вещи привлекали общественное внимание к злободневным социальным проблемам российской действительности и заметно укрепили авторитет их автора.

Сын флотского адмирала, потомственный дворянин, крупный чиновник и в то же время революционный демократ по убеждениям, Станюкович в литературном творчестве пробовал разные темы и жанры, неизменно возвращаясь к тому, что вписало его имя в ряды классиков отечественной беллетристики, — к своим непревзойденным художественным «маринам».

Достигнутое тогда некоторое материальное благополучие позволило писателю ненадолго отправить семью в Швейцарию и последовать

за ней. Там, в Кларане, он приступил к работе над романом «Два брата», проникнутым гражданским пафосом и осуждающим карьеризм, стяжательство, холодный цинизм некоторых представителей молодого поколения, которым жажда личного преуспевания заслонила высокие идеалы их отцов.

Эти идеалы Станюкович обнаруживал, тесно общаясь с российскими политэмигрантами: Верой Засулич, Драгомановым, Кравчинским. В Петербург Константин Михайлович вернулся «с двугривенным в кармане», но поправил положение изданием романа все в том же «Деле», где затем, опять-таки под псевдонимом, был напечатан его следующий роман «Омут».

Здесь уже автор напрямую отдает дань Павлу Бежецкому, «одному из тех могикан-идеалистов шестидесятых годов, которые... сохранили свои верования и надежды и... не отпевали то, чему раньше поклонялись». Умирает в ссылке «неисправимый фанатик» Никодимов. Страдает безымянная сельская акушерка, «что весной арестовали». Премстственность освободительного движения — вот основная проблема, волновавшая писателя, который сам был участником этого движения, находился в дружеских отношениях с лидерами «Народной воли» и не мог не видеть отхода от активной деятельности ее видных членов. Вместе с ними он опасался за судьбы передовой молодежи 70-х годов, по-прежнему готовой на

самопожертвование во имя народного блага, но избирающей неведомые и непредсказуемые методы борьбы за него.

И в 70-е, и в последующие годы Станюкович продолжал относить себя к шестидесятникам своего века и преклонялся перед Некрасовым, Салтыковым-Щедриным, ранним Достоевским. Его романы того периода интересны, в первую очередь, не художественными достоинствами, но духом времени, критикой капиталистических нравов и отношений пореформенной России, отражением процесса обнищания деревни, задавленной налогами. Причем даже в наиболее значительных произведениях писателя, а именно в морских рассказах и повестях проявляется его критическое отношение к экономической и политической отсталости страны.

В мае 1882-го года за фельетон «В сумасшедшем доме» в журнале «Дело» Главное управление по делам печати сделало строгий выговор Петербургскому цензурному комитету. Все дальнейшие публикации писателя находились теперь под усиленным цензурным контролем. Негласный полицейский надзор установили и за самим Станюковичем.

Тем не менее, в ноябре того же года издательница «Дела» Е. Благовосветлова обратилась в Управление по делам печати с ходатайством утвердить «отставного лейтенанта

флота Станюковича Константина Михайловича» главным редактором журнала. Временное разрешение вскоре было получено, а в декабре следующего года Станюкович при финансовой поддержке одной знакомой выкупил «Дело» в рассрочку у Благовосветловой. Но воспользоваться своими новыми правами издателя Константин Михайлович не успел — месяц спустя директор Департамента полиции В. Плеве принял решение об аресте писателя, которого по возвращении из-за границы заключили в Петропавловскую крепость, где он просидел целый год, а затем выслали с семьей на три года в Сибирь.

Передав по договору журнал И. Дурново, писатель административным порядком прибыл в июне 1885-го в Томск. Свое положение политического ссыльного Станюкович переносил стоически и быстро сошелся с проживавшими там собратьями по несчастью. Его творческая деятельность не прекращалась ни на день. Еще в тюрьме он создал большую повесть, рассказы и даже шутивную поэму в стихах. Из Томска посылал в «Русскую мысль» цикл очерков «В дальние края» под псевдонимом Л. Нельмин. А в «Сибирской газете» печатал серию фельетонов, озаглавленных «Сибирские картинки», и подписывал их псевдонимом «Старый холостяк». Там же вскоре начал публиковаться, под псевдонимом Н. Томский, роман Станюковича, многозначи-

тельно названный «Не столь отдаленные места».

Именно в сибирской ссылке, за тысячи километров от морей и океанов, писатель вновь обратился к маринистике и создал произведения о русских моряках, которые в итоге и принесли ему мировую славу.

Открыл эту эпопею в 1887 году рассказ «Матросский линч», за ко-

торым последовал «Человек за бортом!» «Клипер медленно подвигался, держась в крутой бейдевинд под зарифленными парусами... Кутаясь в просмоленные парусинные пальтишки, матросы не отходят от своих снастей, перекидываясь изредка отрывистыми замечаниями о погоде, встряхиваясь, как утки, от воды...» Так начинается первый из вышеуказанных рассказов. Повествование в нем ведется о време-

нах, когда телесные наказания на флоте уже были запрещены. Однако старый боцман Щукин никак не хотел отказываться от битья провинившихся матросов. И те, сойдя однажды на берег, решили крепко проучить его... Урок пошел на пользу. Симпатии автора здесь, как и в других вещах, целиком на стороне матросов.

Незамысловатая с виду история о том, как любимец команды, добряк и песенник Шитиков, проявил благородство по отношению к забитому и всеми презираемому Прошке, а тот, когда Шитиков случайно упал за борт, бросился ему на помощь, — эта история имеет свой глубокий внутренний смысл нравственного пробуждения человека в униженном человеческом существе.

«Морские рассказы» Константина Станюковича, вышедшие в 1888 году отдельным изданием, стали поистине вершиной его многообразного творчества. Все написанное ранее о море и морях было лишь предысторией «морской» темы в отечественной литературе. Марлинский, Гончаров, Григорович дали яркие и своеобразные эскизы, штриховые наброски этой богатейшей темы. Станюкович же развернул в своих произведениях широкое полотно корабельной жизни, охватил всю специфику морской службы, ее поэзию и прозу, правдиво показал тонкости социальных отношений на флоте, профессиональные и классовые черты их командного состава.

При этом главный герой «морских» рассказов писателя — матрос. А. Новиков-Прибой справедливо заметил: «По существу, Станюкович впервые в русской литературе создал образ матроса — подлинного сына народа на родных морях». На страницах этих рассказов перед читателем проходят сотни матросов самого разного склада, но всегда наделенных примечательной индивидуальностью, независимым характером. Смелость, ловкость, мужество, выносливость, способность к труду, требующему нечеловеческого напряжения сил, — вот какими качествами отличаются рядовые персонажи этих рассказов. Рисую в них трагические эпизоды Крымской войны, Станюкович показал примеры поразительной доблести русского матроса, в ком «каторга» судовой службы не убила его природный ум, сердечность, добродушный юмор и жажду социальной справедливости.

Матрос Чижик, которого сделали «нянькой» при «зеленом» новичке, обнаружил незаурядные педагогические способности и оказал глубокое нравственное влияние на своего воспитанника (рассказ «Нянька»). Другой член команды берет на себя вину молоденького товарища и тем самым избавляет его от экзекуции («За щупленького»). Тепляков спасает из морской пучины своего мучителя капитана («Оплата»). Лучков проявляет необычайную привязанность к взятому на борт негритенку, трогательно заботится о нем («Максимка»). Подобных примеров мы на-

ходим множество в «морских рассказах» Станюковича.

И вместе с тем, он отнюдь не идеализирует матросскую среду. Рисует ее суеверие, картины дикого пьянства, выводит мерзкие типы так называемой «баковой аристократии». Обращает внимание на безграмотность и темноту подавляющей матросской массы. Однако при этом писатель сумел увидеть и выявить главное: в душах матросов накапливается ненависть к угнетателям, зреет протест против их бес-

ства, дух карьеризма, подхалимажа и стяжательства. Забота о будущем российского флота внятно звучит в произведениях Станюковича, а также — стремление видеть родной флот здоровым, сильным, передовым.

Причем читателя волнуют не только люди и события, но и проникновенные морские пейзажи. Никто до Станюковича не сумел с такой покоряющей силой любви передать извечную привязанность человека к морской стихии, чувство

При финансовой поддержке одной знакомой Станюкович выкупил в рассрочку журнал «Дело», но воспользоваться своими правами издателя не успел — директор Департамента полиции В. Плеве принял решение об аресте писателя, и его по возвращении из-за границы заключили в Петропавловскую крепость. Там он просидел целый год, а потом его с семьей выслали на три года в Сибирь

правия и униженности. В рассказах «Оплата», «Мечь», «Побег» и ряде других этот протест выливается наружу, нередко принимая форму бурного коллективного возмущения на грани бунта.

Надо заметить, что в «морских» рассказах писатель откровенно отразил те неприглядные стороны жизни царского флота, о которых умалчивали его предшественники, и правдиво запечатлел процесс упадка лучших флотских традиций в эпоху реакции, когда проявились косность и бездарность началь-

восхищения ее ширью, мощью, красотой.

В июне 1888-го Константин Михайлович с семьей покинул место ссылки и вернулся в Центральную Россию. Супруга писателя получила небольшое наследство, и они смогли совершить поездку во Францию, отдохнув в рыбацкой деревушке на юге страны. Возвращение в Петербург совпало с выходом в разных изданиях новой серии «морских» рассказов и повестей признанного во всей Европе

мариниста. Сборник под общим названием «Моряки», включавший остросюжетную повесть «Грозный адмирал», был раскуплен в северной столице буквально за считанные дни.

Здоровье бывалого «морского волка» к тому времени пошатнулось, однако он не отходил от письменного стола, участвовал в различных диспутах, выступал с публичными чтениями. Летом 1892 года в культовых «Русских ведомо-

стоит пассажирке удерживать офицеров от безрассудных поступков. За ней настойчиво ухаживают и капитан, и старпом, и лейтенант Бакланов. Мичман Цветков тоже потерял голову. Однажды поздно вечером, когда он несет вахту, пассажирка выходит на палубу подышать свежим воздухом. Мичман тут же горячо и искренне признается ей в безумной страсти и даже грозит-ся броситься в море в случае ее отказа. Несколькими ласковыми словами Вере Сергеевне удается удер-

Морские рассказы» Станюковича, вышедшие в 1888 году отдельным изданием, стали поистине вершиной его многообразного творчества. Все написанное ранее о море и морях было лишь предысторией «морской» темы в отечественной литературе. Станюкович же развернул в своих произведениях широкое полотно корабельной жизни, охватил всю специфику морской службы, и при этом главным героем у него всегда оставался простой матрос...»

стях» начала печататься большая новелла Станюковича «Пассажирка». Сюжет рассказа обнаруживает новую сторону писательского дарования автора — психологизм и лирическую приподнятость. Из Сан-Франциско в Гонконг отправляется русский военный клипер «Забияка». Капитан соглашается взять на борт двух женщин — 30-летнюю вдову американского инженера, очаровательную Веру Сергеевну, и ее горничную. Экипаж охватывает любовное возбуждение, немало труда

жать его в рамках приличий. В Гонконге пассажирка перебирается в отель, и Цветков отправляется следом за ней, подстерегает ее в саду отеля и признается, что не выдержит разлуки. Вера Сергеевна поддается его порыву, но берет себя в руки. Не идти же, в самом деле, ей, тридцатилетней вдове, за юного, хоть и очень симпатичного сумасброда, тем более что оба они бедны... Женщина решает прибегнуть к хитрости и просит мичмана подождать еще полгода, обещая писать

ему, а потом, быть может, даст согласие выйти за него замуж. На прощание она дарит мичману поцелуй и алую розу из своей золотистой косы. С отъездом пассажирки на клипере воцаряется спокойствие. Цветков же ежедневно строчит избраннице пылкие послания, а, получив в Шанхае ответное письмо, находит его недостаточно горячим. Проходит время. У молодого мичмана появляются новые увлечения, и, возвратившись спустя два года в Россию, он так и не явился к очаровательной пассажирке. «Только «засохшая роза, — пишет автор, — хранится у него до сих пор, напоминая давно прошедшую молодость». Трогательная, тонкая новелла. И не удивительно, что покойный кинорежиссер Станислав Говорухин снял по ней свой последний фильм, придав прощальной встрече этих двоих на берегу более откровенный и оттого более драматичный характер.

Выпустив в издательстве журнала «Детское чтение» сборник рассказов «Среди моряков», Константин Михайлович в апреле 1898-го на пару месяцев отправился с семьей на лечение в Швейцарию. К его возвращению завершилось издание 12-томного собрания сочинений, из которого цензура изъяла в рассказах ряд сцен, дающих, по ее мнению, «ложные представления о системе наказаний в армии и на флоте». Писатель же просто не скрывал правду, какой бы неудобоваримой она ни была.

Постоянное переутомление стало причиной резкого ухудшения здоровья Станюковича. В рубежном 1900 году он много времени проводил в Крыму — лечился, однако это не помогало. Не помогло, увы, и кратковременное лечение в Италии, на котором настаивали доктора. Болезнь обострилась, и писателя там же положили в госпиталь. Из госпиталя он выписался крайне слабым, плохо видел и не мог читать, что его очень удручало. Тут еще умерла дочь Константина Михайловича, о чем близкие решили ему не сообщать, дабы не травмировать окончательно.

А он в марте 1903-го начал подумывать о возвращении в Россию. Уже были куплены обратные билеты, но в конце месяца здоровье Станюковича опять стало стремительно ухудшаться. Пришлось снова ложиться в госпиталь, теперь уже немецкий, откуда его перевезли в частную клинику.

Он еще говорил и думал о разном, строил планы на будущее. Часто просыпался по ночам, звал давно умершего сына... А через месяц, в ночь с 6 на 7 мая, Константин Михайлович скончался. Похоронили нашего выдающегося писателя на греческом (православном) кладбище в Неаполе. На похороны пришли все россияне, проживавшие в самом городе и окрестностях, из числа тех, кто успел узнать о его смерти. Самый большой венок на гробе был с надписью: «Станюковичу от русских».

К.Станюкович

ЕЛКА

В этот поистине «собачий» вечер, накануне сочельника, холодный, с резким ледящим ветром, торопившим людей по домам, в крошечной каморке одной из петербургских трущобных квартир подвального этажа, сырой и зловонной, с заплесневевшими стенами и щелистым полом, мирно и благодушно беседовали два обитателя этой каморки, попивая из кружек чай и закусывая его ситником.

Эти двое людей, чувствовавшие себя в относительном тепле своего убогого помещения, по-видимому, весьма недурно, были: известный трущобным обитателям под кличкой «майора» (хотя «майор» никогда в военной службе не служил) пожилой человек трудно определимых лет, с одутловатым, испитым лицом, выбритым на щеках, с небольшой, когда-то рыжей эспаньолкой, короткой седой щетиной на продолговатой голове и с парой юрких серых глаз, глядевших из-под взъерошенных бровей, и приемыш-товарищ «майора», худенький тщедушный мальчуган лет восьми-девяти с бледным личиком, белокурыми волосами и оживленными черными глазами.

Мальчик только что вернулся с «работы», прозябший и голодный, и, утолив свой голод горячими щами и отогревшись, рассказывал майору о тех диковинах, которые он видел в окнах магазинов на Невском, куда ходил сегодня, по случаю ревматизма, одолевшего «майора», надоедать прохожим своим визгливым, искусственно-жалобным голоском: «Миленький барин! Подайте мальчику на хлеб! Миленькая барынька! Подайте милостинку бедному мальчику!»

Майор с сосредоточенным вниманием слушал оживленный рассказ мальчика, переполненного впечатлениями, и по временам ласково улыбался, взглядывая на своего сожителя с трогательной нежностью, казавшейся несколько странной для суровой по внешнему виду наружности майора.

— Так ты, братец, находишь, что эта елка очень хорошая? — спросил майор своим сиплым, надтреснувшим баском, наливая мальчику новую кружку чая.

— Страсть, какая хорошая, дяденька! — с восторгом воскликнул мальчик и лениво отхлебнул чай.

— Какая же она такая? Рассказывай!

— Большущая... а под ей старик — весь белый-пребелый, с длинной бородой... а на елке-то, дяденька, видимо-невидимо всяких штучек... И яблоки... и апельсины... и фигуры... И вся-то она горит... свечей много... И все вертится... Я так загляделся на нее, что чуть было черта-фараона не прозевал... Однако вовремя дал тягу! — с веселым смехом прибавил мальчик и плутовато сверкнул глазами.

— А зазяб очень?

— Зябко было... Главная причина: ветер! — проговорил, напуская на себя серьезный, деловитый вид, мальчуган с черными глазами. — А то бы ничего... Два раза бегал чай пить... Да работа была неважная... Всего тридцать копеек насобрал... Погода!.. Вот что завтра бог даст!

— Завтра ты не ходи! — после минутного раздумья сказал майор. — Завтра я выйду на работу!

Это известие, по-видимому, не особенно обрадовало мальчика, и он заметил:

— Да ведь ты нездоров, дяденька.

— За ночь нога отойдет. А ты не ходи! — внушительно повторил майор. — Нечего шататься, да и заболеть по этой погоде недолго. Ты ведь у меня дохленький! И то сегодня в своей кацавейке, небось, попрыгал... Никак уж простудился?

И с этими словами майор, одетый в какую-то обтрепанную хламиду, заменявшую халат и покрывавшую его бурое голое тело, поднялся с табурета и приложил свою вздрагивавшую, грязную, но маленькую, видимо, дворянскую руку к голове возбужденного и покрасневшего мальчика.

— Ишь... горячая! — сердито проворчал он и спросил: — Болит?

— Не болит!

— И нигде не болит? Смотри, Федя, говори правду.

— Вот-те крест, нигде не болит! Только будто жарко немного.

— А ты спать ложись. Я тебя укрою. Выспишься, и ладно будет!

Мальчик послушался и, сняв с себя навернутое тряпье, лег на постель, устроенную из пустого большого ящика, поверх которого лежал соломенный тюфяк. Майор заботливо укрыл ребенка рваным одеялом и своим так называемым «пальто», изображавшим собой нечто рыжее, неизвестно какой материи.

— Ну, спи, спи теперь.

— А ты?

— И я скоро лягу.

Несколько минут в маленькой камерке, освещенной скудным светом небольшой лампочки, царил тишина. Майор сидел на своем табурете у кривого стола, погруженный в какие-то думы.

Товарищу его не спалось. Голова его полна была впечатлениями сегодняшнего дня, и он проговорил:

— Дяденька!

— Что тебе?

— А должно быть, такая елка дорого стоит?

— А ты думал, дешево? — усмехнулся майор.

— То-то я и говорю. Поди, рублей десять.

Майор вместо ответа протяжно свистнул.

— Двадцать, что ли?

— И сто платят.

— Ишь, ты. Богатые покупают?

— Да, брат. Нам с тобой такой елки не купить. А ты спи лучше!

— Не хоцца, дяденька...

— А ты все-таки спи.

Мальчуган замолк и вздохнул.

Тем временем майор стал считать небольшую кучку медных денег, лежащую на столе. Оказалось всего сорок две копейки. Он задумчиво покачал головой и тоже вздохнул.

— А у тебя была елка, когда ты был маленький? — снова заговорил мальчик.

Этот неожиданный вопрос, по-видимому, возбудил в майоре кучу воспоминаний из далекого прошлого, представлявшего такой резкий контраст с настоящим. Счастливое детство пронеслось перед ним каким-то светлым, радостным призраком и потонуло во мраке позднейших лет постепенного падения, воровства, пьянства и нищеты.

И он раздумчиво ответил:

— Была.

— Каждое Рождество была?

— Да... В сочельник всегда была...

— И хорошая?

— Чудесная... вроде той, какую ты сегодня видел...

И майор, невольно увлеченный нахлынувшими воспоминаниями, стал подробно рассказывать, какие у него бывали елки, и как он, одетый в шелковую красную рубашку, танцевал и веселился вместе с другими детьми, такими же нарядными, и сколько было на елке игрушек, фруктов и конфет, и как их раздавала его мать, красивая, статная барыня...

Мальчик слушал, как зачарованный, словно сказку, этот рассказ, наполовину правдивый, наполовину прикрашенный фантазией павшего человека, желавшего осветить лучезарным блеском хоть далекое прошлое. И, когда майор замолк, он несколько минут спустя спросил:

— Это ты, дяденька, все наврал? У тебя таких елок не было?

— Были!.. — ответил майор.

— Ну? — с сомнением протянул мальчик.

Майор понял, почему сомневался его товарищ, и пояснил:

— Прежде я, Федя, богатый был...

— Ишь, ты... А теперь, значит, нищий! — недоумевал мальчик и вдруг грустно проговорил: — А у меня так никогда елки не было!

— А ты хотел бы елку?

— А то нет?!

— Так, может, и у тебя будет елка! — решительно произнес майор, и его сиплый басок зазвучал нежностью.

В ответ на это мальчик недоверчиво усмехнулся, словно бы хотел сказать своему старому сожителю: «Ври, дяденька, больше!»

— Однако довольно-то нам языки чесать. Давай лучше, братец, спать.

И, потушив лампочку, майор улегся на свою убогую койку, прикрывшись всем своим гардеробом.

В скором времени мальчик заснул, и громкое его дыхание раздавалось среди тишины. Но майор долго еще кряхтел и ворочался на жестком ложе. Мысль о елке для этого бездомного сироты, скрасившего печальные дни горемычной жизни майора, гвоздем засела в его голове. Недаром же он, старый пропойца, так привязался к маленькому существу и излил на него всю любовь своего сердца. Недаром же он стал менее пить с тех пор, как этот сирота был взят им от пьяной, развратной бабы, тетки мальчика, которая его била и с охотой отдала майору. И мальчик скоро полюбил своего доброго товарища и пестуна, никогда не обижавшего своего «дохленького» маленького приемыша...

Разные планы о том, как добыть рубля два-три, чтобы устроить завтра елку, бродили в голове майора и казались несбыточными. Надежды на его засаленное прошение, с которым он ходил иногда по домам и в котором изъяснялись беды престарелого майора, отца многочисленного семейства, раненного на войне, казались слишком рискованными ввиду скептицизма петербуржцев, бессердечия швейцаров, торчащих перед праздниками у дверей, и собственной его, далеко не респектабельной наружности, в особенности его сивобагрового мясистого носа, не внушавшего большого доверия... А эти уличные подачки слишком малы, чтобы набрать такую сумму, какая требовалась.

Но чем более казались недостижимыми мечты майора о елке, тем сильнее загоралось желание осуществить их и доставить радостный сюрприз единственному в мире существу, привязанному к нему, давно всеми забытому и презираемому.

И майор заснул, наконец, беспокойным, тяжелым сном, но полный решимости, словно Наполеон перед Бородинской битвой.

Собрался он в поход рано утром, когда его маленький товарищ еще сладко спал. Перед тем майор при свете лампочки привел свою физиономию в воз-

можно приличное состояние, закрутил усы по-военному и преобразился в раненого, то есть подогнул колени и привязал его к деревяшке. После того он осторожно снял с мальчика свое пальто, накрыв спящего халатом, натянул пальто сверх дырявой жилетки, прикрывавшей голую грудь, повязал шею большим шерстяным шарфом и надел картуз с большим козырем. В общем, получался военный вид, что и дало бывшему когда-то чиновнику кличку «майора»...

Квартирная хозяйка, бойкая вдова городского, уже возилась у плиты, когда в кухне появился майор.

— Что так рано? — спросила она.

— Сами знаете... праздники... — сосредоточенно ответил майор, прикладываясь к козырьку и уже входя в роль военного человека. — Да и привык на службе-то рано вставать. Служба царская, сами понимаете!

Он вручил хозяйке пятнадцать копеек и, наказав купить ситника к чаю и накормить обедом мальчугана, попросил передать ему, чтобы он не выходил никуда из дому, пока майор не вернется, и вообще присмотреть за мальчиком, если он сделается нездоров.

— И то вчера прозяб! — прибавил он и, галантно приложившись к козырьку картуза, вышел вон.

Утро стояло морозное, такое же ветреное, как вчера, и прохватывало майора. Но он, казалось, не обращал на это внимания и твердыми, бодрыми шагами, серьезный и решительный, шел по направлению к кабаку, где был за-всегдаем. Войдя туда, он молча раскланялся с заспанным сидельцем, выпил стаканчик водки, крикнул и конфиденциально шепнул ему:

— А я к вам, Иван Филиппыч, сегодня с маленькой просьбой.

— Какая же будет ваша просьба, майор? — отвечал краснощекий ярославец.

— Тут есть одно обстоятельство... Мне бы рублик в долг... дней на пяток... Верьте...

— Ну уж, это извините, майор... Насчет напитку, сами знаете, я вам за-всегда оказываю кредит, а чтобы деньгами... Уж не прогневайтесь, майор... Небось, сегодня вы и больше рубля набираете.

Майор молча приложился к козырьку и вышел на улицу.

Сперва он обходил лавки и собирал копейки. Много обошел он таким образом лавок и собирал копеек сорок. А мороз крепчал, и майору становилось жутко от холода. Надо было согреться, и к полудню он зашел в закусочную, выпил еще стаканчик, съел порцию селянки, приготовленной бог-велье из каких отбросов, и, обогревшись, снова вышел на улицу, рассчитывая «работать» теперь, обращаясь к проходящим, и при удобном случае заходить в квартиры.

Майор благоразумно избегал очень бойких улиц и шатался более по улицам глухим, где не бывало городских. Завидя какую-нибудь даму, он не без достоинства прикладывал руку к козырьку и тихо, словно желая сообщить какой-нибудь секрет, говорил: «Отставному военному, мадам. Не откажите?»

Но дамы по большей части пугливо прибавляли шаг и озирались: нет ли поблизости городского. Что же касается до мужчин, то они как-то безучастно внимали и русским, и французским фразам майора, и трагическим, и комическим его обращениям. Таким образом, пробродив часа два, бедный майор собрал еще всего двадцать копеек, поданных ему одною купчихой и каким-то подвыпившим господином, которого майор абордировал фразой: «на сорокоушку, s'il vous plait», что, видимо, очень понравилось веселому господину, давшему майору целый гривенник. Вообще «работа» шла плохо. Погода стояла дьявольская, и некогда было подавать милостыню.

Майор начинал снова зябнуть и падать духом при мысли о елке. Он пробовал, было, обращаться к швейцарам, чтобы его пустили подать прошение, но швейцары не пускали и посмеивались над его костюмом и над его серьезным видом, полным чувства собственного достоинства.

Тем не менее, майору удалось-таки проникнуть во двор одного роскошного дома, минуя дворников, прочесть на доске фамилии жильцов, войти с черного хода в большую, светлую, теплую кухню и, поклонившись дебелой, краснощекой «кухарке за повара» самым любезным манером, сказать с изысканною вежливостью, стараясь придать своему сиплону баску возможно нежное выражение:

— Осмелюсь, мадам, беспокоить вас вопросом: генеральша Тонкоусова изволит быть дома?

Несмотря на столь любезное обращение, «кухарка за повара», быстро оглядев и костюм и физиономию неожиданного посетителя, весьма сухо спросила:

— А вам зачем нужно генеральшу? По каким таким делам?

— По своим собственным, к прискорбию... По семейным делам... Я имел честь прежде служить под начальством генерала, и потому осмелился... Не извольте, мадам, сомневаться! Я... отставной офицер... майор от армии... ранен пулей в ногу... Болезнь довела меня до несчастья... Пятеро детей... последний малютка... Не откажите подать генеральше это свидетельство...

И с этими словами, кинув на кухарку быстрый взгляд, словно бы испытующий степень произведенного впечатления, майор вытащил из-за пазухи засаленное прошение, в котором собственноручно изложил свои боевые заслуги, наделив себя многочисленным семейством, и протянул бумагу к кухарке, видимо, несколько смягчившейся после красноречия майора.

— Напрасно только докладывать! — проговорила она. — Наша генеральша без рекомендации никому не подает.

Майор не без трагизма указал правой рукой на свою деревяшку и произнес с горькой усмешкой:

— А это разве не рекомендация?! — И, выдержав паузу, прибавил: — Доложите, мадам, будьте снисходительны к несчастному майору. Быть может, генеральша соизволит пожаловать рубликом...

— Ни за что! Она у нас карахтерная и чистый скаред! — с внезапным раздражением ответила кухарка. — Много-много двугривенный даст, и то вряд ли. Вы подождите. Вот придет лакей, он доложит...

Майор снова упал духом и думал уж уходить пытаться счастья в следующем этаже, как вдруг быстрый его взгляд заметил, что в жестяной лоханке, совсем близко от него, лежит целая куча серебряных ложек, ножей и вилок, предназначенных для мытья. И внезапная мысль осенила майора.

«Две ложки совсем бы устроили дело. Сбыть их можно за два рубля, и елка готова!» — пронеслось в его голове с быстротой молнии в то время, как он в мрачной позе трагического актера едва заметно подвигался к соблазнительной лоханке. Он испытывал и страх неудачи, и сладкое волнение при мысли о радости мальчугана, и зорко наблюдал за кухаркой.

Прошла минута, другая, третья. Кухарка отвернулась. Майор в это мгновение страшно закашлялся, и пара ложек была уже у него за пазухой, а сам он в почтительном отдалении от лоханки все в той же трагической позе.

Все обошлось благополучно. Кухарка ничего не заметила.

— Простите, мадам, еще слово: быть может, лакей не скоро придет? — осведомился, наконец, майор.

— Верно, гости. Он и торчит там...

— В таком разе уж лучше я завтра, с вашего позволения, приду, а сегодня в другие дома наведуясь... Позвольте вас чувствительно поблагодарить за готовность и пожелать вам всего хорошего в жизни. Adieu!

Раскланявшись еще с большей любезностью, майор, надев картуз, вышел из кухни и не без некоторой тревоги прошел двор. Выйдя за ворота, он торопливо зашагал вдоль улицы, и, только очутившись на значительном расстоянии от большого дома, облегченно и радостно вздохнул, с торжеством победителя нащупывая в кармане будущую елку.

В седьмом часу майор вернулся в свою трущобу озябший, слегка выпивший и радостно взволнованный. На плече у него была небольшая елочка с красными бумажными обручами и розанами, а в большой суме, подшитой под пальто, лежало несколько свертков и полштоф водки.

При виде майора с елкой квартирная хозяйка разинула рот — до того это было неожиданно и ни с чем не сообразно. Она, впрочем, любезно разрешила майору убрать елку в своей комнате, чтобы порадовать мальчика неожиданностью.

— Кстати, он спит! — сказала она и прибавила: — Ишь ведь, выдумали! Видно, майор, сегодня хорошо работали?

— Ничего себе... недурно! — не без гордости ответил майор, вынимая свертки.

И вслед за этим приступил к уборке елки. Делал он это с самым серьезным и торжественным видом, весь погруженный в свое занятие. Хозяйка помогала ему, перевязывая нитками разные вкусные вещи, которые майор развешивал сам, стараясь придать елке пышный и элегантный вид.

— Ай, да майор! Сколько накупил! — удивленно восклицала по временам хозяйка.

— Нельзя иначе ... Уж елка, так елка! — весело замечал майор, не отрываясь от работы.

Наконец елка была убрана, и свечи укреплены. Майор обошел елку со всех сторон и, видимо, остался доволен.

— Ведь хороша, Матрена Ивановна?

— Уж на что лучше, майор. Хоть бы генеральскому сыну! — одобрила хозяйка.

Майор зажег свечи и осторожно внес елку в маленькую свою каморку. Следом за ним квартирная хозяйка несла водку, колбасу, кусок ветчины и булки и все это расставила на маленьком трехногом столе, составлявшем главную мебель майорского помещения.

— Федя... вставай, братец! — разбудил майор своего товарища.

Ослепленный светом, мальчик встал и, протирая глаза, изумленный смотрел на маленькую елочку, горевшую огнями и убранную десятком яблок, копеечными пряниками, мармеладом, золотыми орехами и разными дешевыми украшениями.

Мальчику казалось, что он во сне, и он стоял около елки, словно очарованный, не смея к ней подойти.

Майор любовался и восхищением мальчика, и произведением своих рук.

— Я обещал тебе елку, Федя... Ну, вот она и есть! — проговорил он радостно, и в голосе его звучала бесконечная нежность...

Мальчик пришел в неописанный восторг. Приблизившись к елке, он жадными, блестящими глазенками оглядывал ее во всех подробностях.

— Да ты ешь, Федя... Что хочешь, ешь... Все — твое! — говорил майор, поднося Матрене Ивановне стаканчик.

Мальчик не заставил себя просить и стал уписывать за обе щеки и сладости, и ветчину, и колбасу, не особенно заботясь о последовательности.

В не меньшем восторге был и майор. Он довольно скоро распил с Матреной Ивановной полштоф и любовно поглядывал на своего товарища и на елочку, осветившую радостным светом их убогую каморку и горемычную жизнь. □

«ВРЕМЕНЩИК»

В истории России трудно найти фигуру столь неоднозначную, как граф Алексей Андреевич Аракчеев. Фаворит Павла I, любимец Александра I, при котором он был, по существу, вторым человеком в государстве, Аракчеев как никто другой вызывал порицание и презрение своих современников. Слово «временщик» прочно прилипло к нему и стало как бы его вторым именем. А.С. Пушкин метал в него пропитанные ядом эпиграммы и называл «гением зла». Л.Н. Толстой в «Войне и мире» давал ему столь же нелестную характеристику. Его именовали тираном, самодуром и нравственным уродом. Называли также «людоедом» и даже «Змеем Горынычем».

В то же время не было недостатка и в свидетельствах, подтверждающих незаурядные таланты и деловые качества этого человека. Аракчеев обладал большим практическим умом, железной волей и редкими организаторскими способностями. Граф был поистине неоценим для российских монархов. Недаром Александр I признавал, что не смог бы обойтись без него.

Говоря об Аракчеве, невозможно не упомянуть имя его многолетней любовницы, Настасьи Минской, легендарная жестокость которой и привела к ее смерти от рук дворовых людей. Потеря горячо любимой женщины ускорила уход из жизни и самого графа...

Алексей Андреевич Аракчев появился на свет 23 сентября 1769 года в деревне Тарусово Вышневолоцкого уезда Новгородской (позднее Тверской) губернии в семье небогатого мелкопоместного дворянина. Отставной поручик Андрей Андреевич Аракчев был человеком добрым и сострадательным. Детей своих любил и пекся о них, как мог. Вот только многого сделать он не имел возможности — ведь крестьян у бывшего поручика было всего двадцать с небольшим душ, а драть с них три шкуры, как делали многие другие помещики, он не хотел. Жена его, Елисавета Андреевна, тоже была человеком добрым и сострадательным, но в отличие от супруга отличалась деловой хваткой и бережливостью. Из троих своих сыновей она всегда особо отличала Алексея. Впрочем, это выражалось не в слепой безоглядной материнской любви, а в стремлении подготовить сына к практической жизни. В этом она, надо сказать, преуспела. У Алексея рано появилась привычка к порядку, трудолюбие и бережливость.

Начальное образование мальчику за небольшую мзду должен был дать местный дьячок, и тот обучил Алешу

грамоте и четырем действиям арифметики. Родители хотели пустить сына по гражданскому ведомству, но сам он мечтал совсем о другом. Увидев как-то приехавших на побывку сыновей соседнего помещика, учившихся в петербургском кадетском корпусе, Алексей был потрясен до глубины души. Их красные мундирчики казались ему верхом великолепия, а рассказы о военных лагерях, маршах и стрельбах не давали уснуть по ночам. Военное поприще стало отныне главной мечтой его жизни. Любящие родители поддерживали сына, но, увы, для этого нужны были деньги. Только через два года, скопив небольшую сумму, отец с сыном отправились в столицу.

Подав прошение о зачислении в Артиллерийский и Инженерный шляхетский корпус, Аракчевы принялись ждать. Ожидание затянулось почти на полгода. Жили впроголодь, изрядно пообносились. В конце концов, потратив все свои скудные сбережения, павшие духом провинциалы решили возвратиться домой. Помог его величество случай. Директор корпуса, Петр Иванович Мелиссино, сжалился над худым, невзрачным подростком и его уже немолодым

отцом, которые в течение почти полугода топтались на лестнице, ведущей в его кабинет, и Алексей был принят в корпус.

Довольно быстро он стал одним из лучших учеников на своем курсе. Особенно давались ему математика и артиллерийское дело. К собственному удивлению, он преуспевал и в изучении иностранных языков, научившись сносно объясняться на французском и немецком. За успехи Алексей был досрочно переведен на следующий курс, а вскоре получил чин капрала, а затем и сержанта. Не имея возможности задобрить офицеров-воспитателей подарками, он старался добиться их расположения безропотным послушанием и редкой работоспособностью. Ему начали поручать следить за порядком в классах и даже доверяли проводить дополнительные занятия с нерадивыми учениками. Однако если с воспитателями у юного Аракчеева установилось полное взаимопонимание, то с соучениками отношения, мягко говоря, не сложились. Если он добивался их наказания за леность и нарушение дисциплины, то и они пользовались всяким удобным случаем, чтобы устроить ему какую-нибудь пакость. Однажды на Алексея было совершено самое настоящее покушение. С площадки верхнего этажа, куда нужно было подняться по узкой лестнице, чтобы пройти в классы, на него был сброшен большой камень, и только благодаря случайности глыба не разможила ему голову.

Летом 1787 года Аракчеев, прошедший семилетний курс обучения за четыре года, получил чин поручика и серебряную позолоченную медаль. Более того, он был едва ли не единственным кадетом, оставленным при корпусе для преподавания математики и артиллерии, в которой действительно отменно разбирался. Уже на следующий год он представил начальству написанное им учебное пособие по ускоренной подготовке артиллеристов, заслужившее похвалы специалистов. Но особенно радовало Алексея благосклонное отношение к нему директора корпуса, генерала Мелиссино, который рекомендовал его президенту Военной коллегии, графу Николаю Ивановичу Салтыкову, подыскивавшему толкового офицера для занятий с сыном. Юный отпрыск графа делал явные успехи, и у Аракчеева появился новый влиятельный покровитель. Чем успешнее шла служба молодого офицера, тем сильнее укреплялось в нем желание возвыситься над другими. Для этого, как он понял, кроме хорошей профессиональной подготовки, нужно было сознательно и расчетливо угождать сильным мира сего. А к этому у Аракчеева оказался большой талант.

Летом 1790 года директор корпуса назначил Алексея своим старшим адъютантом. Тогда Аракчеев еще сам не понимал, какой подарок преподнесла ему судьба. Как раз в это время цесаревич Павел в своей резиденции в Гатчине создавал собственную артиллерию, и ему нужны

были молодые дельные специалисты в этой области. Мелиссино, не долго думая, откомандировал Аракчеева для прохождения службы в Гатчинском гарнизоне. Павел, мечтавший о лаврах настоящего военачальника, заинтересовался предложением Аракчеева о формировании в составе гатчинского гарнизона артиллерийской роты, и Алексей был назначен ее командиром и возведен в чин бомбардир-капитана, что соответствовало в тогдашней русской ар-

Павел поручал Аракчееву составление разнообразных инструкций, разработку новых образцов обмундирования и снаряжения для армии. Ведение хозяйства гарнизона во многом также находилось в руках нового любимца великого князя. Служба в Гатчине превратилась для него в подлинную школу управления.

Из сына бедного дворянина, простого артиллерийского офицера, выковывался умелый администратор, государственный деятель, будущий

Цесаревич Павел в своей резиденции в Гатчине решил создать собственную артиллерию, для этого ему нужны были молодые дельные специалисты в этой области, и Аракчеев был откомандирован в Гатчинский гарнизон. На первом же разводе он совершенно пленил сердце Павла служебным рвением. Великий князь был в восторге от него и осыпал нового любимца отличиями и наградами. За короткое время Аракчеев прошел путь до полковника и гатчинского губернатора

мии званию премьер-майора. На первом же разводе Аракчеев совершенно пленил сердце Павла фанатичным служебным рвением. Ученье продолжалось 12 часов без перерыва. Павел был в восторге, и новый бомбардир-капитан приобрел его полное доверие. Великий князь осыпал нового любимца отличиями и наградами. За короткое время Аракчеев прошел путь до полковника и гатчинского губернатора. Получил он и право без всякого специального приглашения присутствовать на обедах цесаревича.

крупный сановник. Павел, по существу, сам признал это, когда 6 ноября 1796 года, в день кончины Екатерины II, прибыл в Зимний дворец для того, чтобы в сорок два года, наконец, принять на себя бремя верховной власти. Призвав к себе своего старшего сына Александра и Аракчеева, срочно вызванного из Гатчины, он соединил их руки и сказал: «Будьте друзьями и помогайте мне». Из кабинета государя они вышли вместе. Увидев, что мундир Аракчеева весь забрызган грязью (в спешке

тот не надел шинели) и промок от пота, цесаревич пригласил его в свои покои и дал ему на смену рубашку из своего гардероба. Этот дар будущего императора Аракчеев всю жизнь будет хранить как величайшую драгоценность. В ней, согласно завещанию, его и похоронят.

К исходу первой недели нового царствования Алексей Андреевич — уже генерал-майор и комендант Санкт-Петербурга. Немного позднее император подарил ему огромное имение Грузино в Новгородской губернии, принадлежавшее когда-то любимцу Петра I, Александру Даниловичу Меншикову. А весной 1797 года Аракчеев получил титул барона и был назначен генерал-квартирмейстером всей российской армии. Павел I ценил его за деловые качества, особенно за умение быстро навести порядок там, где до этого царилла полная анархия. Аракчеев помог императору провести ряд мероприятий, которые помогли модернизировать организацию артиллерии всей русской армии. Значительны были и его достижения как петербургского коменданта.

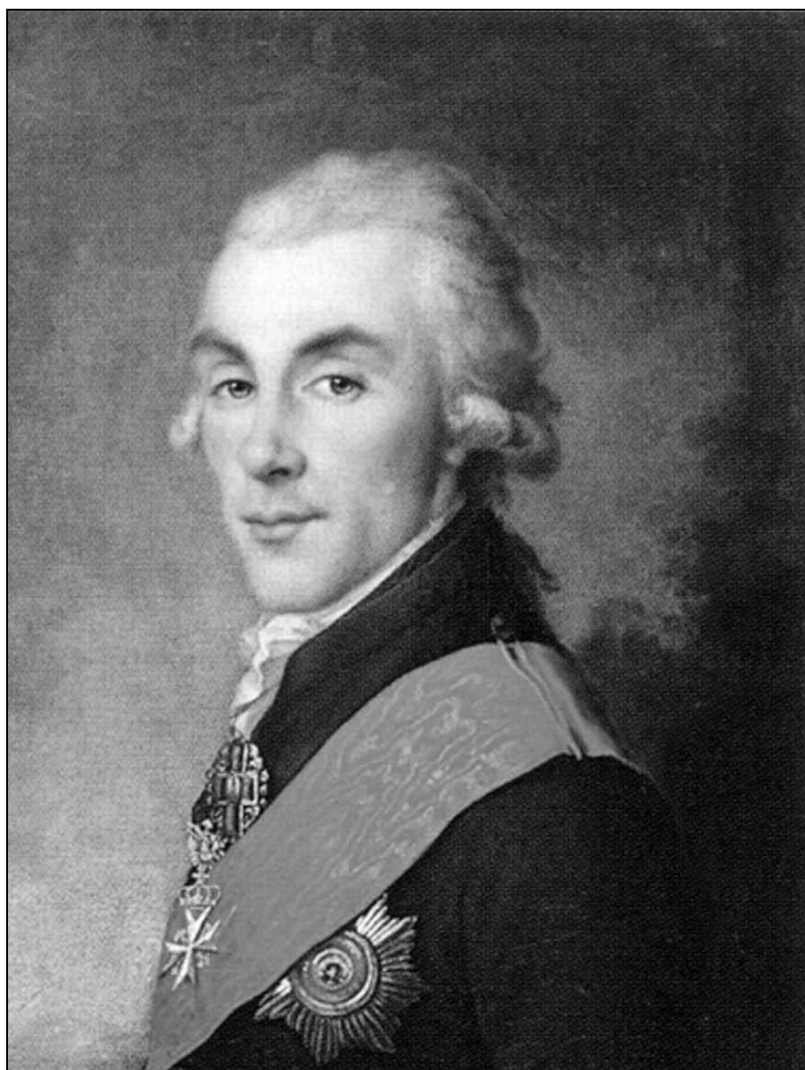
Нужно сказать, что в средствах для достижения своих целей он не стеснялся, чем снискал себе нелестную славу. «Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, — говорил он, — да и что делать?» И в самом деле, возвышение фаворит отпраздновал тем, что дал полную волю своему грубому властолюбию. Он кичился своим могуществом перед другими сановниками, наводил страх на

командный состав армии, безжалостно карая за самые мелкие провинности и упущения. Следует признать, что в большинстве случаев действия его были вполне обоснованы, тем не менее, на всех его поступках лежала печать грубости и презрения к ничтожности всех людей, кроме него самого. Именно поэтому его самые разумные меры казались неприкрытым самодурством, в котором чувствовалось не столько стремление к пользе дела, сколько издевательство над подчиненными ему людьми.

Павел I продолжал благоволить к своему протезе, однако Алексей Андреевич переоценил свою значимость в глазах государя. Никто в окружении императора не мог быть застрахован от немилости монарха, вызванной какой-либо оплошностью или просто изменением его настроения. Испытать царскую опалу довелось и Аракчееву.

Имея привычку расточать направо и налево грубую брань, а также раздавать пощечины и даже удары тростью, Аракчеев как-то во время строевых занятий позволил себе обрушиться с площадными ругательствами на подполковника Лена, сподвижника Суворова и георгиевского кавалера. Лен молча выслушал брань и до конца оставался на занятиях. Затем, взяв дома пару пистолетов, поспешил к Аракчееву, но, не застав его, вернулся к себе и, написав краткое письмо оскорбившему его начальнику, застрелился. К несчастью для Аракчеева, Лен был лично известен императору. Павел I пришел в не-

описуемый гнев. 1 февраля 1798 года Аракчев был уволен, с сохранением только звания генерал-квартирмейстера, и отправлен в отпуск. Правда, через полгода он был возвращен на службу и восстановлен в прежних должностях. Мало того, был назначен инспектором всей артиллерии, получил командорский крест ордена Святого Иоанна Иерусалимского и, наконец, в мае 1799 года возведен в графское достоинство, причем на его гербе Павел собственноручно начертал девиз: «Без лести предан». Увы, фавор графа продолжался не так уж долго. 1 октября того же 1799 года Аракчев вновь был отстранен от службы — на этот раз из-за ложного доношения об обстоятельствах кражи в столичном артиллерийском арсенале. Ложь была вызвана желанием прикрыть своего брата, генерал-майора Андрея Андреевича Аракчеева, подчиненные которогонесли караул во время инцидента. Тем самым

граф подводил под суд другого, ни в чем не повинного человека. Павел не простил своему любимцу этот обман. На этот раз удаление Аракчеева со службы растянулось на три с половиной года. Павел так и не пожелал видеть его, и все это время Алексей Андреевич провел в своем имении Грузино. В Санкт-Петербург он вернулся только после коронации Александра I, да и то далеко не сразу. Лишь в апреле 1803 года Аракчев получил от императора повеление прибыть в столицу. Ничего удивительного в этом не было, поскольку Александр сохранял дружбу с опальным Аракчевым до конца правления Павла. Удивительным, пожалуй, следует считать лишь то, что он призвал к себе графа только спустя два года после своего восшествия на престол. Это был

весьма своевременный шаг. Как раз в это время император обратил внимание на состояние русской армии. Подражая Наполеону, особое значение он придавал совершенствованию артиллерии, а обширные познания Аракчеева в этой области и его удивительный организаторский талант делали его наиболее подходящим кандидатом на ответственную должность инспектора русской артиллерии. Этот пост он и занял буквально через две недели после своего прибытия в столицу.

нюдь не был: сутуловатый, длиннорукый, немного неуклюжий в движениях, с грубоватыми чертами лица. Однако его недоброжелатели были явно несправедливы к нему, утверждая, что «по своей наружности он был похож на большую обезьянку в мундире».

Граф отличался сластолюбием. Он специально покупал себе красивых крестьянок, которые прислуживали в его доме-дворце в Грузино и служили ему для утех, а в его большой домашней библиотеке было немало книг довольно фривольного содержания.

В Санкт-Петербург Аракчеев, давно бывший в опале, вернулся только после коронации Александра I. Император призвал его к себе, обратив внимание на состояние русской армии. Так как особое значение он придавал совершенствованию артиллерии, обширные познания Аракчеева в этой области делали его наиболее подходящим кандидатом на должность инспектора русской артиллерии

Аракчеев сразу же с присущей ему энергией взялся за дело. Именно при нем артиллерия была выведена в отдельный род войск, введена система экзаменов, учебных занятий и боевых стрельб, отрегулирована материальная часть. Все это привело к тому, что к началу войны 1812 года русская артиллерия, по мнению специалистов, стала лучшей в Европе.

Служба отнимала у графа массу времени и сил, тем не менее, ничто человеческое не было ему чуждо, особенно интерес к особам противоположного пола. Сам он красавцем от-

Семейная жизнь Алексея Андреевича не сложилась. В феврале 1806 года он женился на дочери ярославского помещика Наталье Федоровне Хомутовой. Девушке было чуть больше двадцати. Она отличалась миловидностью и изяществом фигуры. Аракчеев гордился красотой супруги, однако вскоре стал проявлять признаки ревности, причем со свойственной ему грубостью. Это, как считали некоторые современники, и послужило причиной разрыва. Согласно другой версии, Наталья Федоровна принимала деньги от лю-

дей, заинтересованных в ее содействии их проектам. Этого Алексей Андреевич простить не мог. Грехов за ним водилось немало, но корыстолюбия и мздоимства среди них не было. Обогащаться за счет казны он считал неприемлемым. Брак с Хомутовой продолжался чуть больше года.

В начале 1808 года император назначил Аракчеева на пост военного министра. Новый министр действовал в присутствии ему стиле. Со строгостью, доходившей до тиранства, он начал осуществлять меры, направленные на возрождение армии, расстроенной неудачными кампаниями 1805 и 1807 годов. В конечном итоге, благодаря выросшей боеспособности, русским войскам удалось нанести поражение сильной шведской армии. По условиям заключенного в 1809 году мира Россия получила Финляндию. Почести, которые царь воздавал своему военному министру, ставили Аракчеева над всеми высшими сановниками империи.

В 1810 году Александр именно Аракчееву поручил организацию печально известных военных поселений. Идея их создания принадлежала самому императору, но появилась она у Александра I под впечатлением порядков, которые у себя в Грузии завел Аракчеев. Император пришел в восхищение от идеального порядка, царившего в вотчине его любимца. Вылизанные двухэтажные домики на две семьи, образцово содержавшиеся дороги, отсутствие пьяных и бездельников на улице. И царь загорелся благой, как ему по-

казалось, идеей поселений, в которых войска содержались бы не за счет окружающего их населения, а на средства, заработанные собственным трудом, то есть земледелием.

Аракчеев, наводивший идеальный порядок в своей вотчине с помощью палок и розог, сразу понял беспочвенность царских мечтаний, но, будучи ревностным служакой, не привыкшим обсуждать приказы начальства, рьяно взялся за дело. В Новгородской губернии возникли требуемые военные поселения, чтобы государь имел возможность полюбоваться на свою сбывшуюся мечту. Созданное Аракчеевым бутафорское великолепие этих поселений оставило позади даже знаменитые потемкинские декорации, сооруженные во время путешествия в Крым Екатерины. Солдаты, отвыкшие от земледелия, незнакомые с местностью и лишённые знающих руководителей, в первое время страшно бедствовали. Да и потом было не лучше. Нарядные домики были плохо приспособлены для нужд земледельцев. Безжалостный формализм не давал солдатам нормально жить и работать. Регламентировалось буквально все на свете: не только, как и когда заниматься земледелием, но даже, сколько и каких горшков иметь в доме, как и куда их ставить. Мало этого, людей лишали личной жизни. Все обязаны были следить друг за другом и доносить начальству о замеченных нарушениях. Особенно строго граф следил за нравственностью военных поселенцев. Среди приказов Аракчеева

были и такие: «Отпустить 100 ударов розгами на собрании всех жен роты Акулине Григорьевой за то, что в доме ее ночью обнаружен подпоручик Иванов, а того подпоручика посадить на гауптвахту и оштрафовать». Можно представить себе, какие чувства вызывала у «солдат-пахарей» жизнь при таких порядках.

Между тем Аракчеев докладывал государю о счастье и довольстве, царивших в поселениях. Недаром недоброжелатели графа, а было их великое множество, переделали девиз его герба «Без лести предан» в «Бес, лести предан». Военные поселения просуществовали до смерти Александра I, а потом постепенно сошли на «нет».

Почти с самого начала Отечественной войны 1812 года Аракчеев безотлучно находился при императоре, занимая должность управляющего его канцелярией, а также выполняя роль его ближайшего советника. Он — правая рука Александра в административных делах, без которого тот и шагу не мог сделать. Тем не менее Алексей Андреевич чувствовал себя прескверно. Объяснялось это довольно просто. После началаграничного похода в императорской свите он оказался в окружении сплошь боевых генералов. Каково было Аракчееву, всю войну имевшему дело лишь с бумагами, общаться с теми, кто не раз встречался со смертью и проливал за Отечество не казенные чернила, а собственную кровь. Не подняло ему настроение и решение императора произвести его в фельд-

маршалы. Этот же чин должен был получить Барклай де Толли. Но Барклай был боевым офицером, а для Аракчеева, который ни в одном сражении не участвовал, мундир фельдмаршала был бы чем-то вроде клоунского одеяния, и он, несомненно, стал бы объектом едких насмешек со стороны боевых командиров. С большим трудом ему удалось упросить императора не подписывать этот указ. Заслуги графа, однако, не остались без награды. Государь пожаловал ему собственный портрет, украшенный бриллиантами. Алексей Андреевич поступил в характерной для него манере: портрет принял, а рамку, обрамленную алмазами, отослал обратно.

После расставания с Натальей Федоровной Хомутовой граф больше никогда не женился. Вряд ли кто-нибудь считал его способным на сильное чувство. Но чужая душа, как известно, потемки. Аракчееву было немного за тридцать, когда он встретил женщину, которая всколыхнула его душу и стала его фактической женой. Это не была светская красавица, законодательница столичных мод. Судя по всему, граф купил ее, как покупал многих красивых крестьянок для интимных услуг в своем доме. Однако точно сказать, как она появилась в имении, невозможно. Звали ее Настасья Федоровна Минкина. Говорили, что она происходила из цыганской семьи. Об этом свидетельствовала и ее внешность: карие выразительные глаза, роскошные, черные, как смоль, волосы, смуглая кожа. Она была высока

ростом, прекрасно сложена, хотя и склонна к полноте. Аракчеев любил ее безумно, на всю жизнь. В 1808 году он узнал, что возлюбленная родила от него сына. Это еще сильнее привязало его к Настасье. Алексей Андреевич купил для ребенка документы, удостоверяющие его дворянство, на имя Михаила Шумского.

Заняв место фактической жены Аракчеева, Настасья в то же время стала для него незаменимой и как домоправительница. Умная, злая, энергичная и волевая, она поддерживала порядок в доме графа, держа в страхе всех дворовых и прислугу, а также вела финансы. Поначалу совершенно неграмотная, она, чтобы исполнять свои многочисленные обязанности, научилась грамоте и счету, кстати, сохранились некоторые ее письма к графу. Алексей Андреевич неизменно представлял свою возлюбленную приезжавшим к нему высокопоставленным гостям. Навещая графа в Грузино, Александр I частенько пил у нее чай.

В начале 1820 года Аракчеев с великим для себя прискорбием узнал, что Миша Шумский — не его сын. Позднее ему стало известно, что и Настасья не является матерью Миши. Как именно раскрылся обман Минкиной, остается неясным, зато хорошо известно, что, даже узнав об этом, граф не изменил своего отношения к юноше. Он по-прежнему обожал Мишеньку и делал все, чтобы тот преуспел в жизни.

Миша, увы, особыми способностями не отличался, кроме того, достаточно рано пристрастился к спиртно-

Дом Аракчеева в усадьбе Грузино

му. Уже став флигель-адъютантом, он однажды не постеснялся предстать в пьяном виде перед самим государем. Императору пришлось удалить молодого человека из своего окружения. С тех пор Алексей Андреевич старался держать Михаила при себе, дабы он не натворил чего-нибудь еще.

К 1825 году Аракчеев достиг вершины своего могущества. Многие смотрели на него как на фактического правителя России. В ходу была даже такая шутка: «Недаром на русском гербе двуглавый орел, и на каждой голове корона, ведь и у нас два царя: Александр I да Аракчеев I». Будущие декабристы не скрывали, что одной из главных причин, по которой они стали на путь организации заговора, был любимец императора, «змей» и «людоед» Аракчеев.

Между тем именно в это время судьба нанесла всесильному «временщику» удар, от которого ему уже не суждено было оправиться. В середине сентября того же 1825 года в Грузино одним из дворовых людей

была убита любовница графа, управительница его имения Настасья Минкина. Дворовые ненавидели Настасью за беспредельную жестокость, с которой она относилась к окружающим. Минкину зарезал повар, сестре которого она изуродовала лицо с помощью щипцов для завивки волос. Кстати, Минкину упоминает Михаил Булгаков в своем романе «Мастер и Маргарита» среди гостей, приглашенных на бал Воланда.

Горе Аракчеева невозможно было описать. Когда гроб с телом Минкиной опустили в могилу, граф в от-

чаянии прыгнул вниз, умоляя зарезать его немедленно и закопать вместе с Настасьей, без которой жизнь ему не нужна. Женщину, которая прожила в его доме почти четверть века, Алексей Андреевич похоронил в Грузинском соборе рядом с могилой, приготовленной для себя.

А через два месяца графа постиг еще один жестокий удар. В Таганроге скончался его августейший повелитель и покровитель, Александр I. Новый император, Николай I, никогда Аракчеева особенно не любил, и граф сразу понял, что его прежнее

влияние на государственные дела утеряно безвозвратно. Он не ошибся. Уже через несколько недель Николай I подписал рескрипт, освобождавший Аракчеева от всех его должностей. Официально он увольнялся в отпуск. Разумеется, графу объявлялась высочайшая благодарность за все оказанные им трону услуги, но суть дела от этого не менялась.

Алексей Андреевич долго лечился на водах за границей, а затем, вернувшись на родину, почти посто-

городам и весям. Сжалившись над ним, Аракчеев нашел ему пристанище в Новгородском Юрьевском монастыре.

Алексей Андреевич много болел и физически очень ослабел. Происходящее вокруг уже мало интересовало его. Граф все больше времени проводил в комнате, где останавливался император Александр I, приезжая в Грузино, и часто лежал на том самом диване, на котором отдыхал его августейший повелитель.

К 1825 году Аракчеев достиг вершины своего могущества. Многие смотрели на него как на фактического правителя России. Он безотлучно находился при императоре, который без него и шагу не мог сделать. Будущие декабристы не скрывали, что одной из главных причин, по которой они выбрали путь заговора, был любимец императора, «змей» и «людоед» Аракчеев

янно проживал в Грузино. Его одиночество скрашивало присутствие племянницы Минкиной. Внешне она весьма напоминала тетку, но характером совсем на нее не походила. По воспоминаниям крестьян, она часто заступалась за них перед своим грозным «дядюшкой».

Михаил Шумский совсем отдалился от своего приемного отца, не желая иметь с ним ничего общего. За буйное поведение он был сослан для исправления на Кавказ и хорошо показал себя в деле. Но по возвращении снова запил, скитаясь по

Скончался Алексей Андреевич Аракчеев утром 21 апреля 1834 года. Хоронили его со всеми воинскими почестями. На следующий день после его смерти в Грузино прибыл батальон гренадерского полка его имени и привезены были пушки. Под грохот артиллерийской канонады тело графа опустили в приготовленную им самим могилу в соборе рядом с памятником императору Павлу и возле могилы Настасьи Минкиной. Похоронили Алексея Андреевича в рубашке, которую подарил ему когда-то великий князь Александр. □

Актерские судьбы

Варвара Асенкова

Мария Ермолова

Такие разные и такие похожие... Судьбы актрис в России. Почти вся личная жизнь — на сцене, остальное — за кулисами. Любовь как кара. Цветы от зрителей и шипы от коллег и начальства. Их жизнь казалась прекрасной сказкой, их образ вдохновлял художников и поэтов, а красота служила эталоном... Но эта жизнь вне огней рампы оказывалась далеко не столь безоблачной, блестящей и лучезарной. И все-таки, вопреки всем препятствиям, интригам и неудачам, они добивались три-

умфа и поклонения. Объединяло этих актрис только одно — безусловный и безоговорочный талант. Впрочем, нет, еще одно: одинокая старость, почти полное забвение. Но они сами выбрали свой путь...

Естественно, рассказать обо всех звездах русской сцены в формате журнала невозможно, поэтому мы остановились на двух актрисах: одна ушла из жизни в расцвете своего таланта совсем молодой — ей было всего 24 года, другая прожила долгую жизнь и стала величайшей актрисой...

ВАРВАРА АСЕНКОВА впервые вышла на сцену в семнадцать лет. Триумф был оглушительным и ослепительным: публика долго не отпускала юную актрису со сцены. Правда, выступления «на бис» не требовали — не опера и не балет. Зато цветов было — море.

«Асенкова — bravo!» — услышала она впервые в жизни. И поняла, что это ее и только ее, какую бы цену за это ни пришлось заплатить.

Высокая, темноволосая, с синими глазами, на сцене она смотрелась настоящей королевой. И держалась соответственно. Хотя за год до этого и представить себе не могла подобного успеха. Да и не хотела его: сцена была просто наследственной профессией, мать жила и умерла на театральных подмостках. Более того, поступив в театральное училище, Варя вскоре ушла из него. Педагоги отмечали ее красоту и грациозность, но считали ее непри-

годной для сцены — прочили ей роль статистки с крохотным жалованием.

Потом вернулась: другой профессии ей негде было получить. Но не всем же быть примами, кому-то надо и на выходах играть. Так рассуждали преподаватели, так думала и сама Асенкова.

Но вот после окончания училища начались сюрпризы. Публика приняла юную дебютантку более чем благосклонно. А однажды произошла встреча, буквально перевернувшая ее жизнь.

Вскоре после очередного спектакля Вареньку вызвали в директорский кабинет. Она робко вошла и, подняв глаза, застыла. Перед ней в парадном мундире возвышался сам император Николай I. Государь улыбался. Ноги у Вари стали ватными, она сделала реверанс и склонила голову.

— За вашу игру я приготовил вам подарок, — многозначительно про-

изнес Николай. — Вы получите его завтра вечером...

Асенкова хотела поблагодарить, но совершенно пропал голос. Государь тоже молчал и пристально смотрел на актрису тяжелым взглядом: ничего не скажешь, хороша, чистой воды бриллиант...

На следующий день в квартиру Асенковых принесли для «девицы Варвары» бриллиантовые серьги, а еще через день в театре уже поползли слухи. Кто-то, поздравляя, кидался Варе на шею, а некоторые при встрече отворачивались. Но всем был ясно — Варя не просто артистка, а «любезница императорская». У девушки от изумления и обиды навернулись слезы. Всем известно: император просто любит театр, он хотел похвалить ее за удачный дебют.

Варя не привередничала: играла то, что давали играть. Жалованье было мизерное. Но ходить и просить она за себя не станет. Тогда все в свои руки взяла ее мать. От Вариного имени она написала прошение о прибавке жалования. Дирекция театра отправила прошение на рассмотрение в высшие инстанции.

Когда пришел ответ, Варвара вскрыла его и прочла:

«Прибавки никакой сделано быть не может, ибо по собственному отзыву Государя Императора она никаких успехов не сделала».

Билеты на ее спектакли были проданы на месяц вперед — а успехов нет? Приоткрыв дверь общей примерки, Варя услышала:

— Асенкова невеликого ума... Поэтому ей жалование не повышают. Можно ли так легкомысленно относиться к царской милости? Да любая бы на ее месте была бы благодарна и душой, и телом!

Домой она прибежала в слезах. Кто-то подбросил ей записку:

«Бездарность! Уступи место надежде русской сцены — Надежде Самойловой!»

С Надей Самойловой Варя дружила с детства. Наутро в газете появилась заметка, где до небес превозносили талант Надежды.

Но сколько бы не печатали этой заказной лжи, вряд ли у Самойловой будет столько поклонников, как у Асенковой, которую публика после спектакля на руках несет до самой казенной кареты. Офицеры провожают ее до дома верхом, бросая в окно кареты любовные записки. Их за это сажают на гауптвахту, а они смеются:

— Страдаем за красоту!

В театре бурно обсуждали Асенкову. Как-то она случайно услышала реплику:

— У каждой смазливой субретки есть свой покровитель! Нет дыма без огня. Асенкова получает жалование меньше всех. На что живет? Ясно, на средства покровителя...

Схватив шубку, Варя выскочила из театра и побежала по ночному туманному Петербургу. Всю ночь она проплакала, а утром не могла встать с постели: голова кружилась, все тело горело, мучил кашель.

Через несколько дней стало легче, и коллеги пригласили Асенкову

*Варвара
Асенкова*

в загородный ресторан. Актеры расположились на открытой веранде. Вскоре у входа остановился роскошный экипаж. К актерскому столу подлетел хозяин ресторана. Запинаясь и краснея, он сообщил, что в карете император с супругой. И Его величество требует... актрису Асенкову.

Варя, зардевшись, вышла в сад. Оказалось, с молодой артисткой пожелала познакомиться сама императрица. Она с явным удовольствием поговорила с девушкой. А потом государь вдруг спросил:

— Отчего у вас виноватый вид? Вы — актриса нашего театра, и всегда можете рассчитывать на императорскую любовь и расположение.

— Благодарю вас, я буду стараться играть лучше! — еле слышно пролепетала Варя.

Царский экипаж уехал, а она вернулась к столу.

Вскоре Варя узнала, что контракт с нею дирекция, по благоволению свыше, может заключить только на следующих условиях: она обязана играть все роли «кои будет приказано... во всех театрах, где будет при-

казано, и даже в двух театрах в один день, если сие окажется нужным». Дирекция, в свою очередь, вправе прекратить ей выдачу жалованья, если артистка заболеет, «вплоть до ее выздоровления». За год ей полагался один «половинный бенефис». А ведь даже актеры, играющие второстепенные роли, раз в год играли полный бенефис. Варя обессилена опустилась в кресло: говорил ей государь — расположение заслужить нужно. Почти крепостная актриса. А ведь она была вольной.

лучивший отказ, скупил все места в первые ряды и посадил туда только абсолютно лысых господ. Зал заулюлюкал, заходился в смехе. Варя убежала со сцены.

Однажды к Вариной карете подошел какой-то офицер и бросил внутрь ее зажженную шутиху! Стоял и хохотал... Шутиха упала на тяжелую шубу актера Петра Ивановича Григорьева и тут же погасла.

Дело о нападении на актрису Асенкову расследовали долго. Наконец арестовали виновника — не-

Варя не привередничала: играла то, что давали играть. Жалованье платили мизерное, но ходить и просить она не станет. Тогда все в свои руки взяла ее мать. От Вариного имени она написала прошение о прибавке жалования. Когда пришел ответ, Варя вскрыла его и прочла: «Прибавки никакой быть не может, ибо по отзыву Государя Императора она никаких успехов не сделала». Билеты на ее спектакли были проданы на месяц вперед — а успехов нет?!..

Боже, как она уставала! Нередко ей приходилось выходить на сцену по два раза за день, участвовать в ночных представлениях и балах-маскарадах. Варя ночами лежала без сна, разбитая, заходясь в кашле. Один раз на сцене совсем забыла текст...

Домой чуть ли не каждый день приходили пасквилы. На спектаклях Асенкову освистывали наемные зрители, а Надежду Самойлову приветствовали бурными овациями. Один раз какой-то купчик, пытавшийся познакомиться с Варей и по-

коего офицера Волкова. Отправляясь в ссылку на Кавказ, он высунулся из повозки и крикнул:

— Асенкова, попадешься мне еще! С Николаем, значит, можно, а со мной нельзя...

В тот же вечер Варя узнала, что очередной «поклонник» пробрался к ней в квартиру и в отсутствие хозяев изрезал кинжалом всю мебель. Затем начали приходиться угрожающие письма: «Асенкова! Сиди дома и не высывайся, иначе будет плохо...»

Все это подорвало здоровье актрисы. У нее началась чахотка. В 1838 году появились первые признаки болезни. Девушку мучила общая слабость, душил кашель. Но Варя продолжала играть. А Надя Самойлова продолжала злословить:

— Вы слышали? Асенкова играет в новом водевиле «Ножка»! Будет свои ножки всем показывать!

Больше Варенька на сцену не вышла... Она совсем ослабла, не могла говорить громко и никого не принимала: «Не надо, они уже не узнают меня»... «Мама, если б вы знали, как хочется жить, жизнь так прекрасна! Как не охота отдавать Богу душу!» — говорила Варя слабеющим голосом. Александра Егоровна, обливаясь слезами, утешала ее, как могла.

В марте 1841 года лейб-медик Гейндерлих направил в театральную дирекцию записку:

«Считаю нужным для госпожи Асенковой перемену климата и употребление Карлсбадских минеральных вод».

Варя металась в жару. Новость, что государь дает ей отпуск на воды и 150 золотых из казны, она восприняла равнодушно.

За несколько дней до смерти она захотела увидеть Надю Самойлову и послала за ней.

— Зачем, дочка? — спрашивала мать. — Она сделала нам столько зла!

— Я хочу ее видеть!

Надя к ней приехала. Они разговаривали за ширмой, причем так тихо, что никому из домашних не было слышно... Что ей сказала умираю-

щая Асенкова — это осталось тайной. Только Самойлова вышла от нее, рыдая, и произнесла:

— Господи, прости меня! Как же я могла! Никогда больше не скажу про нее ни одного дурного слова! Никогда, слышите! Варя — ангел!

Смерть примирила бывших соперниц...

Варенька Асенкова умерла утром 19 апреля 1841 года в возрасте двадцати четырех лет. Хоронили ее на Смоленском кладбище. С Невы дул холодный ветер. Тысячи людей, преданных поклонников столь рано ушедшего таланта, провожали Варю в последний путь. В толпе шептали — хотел приехать государь, но не смог — всю ночь прорыдал...

МАРИЯ ЕРМОЛОВА родилась в Москве в 1853 году. Ее дед был крепостным скрипачом, а когда получил вольную, устроился на службу в театр. Отец Марии был драматическим актером, написал несколько водевилей. Но позже оставил сцену и работал в театре суфлером.

Детство Марии Ермоловой прошло за кулисами Малого театра: из суфлерской будки отца она наблюдала за игрой Прова Садовского, Сергея Шумского, Петра Степанова. Сегодня в Театральном музее имени Бахрушина хранится рисунок Леонида Пастернака: маленькая Ермолова с отцом в суфлерской будке. Потом она говорила:

«Несмотря ни на что, во мне всегда жила непоколебимая уверенность, что я буду первой актрисой».

*Мария
Ермолова*

В девять лет Ермолову отдали в Московское театральное училище. Сначала ее определили в балетный класс. Девочка склонности к хореографии не обнаружила, зато с удовольствием участвовала в драматических постановках, которые устраивали воспитанницы училища в свободное время. Отец Ермоловой попросил известного педагога Ивана Самарина позаниматься с девочкой. Тот сказал, что способностей у его дочери не заметил, и ее дело — «плясать у воды» (бесталанных ба-

лерин обычно ставили на задний план, ближе к декорациям), а не быть актрисой.

Участвуя в массовых балетных сценах, Мария Ермолова продолжала наблюдать за мастерами сцены. В 1866 году отец поспособствовал тому, чтобы ее взяли на роль Фаншетты в водевиле «Жених на расхват». Но этот спектакль не принес ей успеха. Позже писатель Сергей Дурылин вспоминал, что заметили молодую артистку на сцене Театрального училища: «Ценой не-

имоверных усилий она добилась того, что ей дали сыграть Марину в сцене у фонтана на какой-то пробе в училище, — и неуклюжая девочка на глазах у всех внезапно преобразилась во властную красавицу, в гордую повелительницу».

Счастливым случаем позволил Ермоловой сыграть свою главную роль в трагедии. Перед бенефисом Надежды Медведевой — примы Малого театра — заболела актриса Гликерия Федотова, игравшая в спектакле «Эмилия Галотти». Медведева пригласила на замену Марию Ермолову.

«Мурашки забегали у меня по спине. Я вся вздрогнула. Тут было что-то особенное, сразу сказался громадный сценический темперамент. Много было очень плохо. Но здесь было главное — талант, сила. И я сразу поняла, что судьба направила меня в верную сторону и столкнула с настоящей актрисой», — говорила Надежда Медведева, ученица Михаила Семеновича Щепкина.

Премьера «Эмилии Галотти» прошла в январе 1870 года. Дебютантка произвела ошеломляющее впечатление и на зрителей, и на коллег. Позже она вспоминала:

«Боже! — думала я, — не перенесу, если меня не вызовут ни разу! если я провалюсь!.. Первая сцена прошла, я ухожу и слышу громкие аплодисменты и вызовы... дрожь, но уже не от робости, а от счастья, я вышла раскланяться с публикой... мне единодушно хлопали; убежавши за кулисы, я зарыдала...

Молитва моя была услышана, заветная мечта исполнилась... Я — актриса!»

Семнадцатилетнюю Машу вызывали на бис 12 раз.

Все те же семнадцать лет...

В 1871 году Мария Ермолова окончила театральное училище, и ее приняли в труппу Малого театра. Первое время она играла в основном в водевилях. В образы комедийных героинь Ермолова приносила присущий ее игре драматизм. Ее «легкомысленные барышни» вызывали у зрителя симпатию в любых сюжетных перипетиях. Театральный критик Сергей Флеров писал:

«Область госпожи Ермоловой составляют «светлые» образы».

Позже это качество актрисы назовут «сценическим оптимизмом».

Однако Ермолову очень беспокоил ее репертуар: «Мне уже 18 лет, годы уходят, а я все еще ничего не делаю».

Спустя два года работы в Малом театре ей вновь досталась роль заболевшей Гликерии Федотовой — на этот раз Катерины в «Грозе» Островского. Современники актрисы вспоминали, что после очередного спектакля ее вызывали на поклон 17 раз.

В 1876 году Мария Ермолова сыграла Лауренсию в «Овечьем источнике» Лопе де Вега. Эта роль стала триумфом для молодой актрисы, а в репертуаре Малого театра родилось целое направление, положившее начало «эпохе романтики».

«Здесь каждое слово было подобно электрической искре. Словно раскаленное железо обжигали душу зрителя язвительно-негодующие упреки Лауренсии, обличающей односельчан в овечьей робости и нерешительности, и, как мощные звуки набата, разносились по зале призывы к борьбе против насилия, призывы, все проникнутые трепетом огненной страсти», — отзывался об ее игре театральным историк Александр Кизеветтер.

Несколько лет Мария Ермолова добивалась отмены цензурного запрета на драму «Орлеанская дева» Фридриха Шиллера. Впервые сыграла Жанну д'Арк в 1884 году, она потом исполняла эту роль 18 лет.

«Сама не знаю почему, но исполнение этой роли считаю заслугой перед русским искусством, повторяю, единственной», — писала Ермолова.

Этот спектакль стал невероятно популярным. Говорили, что все декорации «Орлеанской девы» были в дырочках — так много желающих хотели посмотреть его из-за кулис. С 1893 года спектакль даже перенесли на сцену Большого театра.

Всего за свою долгую карьеру Ермолова сыграла более 200 ролей, в том числе Марию Стюарт в двух постановках (в одноименной драме Шиллера и в пьесе Бьернсона «Мария Стюарт в Шотландии»), Сафо в одноименной пьесе Франца Грильпарцера, Имогену в «Цимбелине» Шекспира, Донну Соль в «Эрнани» Виктора Гюго. Актриса сыграла многих героинь Александра Остров-

ского — Ларису в «Бесприданнице», Негину в «Талантах и поклонниках», Кручинину в «Без вины виноватые».

В начале XX века Мария Ермолова сделала в актерской карьере небольшой перерыв:

«37 лет я отдала сцене — и утомилась. Теперь мне нужен год отдыха, чтобы отойти от театра, успокоиться и примириться с мыслью, что я уже более не «героиня». Сразу, на глазах у публики, мне тяжел этот переход: нельзя сегодня быть царицей, а завтра какой-нибудь почтенной старушкой».

«Она играла во многих моих пьесах. Когда после генеральной я, бывало, приходил и благодарил ее за те чувства, которые возбуждала ее необыкновенная игра, я вспоминаю ее застенчивые движения и опущенные глаза... Ее строгое отношение к себе восходит к тем традициям, которыми всегда жили в Малом театре, — высокой требовательности к себе и к своей работе», — писал Владимир Немирович-Данченко.

В 1910-е годы актриса стала играть возрастные роли. В ее репертуаре появились Кручинина и царица Марфа из пьес Островского, фру Альвинг из ибсеновского «Привидения», княжна Плавутина-Плавунцева из «Декабриста» Петра Гнедича.

«Мария Ермолова — это целая эпоха для русского театра, а для нашего поколения это символ женственности, красоты, силы пафоса, искренней простоты и скромнос-

ти», — вспоминал Константин Станиславский.

Кроме работы в театре Мария Ермолова выступала на эстраде с чтением стихов. Она исполняла произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Огарева, Ивана Никитина.

В революцию Ермолова осталась в России, несмотря на то, что ее семья эмигрировала. Она продолжала играть в Малом театре, хоть ей это давалось нелегко:

лет на сцене. А в конце 1921 года она сыграла в пьесе «Холопы» Петра Гнедича. Это был ее последний спектакль. Здоровье актрисы постепенно ухудшалось, и Мария Николаевна говорила: «Лучше я уйду от театра, чем дожидаться того времени, когда театр уйдет от меня». Скончалась Мария Ермолова 12 марта 1928 года. Вечером траурная колесница двинулась к малому театру, и последний путь Ма-

В 1910-е годы актриса стала играть уже возрастные роли, кроме того, она выступала на эстраде с чтением стихов, исполняя произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Огарева, Ивана Никитина. Когда произошла Октябрьская революция, вся ее семья эмигрировала за границу, а Ермолова осталась в России и продолжала играть в Малом театре. «Она играла во многих моих пьесах, — писал Владимир Немирович-Данченко. — Когда после генеральной репетиции я, бывало, приходил и благодарил ее за те чувства, которые возбуждала ее необыкновенная игра, я вспоминаю ее застенчивые движения и опущенные глаза... Ее строгое отношение к себе восходит к тем традициям, которые всегда жили в Малом театре, — высокой требовательности к себе и к своей работе...»

«Если бы вы знали, как неприятно теперь выступать на сцене. Ведь хорошо знаешь, что теперешней публике этого не нужно. И что это за публика? Совершенно чуждая тому искусству, которому мы посвятили всю свою жизнь».

В 1920 году в Малом театре торжественно отпраздновали творческий юбилей Марии Ермоловой: 50

рии Николаевны освещали факелы. Всю ночь в Малом не иссякал поток желающих проститься с любимой актрисой, уходящей эпохой русского театра...

И все-таки ей повезло больше, чем Асенковой. Ее именем даже назван один из московских театров — практически беспрецедентный случай для русской актрисы. □

Владимир Гриньков

БИБЛИОТЕКА

Ивана Грозного

где её искать?

Расследование в свидетельствах и документах

Фото из архива автора

Египетские пирамиды... Земля Санникова... Тунгусский метеорит... Царевич Дмитрий... Шекспир... Спасшиеся дети Николая II... Янтарная комната...

Что объединяет все вышеперечисленное? Там есть тайна. Мы не знаем сегодня и, возможно, никогда не узнаем доподлинно, как именно

возводились пирамиды, действительно ли давным-давно кто-то видел Землю Санникова, и куда она потом исчезла, что такое взорвалось в Сибири у реки Подкаменная Тунгуска, по собственной оплошности погиб царевич, или там орудовал убийца, можно ли говорить о гении Шекспира, или под этим именем скрылся настоящий и не известный нам автор бессмертных пьес, мог ли спастись кто-то из детей последнего российского императора и сохранилась ли бесследно исчезнувшая Янтарная комната. Список подобных загадок истории куда длиннее приведенного. И по праву в этом списке — бесценное книжное собрание, которое мы сегодня называем библиотекой Ивана Грозного. Эта библиотека исчезла, будто испарилась, не оставив следов. Возможно, она где-то сохраняется и поныне, и имя того счастливого, который ее отыщет, — это тоже пока тайна для нас.

Как могли появиться греческие и латинские книги в лапотной и избяной России?

Для начала надобно представить себе Россию XV века. Потому что наша «библиотечная» история как раз в те времена зарождалась и развивалась.

Распадается на отдельные ханства когда-то всемогущая Золотая Орда. Знаменитое «Стояние на реке Угре» положило конец татаро-монгольскому игу, которое за два с лишним столетия обескровило Русь. Знаменитый отечественный историк, академик Б.А. Рыбаков писал о последствиях ига так: «Русь была отброшена назад на несколько столетий». И вот в это самое время, когда только что был восстановлен суверенитет, в Москве, где даже книги (пока только рукописные) на русском и церковнославянском языках — наперечет, появля-

ется богатейшая библиотека книг (также рукописных) иноземных авторов, греков и латинян. Могло ли быть такое? Да, могло. Потому что как раз в то время турки-османы захватили Константинополь, и известная на протяжении целого тысячелетия Византийская империя перестала существовать. И вот с этим событием, с этим городом и с этой империей и связано зарождение той большой тайны, о которой мы сегодня говорим.

По одной из версий, предпоследний византийский император Иоанн VIII Палеолог (ударение — на последнем слоге) в 1440-е годы отправил в Москву драгоценную коллекцию древних книг в надежде их спасти. Потому что к тому времени владения воинственных турок-османов начинались уже едва ли не за предместьями столичного Константинополя,

а обширная и могущественная прежде Византийская империя представляла собой клочок территории, окруженный захваченными османами землями. Предусмотрительный император предвидел, что Константинополь обречен — город будет захвачен и разграблен. Так вскоре и случилось, причем по свидетельству современника, Никейского митрополита Виссариона, тогда погибло 120 тысяч книг. А с Москвой у Константинополя были давние связи. И православие на русскую землю пришло из Византии. И даже первой женой Иоанна VIII была русская, дочь великого князя Московского Василия I Анна, рано, правда, ушедшая из жизни — она умерла от чумы, прожив в браке лишь несколько лет.

По другой версии, книги оказались в Москве несколько позднее. Их привезла с собой Софья Палеолог, представительница византийской императорской династии — она приходилась племянницей и предпоследнему императору Византии, Иоанну VIII, и последнему, при котором Константинополь был захвачен турками — Константину XI. После падения Константинополя Софья проживала в Риме, а в 1472 году в сопровождении свиты прибыла в Москву, где обвенчалась с великим князем Московским Иваном III. С собою она привезла приданое, среди которого, как говорят, были и книги — те самые, которые позже и называли «Библиотекой Ивана Грозного». Русский историк Н.М. Карамзин в нача-

ле XIX века в шестом томе главного труда своей жизни — «История государства Российского» — написал, что прибывшие в Москву греки «обогатили спасенными от турецкого варварства книгами Московские церковные библиотеки». Обязательно надо уточнить, что устройством брака Софии активно занимался уже упоминавшийся митрополит Виссарион, известный, в частности, тем, что он, проживая в то время в Риме, покровительствовал переводчикам и собирателям древних книг. Но особенно важно то, что в браке с Иваном III Софья родила будущего великого князя Московского Василия III, а у того позднее родился сын Иван, внук Софьи Палеолог и будущий царь всея Руси Иван Грозный.

Что за книги были в библиотеке, и действительно ли они представляют большую ценность?

Существуют свидетельства о том, что библиотека насчитывала 800 томов текстов на латинском, греческом и древнееврейском языках. В списке царских книг, который был обнаружен в одном из архивов в 1822 году, а опубликован в 1834 году, перечислены поистине бесценные труды античных авторов, среди них такие известные, как Цицерон, Тит Ливий, Тацит, Вергилий, Аристофан. В упомянутом списке книг содержатся сведения о таком количестве произведений

некоторых из перечисленных авторов, которое превосходит число известных человечеству сегодня.

Поскольку древние книги были большого размера, и каждая весила много килограммов, для перевозки такой библиотеки могло понадобиться полсотни запряженных лошадьми подвод, а, возможно, и больше. Каждый экземпляр создавался вручную, на изготовление его мог уйти целый год или даже больше, обложки книг украшали драгоценными камнями, золотом и серебром. Книга могла стоить от нескольких рублей до ста рублей. Это были огромные деньги — за десять рублей в годы правления Ивана Грозного можно было купить небольшую деревню вместе с ее жителями. Сегодня же ценность этой библиотеки, выраженная в деньгах, просто невозможно себе представить. Как образно выразился один из наших современников, причастный к поискам исчезнувшей библиотеки, человечество за всю свою историю вряд ли заработало столько денег, чтобы их могло хватить для покупки этого книжного собрания.

Нет сомнений в том, что легендарная царская библиотека — это не только достояние российской истории и культуры, но и бесценное сокровище всего человечества.

Люди, знающие о библиотеке Ивана Грозного только понаслышке, порой интересуются, а есть ли какие-то свидетельства, подтверждающие сам факт ее существования, или все, что нам известно — это только легенды.

Такие свидетельства есть, и они создают настолько убедительную картину, что сомнения в том, что библиотека — это не миф, растворяются.

В 1515 году в одном из православных монастырей на знаменитой греческой горе Афон получили грамоту великого князя Московского Василия III, в которой тот просил направить в Москву известного своей ученостью старца Савву для разбора книг и перевода текстов с греческого языка на русский язык в княжеской библиотеке. В грамоте была просьба прислать «переводчика книжново, на время». Но Савва был настолько стар и слаб, что отправить его в дальний путь не решились, а вместо него в 1518 году в Москву прибыл богослов, писатель и переводчик Максим Грек. Он к тому времени получил прекрасное образование — сначала в Греции, а затем в Италии — и пользовался большим уважением. Радушно встретил заморского гостя великий князь Василий III и ознакомил Грека с книжным собранием.

Максим Грек переводил книги княжеской библиотеки девять лет, а после оказался в опале, был отправлен в монастырь, где и прожил более двух десятилетий. Уже в XX веке он был причислен Русской православной церковью к лику святых.

Знаменитую библиотеку видели и в более поздние времена. В 1558 году в ходе Ливонской войны русские войска заняли город Дерпт (сегодня это эстонский город Тарту, а основан

Из Москвы Иван Грозный уехал в Александровскую слободу

он был Ярославом Мудрым и прежде назывался Юрьев). Так в России оказался пастор из Дерпта Иоганн Веттерман. Пастор был хорошо образован и пользовался уважением за свои добродетели. Заслужил он доброе отношение и русского царя Ивана Грозного, который проявил к немцу особую милость и «велел отворить свою великолепную либерею (библиотеку), которую не открывали более ста лет с лишним».

Пастырю предложили заняться переводом книг. Для начала — перевести одну из тех, что

были ему показаны. В помощники пообещали дать царских служилых людей, а еще — щедрое содержание и вознаграждение не только самому пастору, но и прибывшим с ним соотечественникам. Веттерман попросил время на раздумье. Он посоветовался со своими товарищами, и решено было отказаться, потому что, как заподозрили гости, работать над переводами они будут в Москве до самой смерти. Переведут одну книгу — им дадут в работу другую, а там — и третью, и так до бесконечности. Библиотека у царя была огромная. Да и Веттерману пришлось бы позабыть о своей пастве, а он этому противился. Надобно сказать, что и русские люди, которых намечали в помощники пастору, не хотели в это дело ввязываться. Потому что, как и Веттерман, сообразили, что такая работа — на всю оставшуюся жизнь.

И именно царские дьяки и придумали версию, которую можно было озвучить Ивану Грозному, не боясь того, что царь разгневется: мол, немцы сами сказали, что поп их слишком несведущ, не настолько знает языки, чтобы выполнить такое предприятие. Так они все и прибавились от этой службы.

Эти эпизоды говорят о том, что книги легендарной библиотеки видели и при Василии III, и при Иване Грозном. Вспомните ранее выстроенную в этой статье цепочку исторических личностей: Софья Палеолог — Василий III — Иван Грозный. Софья, по одной из версий, и привезла драгоценные книги в Москву. Василий III приходился ей сыном, а Иван Грозный — внуком. Фрагменты мозаики складываются в цельную картину. То есть, библиотека была, и ее передавали по наследству.

Последние упоминания о ней относятся к эпохе Ивана Грозного. После кончины царя никто более библиотеку ту не видел. Она и вошла в историю как библиотека Ивана Грозного — по имени последнего владельца.

Куда же все-таки подевалась царская библиотека?

Поскольку со времен Ивана Грозного никаких новых сведений о том, кто-либо библиотеку видел, не появилось, простор для версий, куда же запропастились бесценные тома, открылся невероятный. Любая из этих

версий имеет право на существование. Но ни одна из них до сегодняшнего дня не нашла подтверждения.

Есть версия, что царское книгохранилище на самом деле существовало, но в последующем книги рассеялись по другим библиотекам, так что легендарная «либеререя» распалась. Вообще книги, принадлежавшие когда-то Ивану Грозному, известны, есть и такие, на страницах которых имеются пометы, сделанные рукой царя. Несколько экземпляров хранятся, например, в Государственном историческом музее в Москве. Наш современник, известный ученый, доктор исторических наук, историк и археолог В.Л. Егоров высказывает предположение о том, что книги царской библиотеки москвичи разобрали из Кремля в годы Смуты. Но ни в одном из книжных собраний не обнаружено ни единой книги из библиотеки Ивана Грозного, о которой можно было бы сказать, что вот этот экземпляр точно могла привезти Софья Палеолог.

Некоторые историки выдвигают предположения о том, что библиотека Ивана Грозного сгорела в одном из московских пожаров. До Отечественной войны 1812 года почти вся Москва была деревянной, дома стояли вплотную друг к другу, и потому порой случались бедствия, поистине ужасающие своими масштабами. В 1571 году войско крымского хана Девлет Гирея дошло до Москвы. Иван Грозный, не рассчитывая на победу в бою, перебрался в Ростов. Хан не

осмелился штурмовать защищенный каменными стенами Кремль, но велел поджечь окружавшие его посады, где жил ремесленный и торговый люд. Деревянные дома запылали и за три или четыре часа посад сгорел дотла. Огонь перекинулся и на территорию Кремля, но там урон был куда меньше. Знаменитый русский историк И.Е. Забелин в XIX веке предположил, что как раз в том пожаре библиотека и сгорела. Спустя полвека, в 1626 году, полыхнуло в Китай-городе, оттуда огонь перекинулся и в Кремль, сгорели царские архивы, о чем остались свидетельства. Еще спустя столетие с небольшим, в 1737 году, в Москве случился такой большой пожар, что в то время его называли Великим. Сгорела примерно четверть Москвы, в том числе и многие постройки в Кремле. Но известно, что в русских городах, в ту пору застроенных деревянными домами, зажиточные люди все самое ценное хранили не в домах, а под ними, в выложенных камнем подвалах. Так поступали и в Московском Кремле, так что книги могли и не сгореть, а быть замурованы в сводчатых подвалах.

Кстати, Кремль — не единственное место в Москве, где могла бы быть спрятана царская библиотека. Ее могли укрыть в царском селе Коломенском или в его окрестностях. Не исключено, что Иван Грозный в 1565 году вывез свою библиотеку в Александровскую слободу, которую он больше чем на полтора деся-

тилетия сделал неформальной столицей Руси и где прожил до конца 1581 года. Уезжая туда из Москвы после ссоры со своими боярами, царь забрал с собой, как написано в летописи, «всю казну». А казна традиционно включала в себя и книги. Свои сокровища царь в те годы наверняка держал при себе, а не хранил в Москве, потому что он постоянно жил в Александровской слободе, оттуда управлял страной, там принимал зарубежных послов. Недаром исследователь И.Я. Стеллецкий, всю жизнь посвятивший поискам царской библиотеки, искал ее не только под Московским Кремлем, но и в Александровской слободе. Он предполагал, что Иван Грозный мог вывезти библиотеку из Москвы полностью или частично.

Обсуждается и версия о том, что библиотека Ивана Грозного могла оказаться в Вологде. Этот город некоторое время был северной резиденцией царя, он даже хотел превратить Вологду в центр опричнины и повелел начать большое строительство — возвести Софийский собор и построить кремль, больший по размерам, чем московский. Под Соборной горкой, что рядом с Софийским собором, и предлагают искать царскую библиотеку.

А еще есть монастыри, и некоторые из них упоминаются как такие, где могли быть замурованы надежно книги. Например, Кирилло-Белозерский монастырь, который находится всего в ста с небольшим километрах

от упомянутой выше Вологды.

Всего насчитывается более 60 версий того, что же случилось с библиотекой. История ее поисков — это настоящая эпопея, события которой длятся уже едва ли не полтысячелетия.

Ходил ли кто-нибудь по кремлевским подземельям?

В самой Москве в XVIII веке, уже при правлении Петра I, случилось событие, которое могло быть напрямую связано с безвестно пропавшей библиотекой. В 1724 году в Канцелярию фискальных дел, которая находилась в столичном Санкт-Петербурге, обратился пономарь московской церкви Рождества Иоанна Предтечи на Пресне Конон Осипов, который сообщал: «Есть в Москве под Кремлем-городом

тайник, а в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками до стропу. А те палаты за великою укрепою, у тех палат двери железные, поперек чеши и кольца проемные, замки вислые, превеликие, печати на проволоке свинцовые, а у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворов». Речь шла о подземельях Кремля. Поскольку происходило все уже не в глубокой древности, а триста лет назад, документов об этой истории сохранилось множество. И вот как развивались события.

Подступились к Осипову с расспросами — как, да что? И вот какую он удивительную историю рассказал. Началось все задолго до того, как он обратился в Канцелярию фискальных дел. За сорок с лишним лет до этого, еще в 1682 году, царевна Софья Алексеевна поручила некоему Василию Макарьеву пройти подземными ходами под Кремлем, разведать, где входы и выходы, и сообщить об увиденном царевне лично. В том году в Москве решался вопрос о власти: кому из сыновей умершего за несколько лет до этого Алексея Ми-

В подземельях Александровской слободы могут быть спрятаны книги библиотеки Ивана Грозного

хайловича быть царем — шестнадцатилетнему Ивану или десятилетнему Петру, будущему императору Петру I? Отец у них был общий, а матери — разные. Время было беспокойное, страшное, и проживавшая в Кремле Софья справедливо опасалась за свою жизнь. Потому и поручила надежному человеку разведать подземные ходы — на случай спасительного бегства.

Макарьев нашел вход в подземелье в Тайницкой башне Кремля, с фонарем спустился вниз и оказался в длинном и широком проходе. За пределы Кремля он не выводил, а резко поворачивал вправо. Теперь левой стеной прохода был, собственно, мощный фундамент кремлевской стены, и в том фундаменте Макарьев увидел ниши с цилиндрическими сводами. Площадь ниш была немалой, размеры каждой из них составляли приблизительно шесть на девять метров. Две такие ниши-комнаты были закрыты массивными железными дверями, и вот на них-то и висели замки и цепи, о которых позднее сообщал пономарь Конон Осипов. Через небольшие отверстия, забранные решетками, в те комнаты можно было заглянуть, что Макарьев, подсвечивая себе фонарем, и сделал. Он увидел, что ниши под самые своды забиты поставленными один на другой сундуками. Но что в тех сундуках — понять было невозможно, и Василий продолжил путь дальше. В конце коридора проглядывали ступени, ведущие наверх. Он

поднялся по ним и оказался в каком-то помещении с массивной дверью. Распахнув ее, Макарьев увидел знакомые места: Красную площадь, ров, отделявший площадь от кремлевской стены в те времена, и понял, что под землю спустился по одну сторону от Кремля, а вышел — уже по другую, преодолев в безлюдном и темном подземелье расстояние около километра.

Царевна Софья выслушала доклад Макарьева с большим вниманием, велела более в подземелье не спускаться и никому о сделанном открытии не говорить. Дьяк хранил тайну много лет, и нарушил данный обет только незадолго до своей смерти, поведав своему знакомому Конону Осипову о задании царевны.

Как Конон Осипов искал подземное хранилище

Надо сказать, что еще за несколько лет до обращения в Канцелярию фискальных дел Осипов пытался достучаться до властей, хотел поделиться доверенной ему тайной. К тому времени царевны Софьи не было в живых почти полтора десятилетия. Осипов обратился в Преображенский приказ и свою тайну доверил лично его главе князю И.Ф. Ромодановскому. Тот обещал дать делу ход. Но годы шли, и никто не вспоминал об Осипове. Тогда он и отправился в Санкт-Петербург. Из Канцелярии его обращение попало в Сенат, а оттуда — прямо в руки императору Петру I,

который отнесся к этому известию с неожиданно превеликим вниманием и на поданной бумаге собственноручно написал: «Освидетельствовать совершенно вице-губернатору». Что означало: московскому вице-губернатору И.Л. Воейкову заняться этим вопросом лично. И закрутилось колесо. Осипова отправили в Москву, выделив ему деньги и снабдив бумагой, позволяющей пономарю вести поиск на территории Кремля.

Первым делом Конон Осипов должен был решить, откуда начать поиски. Он выбрал Угловую Арсенальную башню. Макарьев рассказывал ему, что как раз через эту башню покинул подземелье. А еще из рассказа Макарьева следовало, что именно от Угловой Арсенальной башни — самый короткий путь к подземным палатам с сундуками. Правда, теперь тот подземный коридор был засыпан строителями, и надобно было заново проделать там проход, чтобы пройти к заветным сундукам. Но приставленные к нему люди не столько ему помогали, сколько мешали. Работы продвигались медленно, а через полгода и вовсе остановились. Увы, спустя всего лишь месяц после возвращения Осипова из Санкт-Петербурга в Москву император Петр I скончался, и выданная им незадолго до смерти бумага уже не обладала прежней силой.

Бессильный что-либо изменить, Осипов отступился. И десять лет ничего не предпринимал. Но тайна под-

земного клада не отпускала его, а сам он был уже стар, и мысль о том, что осталось ему жить не так уж много, и он может не успеть добраться до загадочных сундуков, заставила его действовать. Он вновь напомнил о себе властям. В те годы правила императрица Анна Иоанновна. Рассматривал обращение Осипова Сенат. Осипов просил разрешить ему возобновление поисков, позволить выполнение земляных работ и выделить людей для этих целей. Разрешение ему дали, людей выделили.

На этот раз Осипов решил зайти с другой стороны, попробовать добраться до сундуков более длинным путем — от Тайницкой башни, где когда-то начинался маршрут Макарьева. Обследовав башню, он в результате раскопок нашел вход в подземелье! Опять совпало с тем, что рассказывал Макарьев! Вход был. Коридор был. Но за прошедшие столетия он настолько обветшал, что идти по нему было просто страшно, могло и засыпать. Требовалось выделить лес да прислать мастеровых людей, которые лесом укрепили бы своды и стены коридора. Но ничего этого сделано не было, и все остановилось, так ничем и не закончившись.

Пытались ли отыскать книги, или дальше архивных поисков не продвинулись?

В 1894 и 1895 годах в Кремле проводились археологические раскопки. Непосредственно руководил рас-

копками князь Н.С. Щербатов, родной брат П.С. Уваровой, историка и археолога, и одновременно — супруги и соратницы первого директора Исторического музея в Москве графа А.С. Уварова. Научным руководителем был знаток московской старины И.Е. Забелин. А покровительство проводимым исследованиям оказывал московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Целью работ были подземелья Кремля, где рассчитывали найти так называемые «тайники», то есть подземные помещения — палаты и коридоры, а если повезет, то и саму царскую библиотеку. Н.С. Щербатов обнаружил под Троицкой башней два подземных этажа. Каждый из этих этажей состоял из двух палат — передней и задней. Именно в задней палате самого нижнего подземного этажа надеялись увидеть

В Угловой Арсенальной башне Московского Кремля проводил раскопки археолог И.Я. Стеллецкий

вход в подземный коридор, тот самый, по которому шел Василий Макарьев. Но, как сообщал князь Н.С. Щербатов в своем кратком отчете, исследователи столкнулись с тем, что «нижние палаты завалены землей и мусором на 10 аршин, и землю приходилось воротом в бадьях и мешками выносить в Кремлевский сад». Землю поднимали фактически вручную, используя лишь примитивные устройства, работа была проделана большая, но она оказалась бессмысленной: когда приступили к расчистке задней палаты, обнаружилось, что ее своды повреждены настолько, что могли обрушиться в любой момент. Работы в Троицкой башне пришлось прекратить. Тогда перешли в Угловую Арсенальную башню, ту самую, про которую рассказывал Конон Осипов, и вот здесь, как сообщал князь Н.С. Щербатов, «руководитель исследований получил полное нравственное удовлетворение». Под Ар-

сенальной башней обнаружился подземный ход шириной 2,5 аршина (около 2 метров), который был проложен в направлении Троицкой башни. Ход был завален землей. Начали расчищать, освободили 7 аршин коридора и уперлись в белокаменный столб фундамента Арсенала. Все было так, как и рассказывал Осипов. Но если коридор — не миф, так и палаты с сундуками — тоже! Пробивать проход сквозь столб исследователи не решились, планировали «перехватить» желанный ход дальше, уже где-то за Арсеналом, и работы приостановили. Как предполагали — временно.

Но в России уже наступали тревожные времена.

Первая мировая война, Февральская революция, отречение императора от престола, Октябрьская революция. На фоне всех этих трагических событий никому не было дела до царской библиотеки на протяжении более двух десятилетий.

Можно ли посвятить жизнь разрушению легенды?

В истории поисков легендарной библиотеки был еще один увлеченный человек. Его звали Игнатий Яковлевич Стеллецкий. В 1907 году он поступил в только что открывшийся Московский археологический институт и через три года его закончил. К тому времени круг его интересов окончательно сформировался — он хотел исследовать то, что

скрыто под землей, и, почти не имевший поддержки, раскапывал подземные ходы, изучал подземелья в Москве, Пскове, Риге, Выборге. Тогда же он заинтересовался историей библиотеки Ивана Грозного. Эту библиотеку И.Я. Стеллецкий называл «звездой первой величины» среди всех подземных тайн. Он пропадал в архивах, изучал все, что к тому времени было известно, и в 1913 году в архиве города Пярну якобы даже обнаружил оригинал списка книг царской библиотеки, в котором были перечислены тексты античных авторов. Если это так — то находку молодого ученого можно было бы признать сенсационной.

1909-й — этот год И.Я. Стеллецкий называет начальным в истории своих поисков библиотеки Ивана Грозного. И эта история растянулась на долгие 40 лет. Исследования, которые проводил ученый, в том числе и открытие им многочисленных старинных сооружений под Москвой, породили в нем уверенность в том, что царские книги сохранились, и искать их надо в подземельях Кремля. Эта его уверенность и читаемые им лекции возымели действие. В 1912 году московское отделение Русского военно-исторического общества обратилось в Московское дворцовое управление, которое отвечало за царские дворцы в Москве, с просьбой разрешить члену этого Общества И.Я. Стеллецкому обследовать кремлевские стены, башни и подземелья. Ответ из Двор-

цового управления: стены и башни осмотреть можно, подземелья — нельзя.

Ученый не отчаялся. В следующем году в России широко отмечалось 300-летие Императорского Дома Романовых. В связи с юбилеем подданным было дозволено обращаться к Николаю II с просьбами. Стеллецкий от своего имени, лично, в обращении к царю повторил просьбу Русского военно-исторического общества годичной давности: дозвольте обследовать подземелья Кремля с целью поиска библиотеки Ивана Грозного. После долгого ожидания он получил ответ из Императорской археологической комиссии. Ему написали: «Вы прежде уточните место, где спрятана библиотека, а уж потом будем решать». По сути, это был отказ. И снова Стеллецкий не опустил руки. В июне следующего года за него ходатайствовал уже Московский архив Министерства юстиции, который направил в Московское дворцовое управление ходатайство об обследовании археологом И.Я. Стеллецким подземелий в Тайницкой и Угловой Арсенальной башнях Кремля. И на этот раз Дворцовое управление дало свое согласие! И.Я. Стеллецкий жил в предвкушении скорого успеха. Он рассчитывал на то, что в это лето библиотека Ивана Грозного, наконец, будет найдена.

Увы, это был июнь 1914 года. В том же месяце в далеком от Москвы городе Сараево был застрелен австрийский эрцгерцог Франц-Фер-

динанд, что послужило началом последующих страшных событий. Грянула Первая мировая война. В России объявили всеобщую мобилизацию. И никому уже не было дела до старинных царских книг. Потом революция, Гражданская война. Квартира И.Я. Стеллецкого в Хамовниках была реквизирована, а архив, собираемый годами, исчез — в том числе и материалы, связанные с библиотекой Ивана Грозного. Все предстояло начинать сначала. Но И.Я. Стеллецкий был готов пройти этот путь снова. Потому что верил в успех.

Он обратился в Отдел по делам музеев с предложением разыскивать библиотеку. Безрезультатно. Устроился на работу в Исторический музей, чтобы в его стенах продвигать идею поиска библиотеки. Безрезультатно.

Тогда археолог отправился в редакцию газеты «Известия». Там он был принят с распростертыми объятиями, и вскоре в газете опубликовали материал под простым заголовком: «Библиотека Грозного». Затем еще один материал, и еще один. Подключились и другие издания. Это был настоящий ажиотаж! Москва бурлила. Таинственные подземелья Кремля! Сундуки с книгами! Тексты античных авторов! Теперь бывшее равнодушие ученого сообщества могло показаться неуместным, и в июне 1924 года И.Я. Стеллецкому предоставили возможность выступить с лекцией на вновь ставшую

горячей тему в стенах Исторического музея. Символично, что от зала, в котором он держал речь, до Угловой Арсенальной башни Кремля, где он предполагал начать раскопки, было менее 100 метров! Уже близко. Совсем рядом. Очень скоро...

И вновь — никакого результата. Пошумели — и все стихло. О раскопках никто больше не говорил. Но И.Я. Стеллецкий не успокоился. Итак, обращение к музейщикам не помогло. Обращение к общественности — не помогло. Обсуждение в кругу ученых — не помогло.

И только спустя 25 лет после того, как Игнатий Яковлевич Стеллецкий задумал искать библиотеку Ивана Грозного в подземельях Кремля, ему такую возможность, наконец, предоставили.

1 декабря 1933 года счастливый И.Я. Стеллецкий записал в своем дневнике: «Сегодня знаменательная дата. Сегодня первый шаг большого дела. Сегодня начинается, впервые в веках, розыск научным способом библиотеки в недрах Кремля. Все! Все, даже жизнь готов я положить на пути к великой цели, который раскрылся неожиданно предо мной. И я ее достигну: это так же ясно, как то, что пишу эти строки».

В декабре 1933 года И.Я. Стеллецкий приступил к работам в Кремле. Ему даже выдали пропуск — теперь он мог пройти на недоступную для простых смертных и тщательно охраняемую территорию. Возле Успенского собора принялись рыть

колодец в надежде наткнуться на подземный «тайник». Но основные работы развернулись в Угловой Арсенальной башне. Здесь почти сразу обнаружили несколько подземных ходов, но пройти теми ходами оказалось невозможным — они были кем-то и неизвестно когда замурованы. Разрушая замуровку, медленно, метр за метром, продвигались по древнему подземному ходу. Тому самому, «макарьевскому» — археолог уже в этом не сомневался. Одновременно и в самой башне работали землекопы. Они вгрызались в многометровый слой земли и мусора, накопившиеся за века, чтобы добраться до основания башни. Ученому в то время было 56 лет, но он не выпускал лопату из рук целыми днями, работая наравне с землекопами.

В подземном коридоре, начинавшемся под Угловой Арсенальной башней, расчистили около трех десятков метров. В самой Угловой Арсенальной башне, выбирая землю и мусор, рабочие достигли дна, сложенного из старинного кирпича, здесь же была каменная цистерна-бассейн, которая наполнялась водой из природного источника. Нашли, наконец, и огромное подземное сооружение под зданием Арсенала площадью не менее 500 квадратных метров. Фактически это было все, что удалось сделать неутомимому археологу за 12 месяцев. Сам он признавался, что если бы приставленные к нему для организации работ сотрудники комендатуры не ставили палки

в колеса, не плели интриг, не тормозили работу своей бездеятельностью и спорными распоряжениями, они справились бы месяца за три или четыре, а в остальные восемь месяцев сделали бы еще много новых открытий. Как написал позднее в своих записках сам И.Я. Стеллецкий, он «как жук-точильщик избороздил бы Кремль и уж, конечно бы, нашел «затерянный клад России».

По результатам проделанной работы в комендатуре Кремля создали комиссию, в заседании которой пригласили принять участие знаменитых историков и архитекторов. После обсуждения решили работы продолжать. Главная задача — расчистка от песка подземного коридора, по которому когда-то прошел Василий Макарьев.

Царская библиотека, как полагал И.Я. Стеллецкий, была уже где-то близко-близко. Возможно, счет шел уже не на месяцы, а на недели или даже дни. Так мечталось ученому.

Но после убийства С.М. Кирова все работы в подземельях Кремля были прекращены. А вскоре и вообще началась Великая Отечественная война.

И.Я. Стеллецкий в эвакуацию не уехал, а остался со своей женой в Москве. То ли возраст не позволял сорваться с насиженного места (ученому было уже за 60), то ли довлел страх из-за отсутствия в Москве повторно утратить архив, что уже случилось за два с лишним десятилетия

до этого. Поразительно, но даже в декабре 1941 года, когда фашистские войска были совсем близко от Москвы, Стеллецкий записывал запланированное им: пройти подземным ходом от одной кремлевской башни до другой, проверить, есть ли ход от третьей ...

В военной Москве было голодно и холодно. Пожилой ученый еще и дежурил на крышах домов во время налетов фашистской авиации, тушил вместе со всеми зажигательные бомбы. Но чуть передышка — снова занимался главной темой своей жизни. В 1944 году в журнале «Наука и жизнь» была напечатана его статья под названием «Судьба библиотеки Ивана Грозного». Коротенькая, на две странички, в самом конце номера, в непрестижной рубрике «Ответы читателям», в которой Стеллецкий в виде ответа некоему В.М. Ткаченко, проживающему в городе Балхаш Карагандинской области, все по полочкам разложил. И какие книги ожидается обнаружить. И откуда они вообще взялись. И могли ли в принципе уцелеть в веках и в пожарах. И про Василия Макарьева. И про Конона Осипова.

Вы понимаете, что происходило? Шла война. А в сдвоенном, тощеньком номере журнала «Наука и жизнь» в полсотни страниц плохонькой бумаги человек, жизнь свою положивший на разгадку древней тайны, увлеченно об этой тайне рассказывал, словно давал людям понять —

жизнь наладится, вот увидите, победа — она уже скоро.

Война, как и пережитые в разные периоды невзгоды, не могли не сказаться на состоянии здоровья пожилого исследователя. Дважды — в 1943 и 1947 годах — его разбивал паралич. Оба раза ему удавалось вернуться к активной жизни, но он заметно сдал, силы его оставляли.

В январе 1949 года семидесятилетний И.Я. Стеллецкий без чувств упал на улице. Кровоизлияние в мозг. Он надолго обездвижился, не мог самостоятельно принимать пищу, не мог ухаживать за собой, не мог общаться. Спустя три месяца его выписали из больницы. Дома к нему постепенно вернулась речь. Но говорил профессор как-то странно, его никто не понимал. Со временем выяснилось, что говорит он на арабском языке — самом последнем из числа тех, которые он изучал в своей жизни. Все остальные языки, в том числе русский, он забыл, причем удивитель-

ным совершенно образом. Он понимал все, что ему говорили по-русски, а сам сказать по-русски ничего не мог. Словно не мог отыскать в извилинах своего заболевшего мозга нужные слова. Они ведь где-то там были, сохранялись. Но — где? Пойди, найди их в закоулках памяти. Это как с книгами библиотеки Грозного. Книжки есть — ученый свято в это верил! — но где именно они спрятаны в подземных коридорах — загадка.

И это, конечно, был конец. В ноябре 1949 года профессор И.Я. Стеллецкий умер.

Дойдя по подземному ходу до Троицкой башни Московского Кремля, Василий Макарьев повернул направо и вскоре обнаружил два больших помещения, до сводов забитых таинственными сундуками

Всеми забытый? И дело всей его жизни было забыто? Дело, которому он посвятил 40 лет!

Нет, это еще не конец нашей истории.

В 1962 году в №35 «Недели» были опубликованы отрывки из записок археолога И.Я. Стеллецкого о поисках библиотеки Ивана Грозного. Можно предположить, что подтолкнул редакцию еженедельника к этому историк, академик М.Н. Тихомиров, автор замечательных книг «Древняя Москва XII–XV вв.», «Древнерусские города», «Древняя Русь», которыми и поныне зачитываются вдумчивые любители отечественной истории. Двумя годами ранее, в январе 1960 года, этот ученый опубликовал в популярнейшем в те годы литературном журнале «Новый мир» статью под названием «О библиотеке московских царей: Легенды и действительность». Там речь шла как раз о библиотеке Ивана Грозного.

В своей статье М.Н. Тихомиров кратко изложил историю поисков легендарной либерии. Привел мнения скептиков, которые либо вовсе отрицали факт существования книжного собрания великих князей, либо высказывали предположения о том, что когда-то давно такая библиотека была собрана, но впоследствии она или погибла, или была рассеяна по городам и странам, а также приходил к однозначному выводу: «Библиотека московских

царей с греческими и латинскими рукописями существовала — это факт, не подлежащий сомнению». В завершение он писал: «Может быть, сокровища царской библиотеки лежат еще в подземельях Кремля и ждут только, чтобы смелая рука попробовала их отыскать. А такие подземелья и в самом деле существовали в Кремле с XVI века».

Наступил следующий, 1963 год. Первые четыре номера газеты «Неделя» вышли с новыми фрагментами из неизданной книги И.Я. Стеллецкого, которые печатались под общим названием «За синей птицей». История поисков таинственной библиотеки читалась как детектив с продолжением. Поэтому вполне объяснимо, что в четвертом номере «Недели» под заголовком «Кладовая истории. Поиски библиотеки Ивана Грозного» была опубликована такая информация: «Недавно под председательством академика М.Н. Тихомирова состоялось заседание организованной редакцией «Недели» и Археографической комиссией Академии наук СССР общественной комиссии по розыску библиотеки Ивана Грозного». Заседание проходило в дирекции Музеев Московского Кремля.

К поискам библиотеки подключалась Академия наук. И это важная подробность. Авторитет Академии подчеркивал то обстоятельство, что таинственная библиотека — не фикция, не миф, не выдумка каких-то

чудаков. На этот раз к поискам легендарной библиотеки были привлечены столь мощные силы, что до разгадки многовековой тайны оставалось всего ничего. Подземелья стали доступными. И теперь только оставалось выяснить, есть ли в них драгоценные книги, или же правы были те, кто утверждал, что библиотека до наших дней не сохранилась.

Созданная комиссия, возглавляемая академиком М.Н. Тихомировым, подошла к делу основательно. Был разработан целый план, который предполагал архивные поиски подлинника знаменитого списка царских книг, также намечались изучение топографии Кремля, археологические раскопки, сбор всех материалов, имеющих отношение к предмету розыска, и их научный анализ.

Кстати, интересная подробность. В заседании общественной комиссии по розыску библиотеки Ивана Грозного принимал участие главный архитектор музеев Кремля В.И. Федоров. В своем выступлении он сообщил: «Участок Кремля, занятый Большим Кремлевским дворцом, еще недостаточно изучен в архитектурном и археологическом отношении. Особенно большую загадку представляет та часть дворца, которая находится ниже современного уровня земли. Здесь недавно были открыты палаты, часть которых может быть отнесена к началу XVI столетия, когда на этом месте был построен дворец вели-

ких князей. Одна из палат очень хорошо сохранилась. Из нее ведет выложенный камнем подземный ход. Этот ход удалось пока проследить на протяжении трех метров. Можно надеяться, что его дальнейшее исследование позволит открыть и другие неизвестные помещения, а может быть, и то, что мы ищем, — тайник с книгами Ивана Грозного». Согласитесь — выглядит логично. Если из подземного помещения начнется тайный ход, то он ожидаемо может привести в какие-то другие подземные помещения. И нельзя исключать, что в тех помещениях что-то будет обнаружено. Почему бы — не царские книги?

Казалось, что разгадка близко. Но в 1965 году скончался академик М.Н. Тихомиров, главное лицо в комиссии по розыску драгоценных книг.

Все затихло еще на несколько десятилетий. И на сегодняшний день ничего не известно о том, чтобы кто-то активно занимался поисками библиотеки Ивана Грозного.

Что будет дальше?

Если есть тайна, то обязательно найдутся люди, которые захотят ее разгадать. А тайна библиотеки Ивана Грозного живет уже почти полтысячелетия — в последний раз ее видели, без малого, 500 лет назад. Ее загадочную историю можно было бы воспринимать как легенду, как какую-нибудь Атлантиду, которую,

похоже, никто и никогда не найдет. Но слишком много известно фактов и немало сохранилось свидетельств, которые складываются в достаточно цельную и убедительную картину, в правдивость которой не поверить просто невозможно. Светила науки, авторитетные ученые, исследуя все доступные им исторические документы, приходят к выводу: царская либерия — не выдумка.

А иногда доказательства, а если и не прямые доказательства, то красноречивые факты, которые тоже могут быть подтверждением возможности существования библиотеки драгоценных книг, заставляют крепко задуматься. В 1958 году болгарский ученый, исследователь старинных рукописей и специалист по истории Византии Иван Дуйчев опубликовал в 15-м томе «Трудов Отдела древнерусской литературы Института русской литературы», который издавала Академия наук СССР, свою статью под названием «Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного».

Исследовав написанные царем послания, И. Дуйчев отмечает, что Иван Грозный «обнаружил поразительные знания в византийской истории и литературе», указывает на «редкую начитанность этого крупного исторического деятеля» и на то, что «Иван Грозный обладал познаниями во всей византийской истории — от начальных веков вплоть до падения Византийской империи под ударами турок в 1453 г.» И далее в

своей статье ученый пишет: «Хронологический диапазон познаний Ивана Грозного в области римской и византийской истории чрезвычайно широк».

Русский царь приводил в своих посланиях примеры из истории древнегреческой Трои, упоминал о римском императоре Октавиане Августе и с поразительной точностью очерчивал границы Римской империи в годы правления этого императора, а примеры из византийской истории далекого от него IX века Грозный приводил с такими мельчайшими и точными подробностями, что нет никаких сомнений — он черпал их из надежных источников, которыми могли быть только книги. Книги, которыми он — об этом можно говорить с уверенностью! — владел и которые до сих пор не найдены.

Далее И. Дуйчев пишет: «Иван Грозный обнаруживает познания не только в политической истории Византийской империи. В его посланиях упомянут целый ряд византийских писателей и литературных памятников, причем из них сделаны довольно большие выписки». Выписки! Откуда? Из тех самых книг, которые тоже пока не обнаружены.

Они где-то есть. Они существуют, и их надо искать. И если библиотека Ивана Грозного когда-то будет обнаружена, это, возможно, породит новые вопросы. И нам придется разгадывать новые загадки. □

Она поступила в театральный вуз, можно сказать, против воли родителей. И в выборе не ошиблась! Сегодня Анна Тараторкина играет на сцене, снимается в кино и к своему делу относится очень серьезно. По-другому и быть не может у наследницы такой славной фамилии! Кстати, как оказалось, Анна не единственная из молодых Тараторкиных, кто решил связать жизнь с актерской профессией...

Анна Тараторкина

Папа был рыцарем в самом широком и самом высоком смысле!

Фото
из личного
архива

— Анна, сразу после окончания Щепкинского училища вы поступили в Российский академический молодежный театр и верны ему по сей день. Параллельно вы снимаетесь в кино. Какие подарки в профессиональном плане — на сцене и на экране — преподнес вам ушедший 2021 год?

— В РАМТе — роль роскошной стервы, красавицы и светской львицы Натальи Дмитриевны в «Горе от ума». Сейчас репетирую Полину в

«Игроке» Достоевского. Снялась в сериале, который должен был бы уже выйти, но из-за того, что я летом лежала в больнице с ковидом, сроки сдвинулись. Теперь не знаю, когда его поставят в эфир, но, возможно, через месяц-два. Сериал называется «Котейка» — так прозвали мою героиню — ветеринара по профессии. Это такой иронический детективный... вот я сказала,

*В роли Инги в спектакле «Инь и Янь.
Черная схватка»*

«сериал», но это не совсем точно. Есть такой формат на ТВЦ — когда, скажем, показываются в выходные две серии, в следующие выходные еще две и так далее. И главные герои одни и те же. А героиня моя похожа на доктора Хауса, потому что тоже мизантроп, тоже врач, хотя лечит не людей, и она расследует преступления по тому, что происходит с животными, которые, так или иначе, оказались задействованы в произошедшем. Снималась я с замечательными актерами — Даниилом Спиваковским, Димой Миллером...

— И с замечательными животными?

— Естественно. Но опять-таки из-за того, что я заболела, а сроки поджимали, многие сцены

вынужденно снимались с дублерами. Я ведь выпала серьезно: полтора месяца в общей сложности. Когда после всего этого я впервые летела в Уфу, где проходили съемки, сидела в самолете и думала — долечу ли? Очень тяжело было! Но с какими-то животными я все-таки поснималась. Помню, с Димой Миллером у нас была сцена с уткой. Ее привезли, наверное, из какой-то соседней деревни. Нам надо было передавать птицу из рук в руки, спускать на воду, осуществлять еще какие-то манипуляции с ней. И я чувствовала, как в совершенно безумном ритме бьется ее крошечное сердечко. Утка была в таком стрессе! Мне было ее ужасно жалко. Я мысленно с ней разговаривала, уговаривала: «Бедняжка, вот ведь как ты попала! Потерпи еще чуть-чуть, и мы тебя выпустим!»

— Когда вы уезжаете на съемки или на гастроли с театром, с кем остается ваш 10-летний сын Никита?

— С моей мамой, Екатериной Георгиевной. К тому же у нас чудесная помощница Ирина — настоящая Мэри Поппинс.

— Ваша мама сыграла роль Гали Четвертак, одной из девушек-зенитчиц в картине «А зори здесь тихие...» Тогда, в 1972 году, молодых актрис очень серьезно погружали «в материал», они испытывали почти те же трудности, что и прототипы их героинь в годы войны. Зато и фильм получился, что называется, на все времена. А сейчас — актер приезжает на съемочную площадку, ему вручается текст, и через час — все, идет съемка. Вам не кажется, что это уже не искусство?

— Мама много рассказывала мне о тех месяцах в Карелии, когда они снимали «А зори здесь тихие...» Она тогда жила в одном гостиничном номере с тетей Олей Остроумовой. Им, пяти молодым актрисам, действительно пришлось, насколько это было возможно, прочувствовать все то, что испытывали на войне их ровесницы. Станислав Иосифович Ростозкий рассказывал девушкам о собственном фронтовом опыте, о том, через что прошел, что видел. И это действительно помогло маме и другим актрисам сыграть свои роли глубоко и достоверно. Наверное, в некоторых случаях похожее отношение к работе, к подготовке актеров, встречается и сегодня. Но факт остается фактом — мы живем в такое время, когда деньги диктуют очень многое. Арти-

На съемках фильма «Два берега»

сты и режиссеры становятся заложниками этой ситуации. Есть желание заниматься действительно искусством, но нет возможности. Ты хотел бы погрузиться в материал, хотел бы его изучить, но нет времени. Мне кажется, тут еще имеет место и организационная проблема. И в кино это чувствуется больше, чем в театре. Есть ощущение, что вот эта ниточка преемственности порвалась. Ушли те поколения директоров, которые умели продумать и организовать все «на берегу», теперь их функции поделены между директорами и продюсерами — креативными, исполнительными, линейными...

В роли Амалии Бежецкой в спектакле «Фандорин»

— И это не на пользу процессу?

— Конечно — ответственность расплывается. И кино сейчас — это абсолютная спонтанность, тем более в наше пандемическое время. Ничего нельзя планировать, ничего нельзя прогнозировать, и нужно быть готовым абсолютно ко всему — например, что за три часа до смены могут поменять объект, сцены... Но в любом случае, я надеюсь, что со временем все как-то образуется, образумится и вернется на круги своя. Но, с другой стороны, я заметила: если изначально присутствовало человеческое и творческое намерение, и оно не до конца осуществилось как раз из-за нехватки времени, то все равно в итоге на экране происходит что-то настоящее, трогательное, цепляющее.

— Быть дочерью знаменитых родителей — это трудно?

— Во всяком случае, это не было для меня проблемой. Наоборот, с детства, с того момента, как я начала себя осознавать, я безумно гордилась родителями. Помню, как меня просто распирало от восторга, когда мы с папой шли по улице и на него оглядывались, просили автограф. С папой вообще отдельная история. У нас с ним «роман» начался, можно сказать, с пеленок. Когда я родилась, папа готовился к съемкам в телеспектакле «Сирано де Бержерак». А я была очень буйным ребенком. В 7 часов вечера у меня начинался вечерний «спектакль», который длился, как правило, до утра. Я активно бодрствовала. И папа, чтобы дать маме возможность отдохнуть, брал меня на себя. Буквально. И читал мне монологи Сирано, обращенные к Роксане. То есть это было наше первое творческое, так сказать, партнерство. Потом, когда стала чуть

постарше, я заявила папе, что, когда вырасту, выйду за него замуж. Прошло какое-то время, я поняла, что маме конкуренцию вряд ли составлю, и рассталась с этой мыслью.

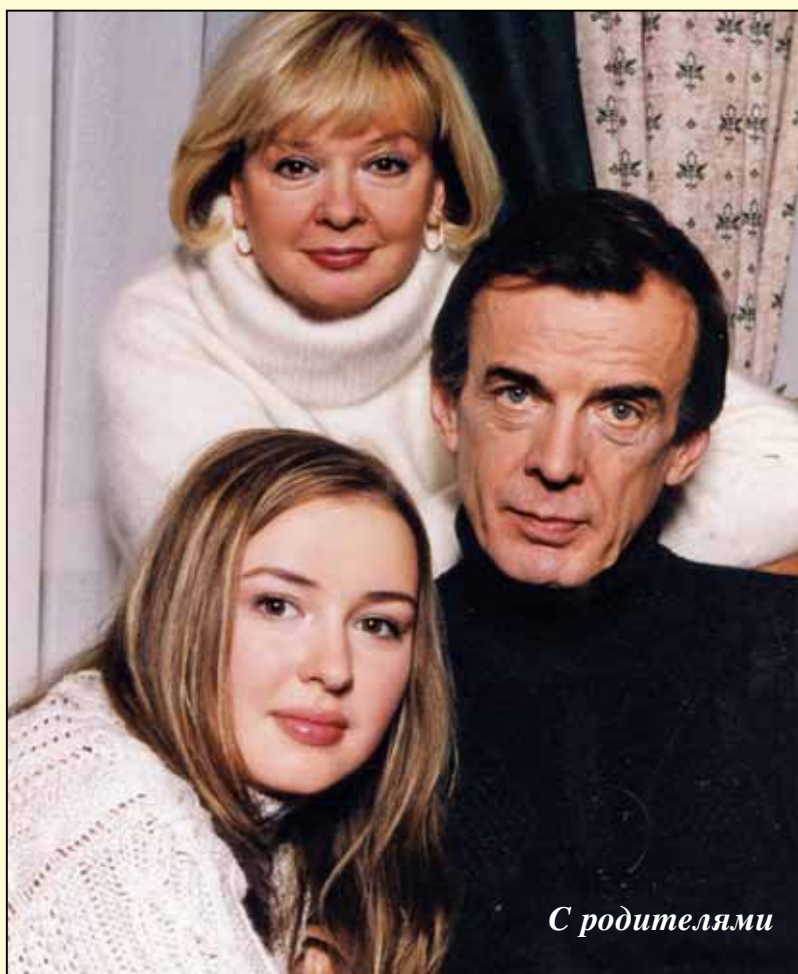
— Громкая фамилия помогала вам в профессии или мешала?

— Конечно, когда я поступала одновременно в несколько театральных вузов и называла свою фамилию, в приемной комиссии часто возникала некоторая... предвзятость. Но это вызывало во мне такой бешеный азарт! Драйв! Я была настолько хорошо подготовлена, весь мой огромный репертуар настолько стал частью меня, что мне было уже неважно, пройду я или нет. Мне было важно прочитать эти стихи и прозу, донести что-то свое, было важно, чтобы меня выслушали! То есть этот гвоздь самовыражения засел у меня в голове, во всем моем существе, во всей моей природе. Наверное, благодаря этому я вез-

де и поступила, а выбрала в итоге Щепкинское училище.

— Как к вашему решению стать актрисой отнеслись родители?

— Папа был, так сказать, не в восторге. А мама — категорически против. Но папа всегда очень осторожно высказывался, когда дело касалось каких-то наших с братом решений — чтобы, не дай бог, не сбить нас с толку, не оказать давление, не повлиять на наш собственный выбор. А мама сказала: «Ты что, совсем с ума сошла?! И с чего ты решила, что тебя кто-то возьмет? Ты же знаешь, что это лотерея. Тебя просто могут не успеть разглядеть!» И она права, такое действительно часто случается при поступлении в творческий вуз: даже талантливый человек может по какой-то причине не понравиться пе-

С родителями

*В роли Ольги
Ершовой
в фильме
«Смертельная
схватка»*

Справа:
*В фильме
«Тень
дракона»*

дагогам, можно оказаться просто не в то время и не с теми людьми. Однако мой «лотерейный билет» оказался счастливым, за что я благодарна судьбе, потому что очень люблю то дело, которым занимаюсь.

— Георгий Георгиевич Тараторкин — такой абсолютный аристократ. Как в профессии, так и в жизни. Во всяком случае, складывалось такое впечатление. Оно верное? Каким был ваш отец в быту?

— Папа был невероятно простым. И это была какая-то высшая простота, которая складывается, наверное, из миллиона крупиц разных сложностей. А что касается аристократизма... Как правильно сказала Ольга Михайловна Остроумова: «Тараторкин — рыцарь театра». Он на самом деле был рыцарем — в самом широком и самом высоком смысле. У него никогда не было дорогих вещей. Папа абсолютно спокойно относился

ко всему материальному. Он настолько был какой-то нездешний... Но, между тем, повторяюсь, абсолютно простой, свойский, и сам про себя говорил: «я — балагур». Так и вижу его во всегдашних джинсах и рубашке с закатанными рукавами. Или в черных джинсах и в черной водолазке. Все! При этом он был настолько совершенен, что любая одежда смотрелась на нем элегантно. Он украшал собой одежду, а не наоборот.

— Театральные костюмы Георгия Георгиевича сохранились?

— Да, конечно. Была замечательная выставка в Бахрушинском музее, посвященная папе, слава богу, успели до пандемии. Потом была выставка «Благословляю все, что было...» в Санкт-Петербурге в Музее театрального и музыкального искусства. Были вечера памяти в киноклубе «Эльдар» и в Театре имени Моссовета. В Бахрушинском музее были выставлены папины театраль-

ные костюмы, включая костюм Петра Петровича Шмидта из спектакля Ленинградского ТЮЗа «После казни прошу...» Его легендарная роль. Есть запись в Интернете: папа, приехавший на юбилей ТЮЗа, выходит на родную сцену в костюме лейтенанта Шмидта, который сидит на нем идеально. А прошло почти полвека. Папа вышел — и зал встал. И была такая овация, что он долго не мог начать говорить. А потом прочитал монолог Петра Петровича Шмидта. Это было — до слез...

— У ваших родителей очень счастливый брак. Это был тот случай, когда противоположности притягиваются?

— Да. Абсолютно. Более разных людей, я бы даже сказала, полярных, чем мама с папой, я в своей жизни не встречала.

— Георгий Георгиевич — спокойный, меланхоличный, а Екатерина Георгиевна, значит, взрывная?

— Ой, мама — огонь! Она очень эмоциональ-

ный человек. Достаточно резкий, в чем-то даже жесткий. А папа всегда смягчал все углы и шероховатости.

— Ваша мама предпочла «цыганской» актерской профессии «домашнюю» писательскую. Она таким образом выбрала семью, или призвание притянуло?

— Думаю, призвание, ведь мамыны родители, мои дедушка и бабушка, известные советские писатели Георгий Марков и Агния Кузнецова. А в маминых книгах — такая сумасшедшая энергетика, в них так лихо закручены сюжеты, столь яркие характеры и судьбы, что это, безусловно, является таким ее альтер эго. Так что, уйдя из актерской профессии в писательскую, мама просто сменила «формат выпуска».

— Я слышала, что на похоронах вашего отца произошло нечто неожиданное — попрощаться с Георгием Георгиевичем пришел человек в генеральской форме, которого ни вы, ни ваша мама в лицо не знали...

— Эту историю лучше бы рассказала мама. Я те дни помню сквозь пелену. Но такое действительно было. Генералом оказался Александр Иванович Бастрыкин, председатель Следственного комитета России. Он написал поэму, посвященную папе, и прочитал ее на панихиде. Это стало для нас, конечно, неожиданностью. Причем с папой они не были на короткой ноге. Безусловно, пожимали друг другу руки при каких-то случайных пересечениях, может быть, связанных с фестивалем «Золотая Маска» — папа был его президентом, или по делам Союза театральных деятелей — папа был его секретарем, но не больше. Оказалось, что Александр Иванович — многолетний папин поклонник, почитатель его таланта.

— Георгий Георгиевич действительно был удивительно талантливым человеком...

— Да, во всем. Я вообще считаю, что основная удача моей жизни, это то, что меня угораздило появиться в такой семье. И какое прекрасное было у меня детство! Все это — удивительный дар, который непо-

нятно за какие такие заслуги был мне дан.

— Вы упомянули старшего брата. Он ведь выбрал другую профессию, не актерскую?

— Филипп — историк, кандидат исторических наук, руководит факультетом и научным архивом в РГГУ, и он очень талантлив в своем деле. Мы с братом, а он старше на восемь с половиной лет, большие друзья. Всегда были друзьями. И у меня два замечательных племянника. Старший, Федор Филиппович, — очень-очень умный, учится в Сеченовском университете на факультете биоинженерии и биоинформатики. Он светило, он там буквально «подметки рвет». Учится уже на третьем курсе. А младший, Михаил Филиппович, с брачком получился — в тетку, пошел в артисты. Учится у обожаемого мной Льва Абрамовича Додина на первом курсе. Уехал из Москвы в Питер, живет там в общежитии, бедняга, а ведь домашний ребенок! Очень хочется, чтобы у него все получилось.

— Приближается самый любимый всеми праздник — Новый год. Что бы вы пожелали нашим читателям?

— Чтобы наступающий год был для каждого более легким, спокойным и позитивным. Будьте здоровы и счастливы, любимы и успешны. А главное, желаю всем нам — мира! □

Беседовала **Марина Бойкова**

Ирина Опимах

Жан-Франсуа Милле и его «Анжелюс»

Жан-Франсуа Милле.
Автопортрет

В 1914 году 10-летний Сальвадор Дали поступил учиться в школу (громко называвшуюся академией) братьев ордена Девы Марии в Фигерасе. Один из коридоров строгого здания школы украшала репродукция картины французского художника Жана-Франсуа Милле «Анжелюс». «Анжелюс» — молитва, которую правоверные католики должны читать три раза в день. Это Благовест — ангел Господень возвещает Деве Марии, что она зачала от Духа Святого и родит младенца, того, который станет Христом.

«Радуйся, Мария...

Моли о нас, Пресвятая Богородица! Да удостоимся исполнения Христовых обещаний.

Помолимся! Просим Тебя, Господи: наполни наши души Твоей благодатью, дабы мы, познав через Ангельское приветствие воплощение Христа, Сына Твоего, Его страданием и крестом достигли славы Воскресения. Через Христа, Господа нашего. Аминь».

На картине (небольшой — 55х66 см) — муж и жена, крестьяне. Они стоят посреди широкого поля, склонившись над корзиной с картошкой. А вдали — церковь (это церковь в Шали, неподалеку от Барбизона, где жил Милле),

и время молитвы «Анжелюс», время благодарить Господа за жизнь, им дарованную. Мы словно слышим этот колокольный звон, зовущий к вечерней молитве, и видим свет вечерний, окрашивающий мир этих людей

в трепетные, дрожащие тона. На картине нет никакой драмы, но почему какая-то неизбывная грусть и тоска чувствуются в этом блестяще написанном пейзаже?

От него трудно оторваться... Вот и маленький Дали, однажды остановившись у картины, испытал ее мощное воздействие. Став взрослым, он написал около 60 вариаций на ее тему (к примеру, известное полотно «Археологический отголосок «Анжелюса» Милле»), пытаюсь разгадать ее загадку. И ему это удалось!

Жан-Франсуа Милле родился 4 октября 1814 года в маленькой нормандской деревне Грюши. И хотя его родители были фермерами, семья отличалась от простых нормандских крестьян — отец будущего художника играл на органе в местной церкви, один дядя был священником, а второй — врачом. В общем, деревенская интеллигенция. А потому, хотя Жан-Франсуа и работал на родительской ферме, на земле, он все-таки получил неплохое образование — знал латынь, литературу и — с юных лет любил рисовать.

Родственники быстро заметили его способности — уж очень хорошо у него получалось изобразить то, что он видел вокруг себя. Поэтому на семейной совете решили, что его следует отдать на обучение настоящему художнику. В 1833 году начались его университеты: сначала мастерская шербургского живописца дю Мушеля, потом — баталиста Ланглуа, а затем городские власти, тоже заметившие одаренного юношу, назначили ему

пенсию и в 1837 году отправили учиться в Париж — в престижную Школу изящных искусств, в класс Поля Делароша, модного создателя масштабных исторических полотен. Но все, чему учил Деларош, было так далеко от интересов Милле, от его любви к природе, от жизни тех людей, которых он знал... Да и вообще — Париж, с его шумом, суетой, с огромными толпами людей, экипажами, узкими темными улицами и залитыми светом площадями, где он чувствовал себя таким одиноким и никому не нужным, его пугал. В первый свой день в Париже он разрыдался от тоски. «Я старался превозмочь свои чувства, — вспоминал Милле спустя годы, — но не мог, это было выше моих сил. Мне удалось сдержать слезы лишь после того, как я зачерпнул руками воды из уличного фонаря и облил себе лицо... Так я встретился с Парижем. Я не проклинал его, но меня охватывал ужас о того, что я ничего не понимал ни в его житейском, ни в духовном бытии».

Шли дни, он пытался приспособиться к городу, к Деларошу, но... Ему, этому красивому сильному человеку, высокому, бородатому, с могучей шеей и широченными плечами нормадцу, по сути, настоящему крестьянину, знавшему, что такое работа в поле, претила театральность работ учителя, короля парижских салонов. Милле вообще не нравилась театральность в искусстве, а потому Буше, например, он называл селадомом (то есть потрепанным дамским угодником и волокитой), а о персонажах Буше

писал: «Они напоминают мне кукол, набеленных и румяных. И как только окончится представление, всю эту братию свалят в ящик, и там они будут оплакивать свою судьбу».

Он был просто не совместим со всем этим блестящим парижским миром. И единственное, что его примиряло с жизнью в столице, — это Лувр, ведь там были полотна старых мастеров. Трагические, непостижимые Мантенья, Микеланджело, Рембрандт и стали его настоящими учителями... «Мне показалось, что я нахожусь в

давно знакомой стране, в родной семье, где все, на что я смотрел, предстало передо мной как реальность моих видений», — писал он.

«Искусство у нас — просто отделка, украшение гостиных, — говорил Милле, глядя на поделки Делароша и его последователей, — тогда как в старину, и даже в средние века, оно было столпом общества, его совестью». И однажды он бросил Делароша, пытавшегося заставить его писать так, как делал сам. Это был настоящий бунт! Милле тогда сказал Деларошу:

«Анжелос»

«Жнецы на отдыхе»

«Меня никто не заставит кланяться! Не заставит писать в угоду парижским гостиним. Крестьянином я родился, крестьянином и умру. Всегда буду стоять на моей родной земле и не отступлю ни на шаг».

И он пытался идти своей дорогой, пытался писать то, что его волновало, и так, как он уже теперь умел. Только вот в Париже его живопись была никому не нужна — ну, скажите, кого могут взволновать картинки крестьянского, тяжелого быта, кто готов, к тому же, отдать за эти грустные полотна деньги?

Жан-Франсуа пытался как-то зарабатывать, писал портреты. Но...

В 1841 году он женился на дочери шербургского портного Полин Вирджини Оно. Они любили друг друга уже четыре года, а теперь стали мужем и женой. Но их семейное счастье продлилось недолго, всего три года —

нищета убила его первую, горячо любимую жену Полин. Туберкулез, болезнь бедных... Вот она, Полин, на написанном им портрете незадолго до ее смерти — хрупкая, болезненная, еще совсем юная... Всю жизнь Милле мучила мысль, что это он был виноват в ее таком раннем уходе.

(В 1845 году 31-летний художник встретит дочь простого рабочего Катрин Лемер, и жизнь снова ему улыбнется. Катрин станет ему преданной женой, матерью его 9 детей и самым близким человеком в жизни, готовым разделить с ним и его успехи, и его неудачи, которых было немало.)

В конце 1840-х годов его картины начали замечать. И покупать. О Милле заговорили критики. В 1848 году он продал несколько картин и на вырученные деньги приобрел дом в деревне Барбизон. Милле и его коллеги-

Портрет Полин Вирджини Оно

Портрет Катрин Лемер

художники во главе с Теодором Руссо, поселившиеся в этом давшем название целому направлению во французском искусстве живописном местечке, создавали французский реалистический пейзаж, мир, в котором царила природа и жил человек, работающий и созидающий...

Вот и на полотнах Милле — французские крестьяне трудятся, радуются и страдают. Это — сильные люди, преодолевающие самые разные невзгоды и беды. «Данте деревенщины», «Микеланджело мужичья» — недаром так стали называть Милле критики.

Нетрудно представить, как воспринимались на главной выставке столицы, в парижском Салоне — шикарном, напыщенном, изысканном, эротичном, нередко фальшивом, пошловатом и безвкусном, — картины Милле, на которых крестьяне работа-

ли на поле, держа в руках мотыгу. И эта мотыга, и эти люди становились каким-то обобщением; они были способны не только на смиренный каждодневный труд, но и на бунт. И эта заложенная в них сила пугала!

Понемногу Милле стал зарабатывать, но денег все равно не хватало. От безденежья он не смог поехать на похороны матери. В 1859 году, будучи уже хорошо известным художником (посетители Салона видели «Сеятеля» и «Собирательниц колосьев» (1857)), Милле писал: «Дров у нас осталось дня на два, на три, и мы просто не знаем, что делать, как достать еще. Через месяц жене рожать, а у меня нет ни гроша». К счастью, в его жизни в 1860 году появился коллекционер Альфред Сенсье, заключивший с Милле договор, по которому художник отдавал 25 картин в год, а Сенсье платил ему

жалованье и покупал краски и холсты. Кабала, но все же...

А 1859 год был очень трудный, безденежный. В тот год и была написана картина, так поразившая юного Дали, — «Анжелюс». Одна из самых популярных ныне картин во Франции, она была написана по заказу американского художника Томаса Эпплтона, восхищенного «Сборщицами колосьев». Однако что-то произошло в его жизни, и он не выкупил картину. Два года она хранилась в доме Милле, а потом он выставил ее на продажу и получил 1000 франков. И, наверное, радовался, получив эти деньги, не подозревая, что очень скоро она будет стоить в 800 раз больше!

В 1866 году договор с Сенсье был расторгнут, а уже в следующем году Милле стал кавалером Почетного легиона. К нему пришла настоящая слава и настоящий успех...

Но, увы, к тому времени здоровье могучего мужика Франсуа Милле стало давать сбои. Чувствуя, что ему становится все хуже, он заказал в Барбизонской церкви обряд бракосочетания с Катрин — на 3 января 1875 года. (Более 20 лет назад их союз был зафиксирован лишь гражданскими властями — денег тогда у Милле на церковный обряд не было.)

Спустя 16 дней после венчания художника не стало. Ему было всего 60 лет...

Одна из последних его работ — картина «Весна». После дождя мир словно умыт. Он чист и свеж, и солнце зажигает в еще не ушедших тучах радугу. Мощный, невероятно юный по духу ху-

дожник, мастер в расцвете сил, на вершине творчества, Милле писал незадолго до своего ухода: «Нет, я не хочу умирать. Это слишком рано. Мое дело еще не сделано. Оно едва начинается».

А начиналась долгая жизнь его полотен...

Милле был признан классиком, его картины продавались на аукционах и стоили больших денег. Вот и «Анжелюс» стал столь известным, что вскоре его репродукции уже украшали дома почти всех католиков Франции.

После того как Милле продал ее за «огромные» деньги — 1000 франков, она несколько раз поменяла собственников. В 1889 году ее снова выставили на продажу. Теперь за нее боролись представители Американской ассоциации искусств, и картине угрожала опасность навсегда покинуть Францию. Тогда известный журналист, искусствовед, меценат и коллекционер Антуан Пруст попытался отбить картину у американцев. Но... американцы победили, предложив невиданную по тем временам сумму — 580 тысяч франков. Картина была с успехом показана в крупнейших городах США, а пока она совершала этот тур, во Франции копили силы, дабы вернуть полотно на родину. И очень скоро Альфреду Шошару, хозяину сети роскошных магазинов «Галереи Лувра», председателю разных благотворительных фондов и издателю журнала, посвященного истории Лувра, удалось перекупить у американцев «Анжелюс» за астрономическую сумму — 800 тысяч франков. Все во Франции превозносили Шошара, называя его поступок «патри-

*«Собира-
тельницы
колосьев»*

отическим жестом, достойным истинного гражданина». И Шошар был ужасно горд! А когда миллионер умер — в 1909 году — его коллекция картин, включая и «Анжелюс», по завещанию попала в Лувр.

В 1932 году на картину было совершено покушение — на нее с ножом набросился один из посетителей музея. К счастью, серьезных повреждений удалось избежать. А вандал, попав в полицейский участок, с упоением рассказывал о себе — уж очень ему хотелось прославиться, остаться в истории. Тогда репортажи об этом деле были на первых полосах всех французских газет.

В 1963 году о картине снова заговорили. Сальвадор Дали, прославленный художник, попросил дирекцию Лувра исследовать полотно Мил-

ле с помощью рентгеновских лучей. Эта картина уже много лет не давала ему покоя — в ее композиции, в фигурах крестьянина и его жены ему виделось что-то скрытое. И чутье не обмануло Дали — под корзиной картофеля оказалось нечто вроде гроба, решил Дали и торжествующе заявил: «Я всегда видел смерть в этой картине». (Это его ощущение можно было понять. Когда-то, еще до его рождения, умер его старший братик, девятимесячный Сальвадор. Когда родился будущий художник, родители дали ему имя того, умершего сына, и Дали многие годы нес в себе сознание того, что живет за своего брата. «...Я всегда хотел доказать себе, что существую. Что я — это я, а не мой покойный брат», — признавался он.)

*Сальвадор
Дали.
«Археологи-
ческий
отголосок
"Анжелюса"
Милле»*

А вот как о картине, о ее замысле и смыслах рассказывал сам Милле: «Анжелюс» — это картина, которую я писал, думая о том, как некогда, работая в поле и заслышав звон колокола, бабушка не забывала прервать нашу работу, чтобы мы благоговейно прочитали ... «Анжелюс» за бедных умерших». Жизнь и смерть — они всегда рядом...»

Возможно, Милле и хотел поначалу рассказать о трагедии пары несчастных людей, потерявших своего ребенка, рассказать о похоронах дитя, которого не успели крестить, а потому нет ему места на церковном кладбище — только в поле. Но потом он передумал, и на картине появилась корзина с картошкой. А уж о чем они размышляют, эти

крестьяне, муж и жена, слушая звон колоколов и вознося молитву Деве Марии — их дело. Может, вспоминают умершее дитя, поэтому так печальны, может, молят о новом ребенке, может, вспоминают своих предков, так же трудившихся на этом поле, и благодарят за то, что теперь и им позволено возделывать эту землю, благодарят за то, что живы. И в этом есть свет надежды, свет веры...

Сегодня картина украшает собрание парижского музея Орсе. И каждый, попав в музей и подойдя к шедевру «крестьянского Микеланджело» Жана-Франсуа Милле, может услышать звон колоколов и увидеть этот свет — свет, несущий надежду и любовь... □

Итоги конкурса «Книжка лучше мышки»

Дорогие читатели!

Спасибо всем, кто принял участие в нашем конкурсе. Мы получили огромное количество откликов на него и рады, что книга по-прежнему остается для многих и другом, и собеседником. Так было, есть и будет, пока человечество живет, развивается, а главное, умеет мыслить и чувствовать. Этот конкурс оказался не совсем обычным — конкурсом читательских писем, каждое из которых по-своему интересно и важно. Но мы выделили из них три письма, наиболее отвечающих теме конкурса, — они и стали победителями.

1-е место — Владимир Фокин, деревня Артемьевская
Архангельской области

2-е место — Наталья Мальцева, г. Прокопьевск
Кемеровской области

3-е место — Вячеслав Молчанов, г. Орлов

Удачи и счастья, дорогие друзья, в новом году!

1-е место

Владимир Фокин

Сельский магазин в послевоенной архангельской деревне. На полках скудный запас товаров: хлеб, соль, треска в огромной бочке, спички, крупы, папиросы... И вверху — книга в красочной обложке. Мне всего лет 7–8, но сестра уже научила из букв составлять слова, и, пока стоим в очереди вместе с мамой, я читаю название книги: «Тартарен из Тараскона». Слова загадочные и непонятные. Вверху мелким шрифтом: «Альфред Доде». И снова ничего не понятно. Очень хочется взять эту книгу в руки (наверняка там много картинок!) и узнать, кого или что обозначают эти слова на обложке. Но у мамы, оставшейся после войны с пятью детишками и тянущей в одиночку семейный воз на одну пенсию за потерю кормильца, на книгу денег не выкроить: в кол-

хозе труд оплачивался начисленными трудоднями, по которым в конце года выдавали зерно, сено да солому для коровы. Не раз и не два я буду любоваться на эту книгу — простоит она на полке без движения не одно лето. До сих пор я помню свое страстное желание хотя бы подержать в руках эту загадочную книгу. Удастся это сделать лишь спустя четверть века в библиотеке Ленинградского института культуры во время заочной учебы. А первую книжку мать мне все-таки тогда купила. Это была тоненькая брошюрка в мягкой обложке с черно-белыми картинками — сказка «Лиса и дрозд».

Середина января. На улице жуткий холод. Мне лет 5–6, старшие братья и сестра в школе, меня одного оставили дома. Я распеваю песню с такими вот запоминающимися словами: «Собирала Парашка морошку, Ах, какая морошка была! Проторила Парашка дорожку, А дорожка к морошке вела». Я не знаю, откуда в нашей избе поселилось в ту зиму стихотворение Александра Яшина, которое я распевал как песню. Авторство я узнаю лишь лет в 40, когда случайно открою яшинский сборник стихотворений и наткнусь на запомнившуюся мне с малых лет «Парашку с морошкой». И радостно мне тогда станет, что одной неразгаданной тайной стало меньше.

Какая радость нагрянула к нам, когда в середине пятидесятых годов в соседней деревне на втором этаже здания сельсовета открылась библиотека. Лена Саврасова, Галя Скрипова — первые ее заведующие — казались мне тогда богинями, владеющими таким богатством. До этого в соседнем доме Алик Баскаков дал на пару дней книгу Бориса Житкова «Что бывало». Читал при свете копилки и вместе с автором, казалось, навещал те места. Борис Житков запомнился, и спустя два десятка лет уже своим детям мы с женой читали немного наивные с высоты сегодняшних дней повествования о путешествиях автора.

В открывшейся сельской библиотеке на первых порах книг было немного, но почти сразу почему-то подсел я на научную фантастику. Жюль Верн, Александр Беляев, Герберт Уэллс... Все книги этих авторов, что попадали на стеллажи нашей библиотеки, заносились в мой читательский формуляр. Тогда же я открыл для себя и Михаила Шолохова. Брат Николай стал выписывать «Роман-газету», и два раза в месяц почтальон стал приносить нам все книжные новинки, попавшие на страницы этого издания. Помнится, книгу Григория Федосеева «Злой дух Ямбуя» читали и обсуждали всей семьей.

В начале 60-х годов перед отправкой на дальний сенокос с бригадой колхозников я в последний момент заскочил в сельскую библиотеку, и мне из только что полученной посылки вытащили первую попавшуюся книгу. Вечером я достал из сумки книгу и на обложке прочитал: «Две зимы и три лета». Имя автора Федора Абрамова мне тогда ничего не подсказало. Но стоило прочитать первый абзац, как повествование захватило: автор словно с нас списал обстановку всей окружающей природы. Такая же сенокосная из-

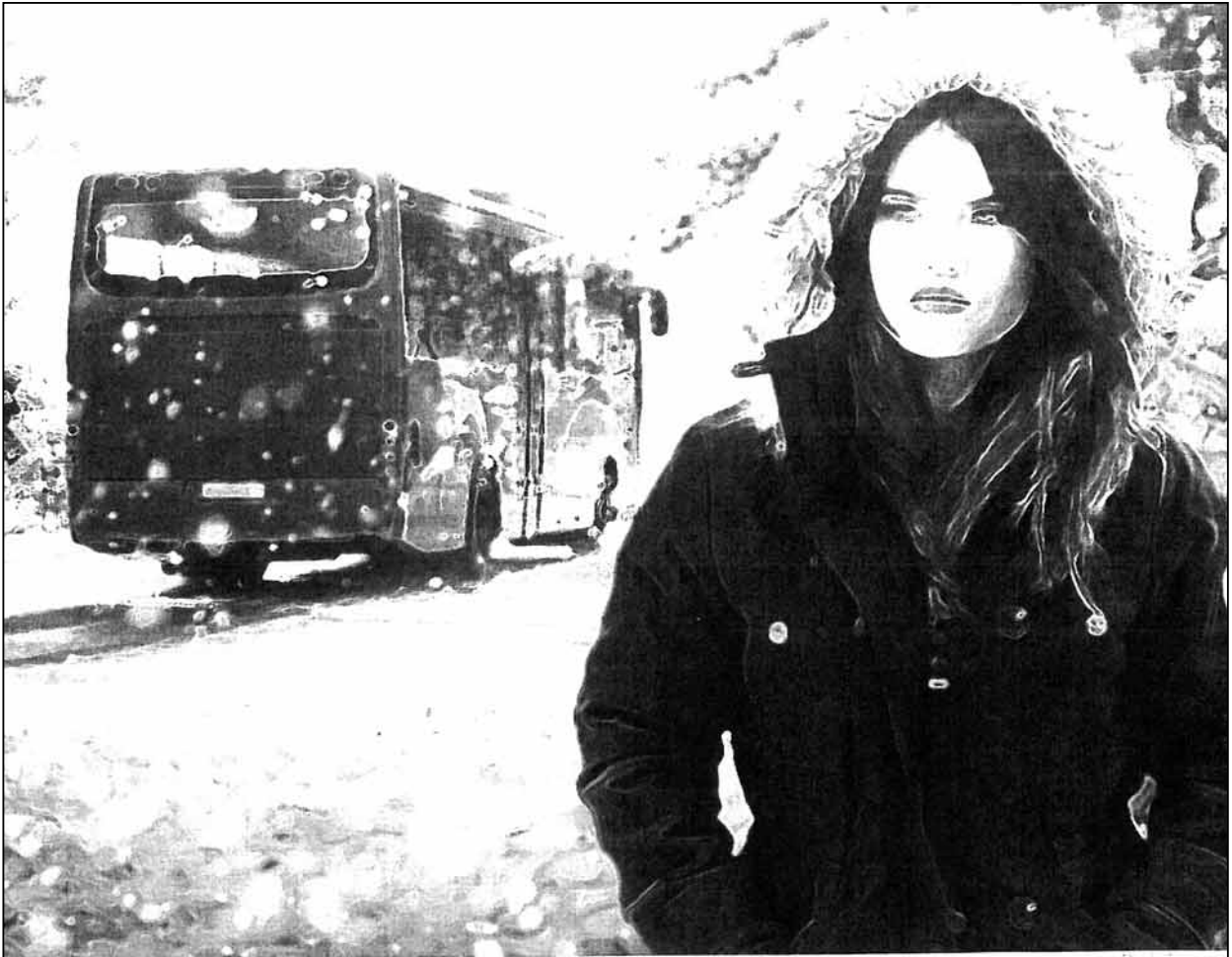
бушка за спиной, стол, изрезанный ножом предыдущих работников, такой же костер с остывающим ведром, где кипятили чай. Не утерпев, я закричал: «Мужики! Тут про нас написано!» — и начал читать вслух... В тот сезон такие «громкие читки» превратятся в обязательные после ужина, а земляк Федор Абрамов станет моим (и не только моим!) любимым писателем. В минувшую зиму я перечитал все его произведения, поражаясь точности наблюдений и поразительной прозорливости Федора Александровича.

С появлением в нашей семье детей (а их у нас четверо) книги на столе преобладали в основном детские. Стихи Агнии Барто дети запоминали сразу же, как только начали говорить первые слова. «Идет бычок качается», «Наша Таня...», «Зайку бросила хозяйка», «Матросская шапка, веревка в руке»... По мере взросления детей «взрослели» и авторы. «Дядя Степа» уже соседствовал с русскими или волшебными сказками, Робинзон Крузо ждал капитана Немо. Став взрослыми и имея мобильные телефоны и компьютеры, дети не забывают про книги до сих пор. С внуками посложнее, так как слишком рано ворвались в их жизнь гаджеты и игровые приставки, где не надо особо думать, напрягать память. Но внучка Саша, семиклассница, перед сном обязательно читает книги, и не только обязательные по школьной программе. Благо, что сейчас любую книгу можно взять в библиотеке или выписать через интернет-магазин.

Вот уже и районные власти стали пропагандировать литературу, учредив лет 15 назад районный праздник поэзии — Фокинский фестиваль: «Счастлив тот, кто счастлив дома на своей родной земле», взяв за основу названия стихотворную строчку поэтессы-землячки Ольги Фокиной. В один из летних месяцев съезжаются со всей области любители поэзии и музыки, чтобы послушать других, выступить самим с чтением как собственных стихов, так и северных авторов. Внучка Саша на каждом фестивале читает стихи именитой землячки и неизменно получает звание лауреата. Занимаясь в театральной студии при Доме культуры, обучаясь в школе искусств, она стала участником и победителем многих областных и общероссийских конкурсов, а благодаря этим победам и дипломам в сентябре прошлого года три недели бесплатно отдыхала в международном лагере «Артек». Но и там отличилась, заняв первое место в творческом конкурсе лагеря «Полевой» и приняв участие в артековском гала-концерте, где читала рассказ северного писателя Бориса Шергина «Модница».

А минувший год под самый занавес ознаменовался еще одним событием: выпуском коллективного сборника «Семьи-струнка», в котором семь авторов, объединенных творчеством и родственными узами, в разных жанрах (поэзия, проза, журналистика) говорят со страниц книги о наболевшем.

Нет, в нашей семье, и семьях детей и внуков компьютерная мышка хоть и потеснила книги, но не стала главной. Надеюсь, и дальше они будут просто соседствовать. □

Незадолго до Нового года Дина решила разобраться на антресолях и в самом дальнем углу наткнулась на небольшую коробку. Сдвинув брови, она попыталась вспомнить, что в ней может быть. Сразу на ум ничего не пришло, и тогда Дина заглянула внутрь. В коробке лежало что-то круглое, бережно завернутое в несколько слоев газеты. Она осторожно приоткрыла край свертка, и в груди неожиданно потеплело. В старых газетах лежала елочная игрушка — большой стеклянный шар с синими бабочками.

Пришлось слезть с табурета на пол, уборка была отложена — нахлынули воспоминания...

... Бабушкин дом в небольшой деревеньке... Сугробы — белые-белые, пушистые, огромные, как горы, особенно возле заборов. В погожие дни на них даже больно смотреть — они так сверкают на солнце, что напоминают россыпи драгоценностей. А как звонко поскрипывает снег под ногами! Как озорно мороз щиплет за ребячьи щечки!

Но вот чуткий нос улавливает запах блинов, живот сразу же отзывается голодным томлением, и Дина с братом Владиком топчут по ступенькам крыльца; забывая смести стареньким веником снег с валенок, влетают в теплую избу. Но бабушка и не думает их ругать! Она стоит возле печки с тарелкой в руках и улыбается. А на тарелке высится большущая стопка румяных блинов. И каждый из них похож на солнышко...

... А потом наступает вечер. Темный-темный за окном, похожий на черничное варенье, в которое какой-то шалун набросал горстями золотистые крупинки звезд.

На улице мороз, а в доме тепло — белобокая русская печь с материнской нежностью отдает избе свое тепло.

Комод, обычно занимавший простенок между двух окон, сдвинут в сторону. На несколько дней его место заняла пушистая лесная красавица. Пока это еще просто елка. Но на полу уже стоит большой фанерный ящик, в котором бабушке когда-то прислали посылку. Сейчас вместо гостинцев в ней полным-полно сокровищ. Это и разноцветная мишура, и хрупкие елочные игрушки: шарики, «сосульки», разные фигурки и большая красная звезда, которую всегда крепят на самую макушку. В соседнем селе когда-то была фабрика по производству стеклянных фигурок и новогодних игрушек, поэтому у бабули в серванте стояло несколько разноцветных статуэток, и елочных украшений было в достатке.

Близнецы Дина и Владик уже не первый год помогают бабушке наряжать новогоднюю красавицу, но каждый раз, прежде чем начинать доставать игрушки, замирают на некоторое время и разглядывают содержимое коробки.

А потом начинается волшебство! Каждая и без того сверкающая игрушка осторожно протирается мягкой тряпочкой, а потом, одна за другой, занимает свое место на колких веточках. И обычная елка превращается в новогоднюю принцессу.

В доме сразу становится нарядно и празднично.

Дина всегда больше всех праздников любила Новый год. И даже теперь, отметив тридцатилетие, она радовалась, глядя на наряженные елки, и где-то в глубине души продолжала верить в сказку и чудеса.

Бабушки нет уже несколько лет, дом ее пустует. Дина с Владом выросли и уехали далеко из родных мест. Семьями пока ни он, ни она не обзавелись, что очень сильно огорчало родителей.

Дина вспомнила, как они с братом однажды взяли себе на память по игрушке из фанерного ящика. Влад выбрал пузатенького воробышка, а Дина — большой стеклянный шар с синими бабочками. Только вот привезла его с собой, убрала на антресоли и забыла.

Интересно, а у брата воробышек сохранился?

Она вернулась в комнату, где уже стояла наряженная искусственная елка. Опустившись на пол рядом с ней, Дина всмотрелась в шарик. Обычное прозрачное стекло. Правда, очень-очень прозрачное, почти незаметное на расстоянии. И три бабочки, нарисованные явно вручную ярко-синей краской. Прямо не бабочки, а васильки! В краску добавлено немного перламутра,

и рисунок красиво переливается на свету. Даже спустя столько лет он остается целым, краска нигде не отлетела, хотя шарик всякое повидал на своем веку. Однажды его просто чудом не разбили! Шарик уже летел вниз, но маленькая Дина успела подставить подол своего платяца и смягчила приземление.

Вспомнив этот случай, Дина мягко улыбнулась. Ну вот, опять как будто вернулась в детство! И так вдруг захотелось туда — в бабушкин дом, к печке и настоящей лесной красавице! Посидеть за столом, накрытым белой в зеленую клетку клеенкой, выпить чаю из самовара и послушать, как воет вьюга за окном. И во всей этой простоте почувствовать себя совсем маленькой, но очень счастливой!

Она грустно вздохнула и осторожно повесила шарик на пластиковую ветку. Как жаль, что все это лишь мечты... Хотя... Дина посмотрела на синих бабочек. А почему бы и нет? Что ей мешает закрыть квартиру и уехать в деревню? Да, путь, конечно, не близкий, но ведь до наступления Нового года еще есть время!

Позвонив друзьям, с которыми она собиралась встречать праздник, и предупредив, чтобы ее не ждали, Дина быстро собралась в дорогу. Стекланный шар с синими бабочками был бережно упакован в коробочку и взят с собой.

Очувившись в салоне междугороднего автобуса, Дина облегченно выдохнула. Еще бы, можно сказать, что ей повезло! Купить билет перед самым Новым годом было не так-то просто. Люди активно перемещались перед праздниками, кто ехал домой, кто-то, наоборот, направлялся в гости.

Дина села к окну, расстегнула куртку и устроилась поудобнее — путь предстоял не близкий. Соседнее место пока пустовало, но она знала, что все билеты на этот рейс уже раскуплены. До отправки оставалось всего пять минут, так что сосед или соседка вот-вот появится.

Она не ошиблась. Женщина-контролер, пожелав водителю доброго пути, уже вышла из салона, и тут Дина заметила бегущего от вокзала человека. Поравнявшись с контролером, он протянул ей свой билет, а после проверки запрыгнул в автобус. Это был молодой мужчина с небольшой сумкой на плече.

Быстро пройдя по салону, запоздавший пассажир остановился рядом с Диной.

— Здравствуйте! Я так понимаю — мы с вами соседи? — улыбнулся он.

Дина поздоровалась и тоже улыбнулась. Попутчик был довольно симпатичный, лет тридцати на вид, темноволосый, кареглазый. Он сел на свое место и, едва автобус тронулся, принялся с интересом смотреть в окно.

— Я в тех местах никогда не был, — пояснил сосед через некоторое время. — А вы, наверное, домой едете?

— У меня бабушка когда-то там жила, а мы с братом часто у нее гостили, — ответила Дина.

— Меня Захаром зовут. А вас? — снова приветливо улыбнулся попутчик.

Дина представилась. Дальше разговор завязался сам собой. И весь путь, занявший почти четыре часа, пролетел как-то незаметно.

Захар рассказал, что едет к другу в гости. Тот давно звал его к себе. «Мы еще с института дружим, хоть и видимся не часто. Но я все никак собраться не мог. А вчера вдруг взял и решил — поеду обязательно!»

Дина тоже не стала скрывать, что поездка ее совершенно спонтанная. «Я вспомнила, как хорошо было у бабушки, особенно в Новый год. Погрустила немного, а потом подумала — а что мне мешает съездить туда? Быстро собралась, и вот — еду!»

Деревня, в которой был дом Дининой бабушки, находилась в трех километрах от села, куда ехал Захар. Его остановка была конечная, а Дина выходила раньше. Когда автобус притормозил у обочины, она поднялась с места и тепло попрощалась с соседом:

— До свидания, Захар!

— До свидания, Дина! — улыбнулся ей молодой человек. — И с наступающим вас!

— Ой, правда! Уже совсем скоро Новый год! И вас с наступающим!

Дина вышла, двери закрылись, и автобус тронулся дальше. Захар посмотрел на пустующее место и грустно вздохнул.

Проводив взглядом отъезжающий автобус, Дина тоже вздохнула. Потом огляделась по сторонам и широко улыбнулась. Еще бы! Ведь она приехала в свое детство! Подхватив сумку с вещами, девушка неспешно пошла в сторону деревни.

Вот старая береза... Она очень необычная — в полутора метрах от земли ствол разделялся на три части и становился похожим на трезубец. Когда-то они так и звали эту березу — Трезубец. А там, справа, большой пруд. В нем летом такая теплая вода! Можно целый день просидеть в пруду и не замерзнуть! Зимой же он превращался в шумную площадку для развлечений многочисленной детворы. Мальчишки играли на льду в хоккей, девочки и ребятня помладше катались на лыжах и санках. Визг и писк на пруду стояли до позднего вечера.

А вот и родная улица. Приближаясь к бабушкиному дому, Дина замедляла и замедляла шаг. Как говорится — ожидание праздника порой лучше самого праздника. Она прекрасно понимала, что в доме ее никто не ждет, что в нем темно и холодно. Но так сладко было вернуться сюда, так радостно снова окунуться в свои воспоминания, что ее даже не пугал предстоящий холод. Дров в сарае было оставлено много, а топить печку Дина умела с детства.

Еще несколько шагов, и ее встретит деревянная калитка, выкрашенная голубой краской. Еще чуть-чуть и...

И тут — неожиданный сюрприз! В бабушкином доме горел свет! Он лился из всех окон мягкими желтым теплом и делал опустевший дом таким живым и добрым! Хотя... сейчас дом опустевшим не был — в дополнение к свету, из печной трубы в сиреневое декабрьское небо струился дым. Сердце Дины замерло. Топилась большая «русская» печь! А ведь с нею далеко не каждый мог управляться. Помнится, кроме бабушки еще папа умел топить печь-волшебницу, да несколько раз они пытались обучить этому премудрому делу Дининого брата Влада. Но Влад сейчас далеко... Так кто же хозяйничает в бабулином доме?

Дина остановилась, глядя на калитку, но потом решительно толкнула ее и вошла во двор. Из-за угла послышался шум — кто-то чистил снег. Мужчина, ловко махавший широкой лопатой, обернулся.

— Влад?! — радостно воскликнула Дина, узнав в нем брата. — Откуда ты взялся?! Ты мне не снишься? — И она, весело смеясь, повисла у него на шее.

— Динка, родная! А я-то думал, что ты не приедешь! — бросив лопату, крепко обнял ее Владислав. — Я тебе и звонил и «эсэмэски» писал! А от тебя ни слуху ни духу!

— Звонил?! — удивленно переспросила Дина. — Ты мне звонил? Но у меня не было никаких звонков! И «эсэмэски» твои я тоже не видела.

То, что рассказал дальше Влад, было похоже на сказку. Буквально несколько часов назад он еще был у себя дома и наряжал елку. И тут ему на глаза попала старая елочная игрушка — пузатенький серебристый воробышек. Он взял птичку в руки... И тут нахлынули воспоминания!

Одним словом, с ним случилось то же самое, что и с сестрой. Видимо, не зря говорят, что связь между близнецами гораздо сильнее, чем просто между братьями и сестрами. Влад попытался дозвониться до Дины, писал эсэмэски, чтобы пригласить ее в бабушкин дом, но безуспешно.

— Странно... — проговорила Дина и хотела достать телефон, но не тут-то было! Телефона она нигде не обнаружила, ни в карманах, ни в сумке.

Попробовали еще раз позвонить с трубки Влада, но звонка не было слышно.

— Неужели потеряла? — огорчилась Дина, но брат поспешил успокоить ее:

— Не расстраивайся, может, ты его дома забыла...

Дина попыталась восстановить момент поспешных сборов и выхода из дома. Вот она позвонила и вызвала такси... Вот ей перезвонили и сообщили, что машина ожидает у подъезда. Сердце в тот миг отчего-то забилось чаще, и Дина, чтобы справиться с волнением и соблюсти старинную тради-

цию, присела на кровать. Точно! Тогда она положила телефон рядом с собой. Сосчитала до десяти и встала, взяла собранную сумку с вещами, повесила на плечо маленькую сумочку и пошла к двери.

— Фу-у... Влад, ты, кажется, прав — я его дома оставила!

— Ну, вот видишь! И потом, даже если ты его и потеряла, я тебе новый подарю! Велика ли потеря! Единственное, что контакты труднее будет восстановить, а остальное — ерунда, ты даже не заморачивайся!

Потом Дина с Владом немного прибрались в доме. Приехав на несколько часов раньше, брат уже растопил печку, и в комнатах было тепло. На улице совсем стемнело, когда они принялись наряжать елку. Ее тоже принес Владислав, и теперь она заняла свое привычное место в простенке между окнами. Вскоре в ожившем доме зазвучали смех и радостное: «А помнишь?..»

Самыми последними на зеленых ветках устроились пузатенький воробышек и стеклянный шар с синими бабочками.

Когда куранты на Спасской башне пробили двенадцать раз, Дина и Влад поздравили друг друга с наступившим Новым годом и выпили шампанского. А через несколько минут темнота за окном неожиданно раскрасилась всеми цветами радуги.

— Ой, фейерверк! — обрадовалась Дина.

— Точно! — ответил Владислав. — Я и сам хотел купить, да не смог до тебя дозвониться и передумал — как-то неинтересно запускать салют одному.

— А теперь у нас с тобой настоящий Новый год! — рассмеялась Дина. — Ой, а пойдём на улицу посмотрим!

Любуясь фейерверком, брат и сестра без труда определили, что его запускают из села, которое находилось километрах в трех отсюда. Дина улыбнулась, вспомнив своего попутчика — кареглазого Захара. Ведь он тоже где-то там, веселится с друзьями...

А в это время во дворе дома, где в веселой шумной компании встречал Новый год Динин новый знакомый, действительно запускали фейерверк, и каждый его залп приветствовался восторженными криками.

Пока разноцветные залпы раскрашивали ночное небо, Захар веселился вместе со всеми. Потом парни и девушки решили вернуться в дом к праздничному столу. Уже поднявшись на ступеньки крыльца, Захар немного задержался и, облокотившись на перила, стал смотреть куда-то в ночную темноту.

— О чем задумался? Чего в дом не идешь? — поинтересовалась выглянувшая из двери сестра друга Лена. Они были давно знакомы — учились в одном институте, правда, Захар был уже на третьем курсе и учился с ее братом, а Лена только поступила на первый.

— Да вот, стою, воздухом дышу. Хорошо у вас тут! — ответил Захар.

— Согласна! Я и сама, когда к Сережке в гости приезжаю, здешним воздухом надышаться не могу. Живу в городе и вроде ничего, все нравится. А как сюда приеду, так все, ностальгия! Я ведь тоже выросла здесь, только когда в институт поступила — уехала. А в школу тут ходила, все одиннадцать лет. У нас хороший класс был, дружный. Мы с ребятами до сих пор общаемся. Раньше здесь вообще много детей было. Вон там, например, — показала куда-то в темноту Лена, — деревня есть, километра полтора напрямую. Так мы и там часто бывали. Зимой на лыжах ходили, летом на велосипедах ездили. Там тоже ребятни было много. Помню, в той деревне близнецы часто жили, брат с сестрой. Они к бабушке на все каникулы приезжали. Так я с этим мальчишкой один раз на велике ехала, он меня на раме вез. Мне сидеть неудобно, а он ругается: «Не вертись, а то оба грохнемся!». Ну и грохнулись! Я коленку здорово расшибла, а он руку вывихнул. А их бабушка нас тут же в строй ввела. Мне рану обработала, Владу вывих вправила. Дала по пирогу и отпустила с богом. Я ее пироги до сих пор помню... Вкуснющие! Огромные такие — больше двух штук за раз не съешь! А Динка вообще еле-еле с одним управлялась!

— Как ты сказала — Дина? — резко развернулся к ней Захар.

— Ну да! Сестра Владика...

— А в каком доме они жили, помнишь?

— Конечно! А что? — удивилась Лена.

Захар помялся немного, а потом рассказал, что познакомился в автобусе с девушкой по имени Дина. Она сказала, что едет в деревню в бабушкин дом. А что, если это и есть та самая Дина? Может, заглянуть к ней, с Новым годом поздравить?

— Кстати, может быть, это как раз та самая Дина! — согласно кивнула Лена. Имя-то не такое уж распространенное! Тем более в нашей глуши!

Через некоторое время по заснеженному полю заскользили два огонька. Это Лена и Захар, вооружившись фонариками, катили на лыжах в сторону соседней деревни. Им повезло — небо вдруг очистилось от облаков, и появилась луна. Она сегодня была полная и освещала все вокруг мягким серебряным светом. Снег заискрился, словно какой-то волшебник щедрой рукой набросал на землю несметные сокровища. От легкого морозца дышалось свободно, и на душе стало как-то по-особенному радостно. Захару вспомнилась попутчица... Чем-то она запала ему в душу, и он уже не раз корил себя за то, что не спросил у девушки номер телефона. Когда Дина была рядом, ему об этом как-то не думалось, а когда поднялась со своего места и вышла из автобуса, Захар вдруг понял, что сглупил, но было поздно... И вот сейчас появилась крохотная надежда на то, что девушка, к которой они сейчас спешили, окажется той самой Диной из автобуса!

Захар осторожно коснулся спрятанного за пазухой свертка. Он не знал, что это такое. Уже в самый последний момент, когда он посетовал на то, что не позаботился о подарке, Лена вернулась в дом, а потом вручила ему что-то завернутое в бумагу:

— Возьми, только аккуратно. Это будет наш маленький подарок.

Дина и Владислав давно уже вернулись в дом, когда вдруг раздался стук в дверь.

— Кто бы это мог быть? — удивилась Дина, переглянувшись с братом.

— Не знаю, — пожал плечами Влад. — Может, кто-то из деревни?

Стук в дверь повторился.

— Ой, а я знаю, кто это! — рассмеялась Дина. — Это Дед Мороз пришел нас с Новым годом поздравить!

— Не иначе! — улыбнулся Владислав и пошел открывать.

Дина не утерпела и поспешила за ним.

... На пороге стояли парень и девушка с лыжами в руках. Разрумянившиеся, улыбающиеся, они с любопытством смотрели на хозяев.

— С Новым годом! — в один голос сказали лыжники.

— С Новым годом! — ответили брат и сестра.

Еще пара секунд на переглядывание... И тут же послышалось радостное:

— Лена?!!

— Влад?!!

— Захар?!!

— Дина?!!

— Так не бывает!!

— Как вы нас нашли?!

— Секрет!

Радостные возгласы и смех разлетелись по двору. И даже снег вокруг как будто засверкал еще сильнее, а на круглощечком лице луны появились ямочки — она улыбалась.

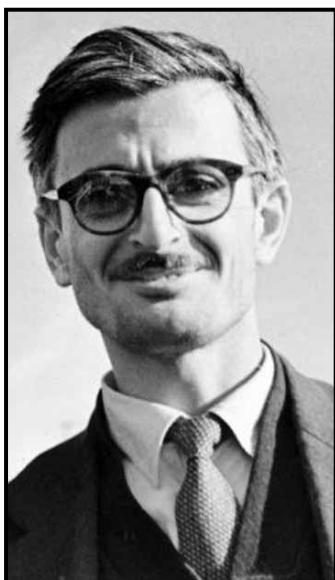
Когда все вошли в дом, Захар вспомнил про сверток и полез за пазуху. Осторожно достал, развернул шуршащую бумагу.

— Вот, это вам. Еще раз с Новым годом!

Дина взглянула на подарок и всплеснула руками:

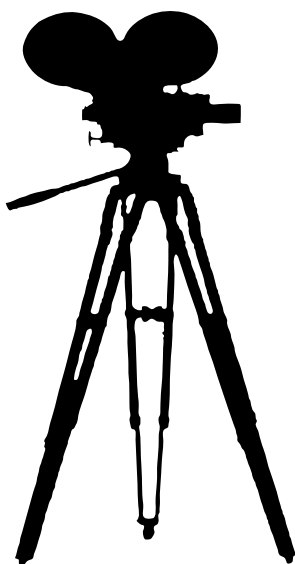
— Ой! Неужели? Да это же просто волшебство!

Захар непонимающе посмотрел на нее. А Дина шагнула к наряженной елке, сняла с нее стеклянный шарик с синими бабочками, подошла к Захару и протянула шарик ему. Все четверо не поверили своим глазам: Дина держала шар с синими бабочками, а в руках Захара был точно такой стеклянный шарик, только по нему порхали бабочки красного цвета... □

Георгий Кричевский

Диалог со временем

На всю жизнь сохранилось у меня просветленное впечатление от первой встречи с фильмами Марлена Хуциева. Представьте: 62-й год. Еще гоняются дружинники за стилиягами, но уже повеяло хрущевской «оттепелью», и одним из символов ее становится картина «Застава Ильича» (чтобы не упоминать имя Ленина всуе, цензура настояла на более нейтральном названии — «Мне двадцать лет»). Двадцатилетние, такие понятные и знакомые ребята с соседнего двора, выбирали на экране жизненный путь, выбирали судьбу. Фильм был о них и для них.

Знаменитый конструктивистский Клуб Зуева на Лесной улице рядом с Белорусским вокзалом устраивал несколько ограниченных просмотров этой полузапрещенной, даже по тогдашним меркам непонятно за что, картины. Зал был забит битком, в основном, студенческой и рабочей молодежью. (Тогда между ними еще не пролегал престижный водораздел.)

Потом, будучи уже взрослым, я еще не раз, совсем в другом молодежном окружении, пересматривал хуциевскую ленту и удивлялся феномену ее нестарения. А еще удивлялся абсолютной современности языка этой неброской, простой, с первого взгляда, однако столь глубокой и поэтической картины.

Главному герою, двадцатилетнему москвичу, твердо вставшему на ноги и все же недовольному своим образом жизни, снится сон. Во фронтовой землянке он встречается с отцом и спрашивает у того, как ему дальше жить. Отец, в свою очередь, задает герою вопрос, сколько ему лет. И когда сын отвечает: «Двадцать», говорит: «А мне было девятнадцать». На мой взгляд, одна из лучших диалогических сцен в нашем кино. Ну а потом, во сне, герой фильма видит, как на рассвете из пустого тоннеля под площадью Маяковского выходят по середине проезжей части трое красноармейцев в «кирзачах», пилотках и плащ-палатках, с автоматами на груди и удаляются от нас по Садовому кольцу...

Хуциев отмерял своими фильмами десятилетия послевоенной эпохи, осмыслял их, подводил им итог. Без его фильмов невозможно представить себе историю смены поколений. Сам он отдал кино 70 лет жизни. А снял всего 10 картин. Торопиться в творчестве не желал и в конвейерного режиссера превращаться отказывался — не видел в этом никакого для себя интереса. К последнему фильму — драме о Толстом и Чехове «Невечерняя» — готовился десять лет. До завершения производства не дожил. На фильм о Пушкине как к главному делу жизни собирался с силами еще столько же, имея на руках прекрасный сценарий. Воплотить его на экране мучительно пытался, но не успел...

Марлен Хуциев родился в октябре 1925 года в столице Грузии в семье заместителя наркома торговли СССР Мартына Левановича Хуциева и актрисы Нины Михайловны Утенилишвили. Имя Марлен по тогдашней советской моде являлось акронимом (видом аббревиатуры) от слов «Маркс» и «Ленин».

Советское имя и типичное советское детство, безо всяких родительских поблажек и привилегий, со школьными линейками, военно-патриотическими играми «Зарница» и пионерскими костюмами в турпоходах. Школьные годы будущего мастера прошли в Москве. Но после

того, как в зловещем 37-м отец был репрессирован, они с матерью вернулись в родной Тбилиси. Окончив школу, Марлен пытался поступить в Тбилисскую академию художеств, но не прошел по конкурсу.

Как и многие его сверстники, в 41-м он рвался на фронт, но был комиссован по состоянию здоровья, которое у него с детства «пошаливало». При этом худенький, низкорослый режиссер всегда отличался редкостной выносливостью и трудоспособностью, без чего не состоялся бы в избранной профессии. Он шел к ней кружным путем. Начинать в 44-м ассистентом художника ком-

бинированных съемок на Тбилисской киностудии, а уже после окончания войны поехал в Москву поступать во ВГИК. И поступил, в мастерскую режиссуры игрового кино, которую вел И. Савченко. Учился Хуциев увлеченно, с полной самоотдачей. Да и режиссерская компания на курсе подобралась что надо: А. Алов и В. Наумов, С. Параджанов, Ю. Озеров...

Дипломной работой Хуциева стала короткометражка «Градостроители», обратившая на себя внимание педагогов. Однако после выпуска из института в 1950 году Марлен еще некоторое время работал помощником режиссера дубляжа на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени Максима Горького. Потом, в 1955 году, его пригласил к себе вторым режиссером на съемки фильма «Ляна» Б. Барнет, у которого Хуциев студентом проходил производственную практику.

А дальше пришла, наконец, пора самостоятельного творчества. В том же 55-м Хуциев поступил режиссером-постановщиком на Одесскую киностудию, где на следующий год в сотрудничестве со своим однокурсником Ф. Миронером снял свой первый полнометражный фильм (и какой!) «Весна на Заречной улице». Эта в полном смысле слова народная мелодрама покорила сердца десятков миллионов зрителей по всей стране.

Фильм явился первой ласточкой начинавшейся «оттепели», которой

посвятил свой недавний одноименный сериал В. Тодоровский. Причем совершенно не случайно его отец, впоследствии замечательный режиссер П. Тодоровский, был оператором-постановщиком этой картины, предвещавшей новую эпоху в развитии отечественного кинематографа.

Легкая, ироничная история любви неотразимого в своем обаянии рабочего парня (Н. Рыбников) и строгой молодой учительницы вечерней школы (И. Иванова) сегодня выглядит слегка тривиальной и надуманной. Как, впрочем, и вся стилистика ленты. Однако для той поры это был безусловный шаг вперед к раскрепощению советского киноискусства, к обретению им нового психологического языка, когда недосказанность будет означать больше, нежели высказанность.

Символическое многоточие в финале фильма и для героев и для зрителей сулит еще многое впереди, включая главные жизненные решения, выбор пути. Подобная недосказанность перейдет в последующие фильмы М. Хуциева, указывая на то, что время однозначности, железной предопределенности и изначальной распланированности жизни миновало. На смену приходит манящая пора сомнений, размышлений, мечты, где поиск ценнее его результата, а дорога важнее достижения цели.

Вот почему еще предельно традиционная по форме и диалогам «Весна на Заречной улице» с ее за-

душевной лирической песней в исполнении Рыбникова придала новый импульс привычной советской производственно-бытовой драме, как бы открыла ей второе дыхание. Именно с этого фильма начнется в нашем кино реабилитация частной жизни, выдвижение на первый план чувств и переживаний персонажей. А они в фильмах «оттепели» в основном молодые люди, у которых еще все впереди, и весна — их время. В таком смысле тема вечерней школы тоже выбрана не случайно. Она символизирует второй шанс в судьбе героев этой, можно сказать, «неореалистической» картины (Хуциев, как и многие его коллеги-сверстники, испытал влияние итальянского неореализма).

Можно, утверждает режиссер, трудиться на производстве и наслаждаться классической музыкой. Прежние «кастовые» различия здесь отменяются. В последнем кадре фильма герой Рыбникова, сказав заветные слова своей избраннице, покидает класс через подоконник, и порыв ветра с Заречной улицы взметает бумаги на столе взволнованной молодой учительницы. Это, понимает зритель, ветер перемен, предвестник обновления жизни.

Громкий успех хуциевского дебюта закрепила его вторая картина «Два Федора» (1958). В ней рассказано о судьбе солдата, вернувшегося с фронта. В главной роли убедительно выступил тогда еще малоиз-

вестный В. Шукшин. Подобно всякому крупному кинорежиссеру, Хуциев открывал в своих фильмах новые актерские имена. Так и здесь только начинавший свой путь в кинематографе будущий выдающийся режиссер, актер и писатель сумел под руководством молодого постановщика передать пограничное состояние героя, когда ему кажется, что война уже кончилась, но мир для него пока не наступил, и новую жизнь придется начинать среди руин...

По выходе фильм «Два Федора» подвергся субъективной критике в официальной печати за якобы неуверенную игру дебютантов — В. Шукшина и Т. Семиной, приглашенных на картину со студенческой скамьи, за неубедительную операторскую работу все того же П.Тодоровского. А ведь всех их ждало большое будущее! И сам фильм снова и снова, даже спустя десятилетия, встречает взволнованный отклик у зрителей, потому что сумел выйти за рамки обычной бытовой драмы.

Между тем создатель двух нашумевших лент в 1959 году возвращается на Студию Горького в качестве ассистента режиссера и еще три года упорно и спокойно доказывает свое право на самостоятельную постановку. На волне хрущевской «оттепели» после XX съезда партии ею станет «прорывной», знаковый фильм «Застава Ильича» (1962). Символ поколения «шестидесятников».

*«Застава
Ильича»
(«Мне
двадцать
лет»)*

Сценарий Хуциев писал совместно со студентом сценарного факультета ВГИКа Г. Шпаликовым и разделил с ним череду гонений, выпавших на долю этого давно уже признанного абсолютным шедевром фильма. Когда искромсанная цензурой лента добралась, наконец, до экрана, она вызвала недоуменные вопросы типа: «А что, собственно, здесь было запрещать?» Лишь в годы перестройки с полки торжественно сняли оригинал трех с половиной часового фильма и несколько раз показали его по кино клубам, фестивалям, в Музее кино и (что удивительно!) на голубом экране.

Не у всех зрителей, разумеется, хватило терпения досмотреть до конца эту неторопливую и глубокую сагу из московской жизни. А потому слегка искаженное представление о картине закрепилось у многих и надолго. Ее главным достоинством посчитали (действительно замечательно переданную) атмосферу столицы, романтическую поэзию огромного города — сердца страны — с солнечными рассветами, мягкими сумерками, внезапно налетающими очистительными ливнями... Именно эти лирические отступления стали со временем определять массовое восприятие «Заставы Ильича» как произведения вполне безобидного,

*«Был
месяц
май»*

Справа:
*«Весна
на За-
речной
улице»*

запрещенного лишь по чистой случайности. Но ведь есть еще сюжет, сама мощная история фильма, за нарочитой незатейливостью которой проступает острое моральное беспокойство главных героев. Почему так нелогично обрывается любовь Аси и Сергея, казалось бы, созданных друг для друга?

Очевидно, их конфликт и расставание вытекают из образного контекста ленты, который уводит нас от традиционного психологического реализма. «Прогнило что-то в Датском королевстве». Это чувствует Гамлет. Прогнило что-то в

Стране Советов — чувствует молодой герой фильма. И ищет выход, не желая мириться с фальшью окружающей жизни, где при всем том есть и романтика 60-х, и «эхо минувшей войны», и легендарные вечера поэзии в Политехническом, на один из которых режиссер приводит в зал Сергея и сажает его среди подлинных зрителей. Virtuозное соединение документальных и игровых кадров, подчас даже целых сцен, станет затем «фирменным» стилем М. Хуциева.

История, раскрытая в фильме, это не история «трех товарищей» по-ремарковски, но рассказ о вере,

подвергаемой искушению. В таком аспекте свободная сюжетная структура «Заставы...» стягивается убедительной логикой. Владея в совершенстве искусством социальной типизации, Хуциев способен был сказать все, конкретно ничего не называя.

Хотя в первоначальном виде картина увидела свет лишь двадцать лет спустя, ее обкромсанная цензурой версия была по достоинству оценена современниками. В 1965 году на Венецианском фестивале фильм получил Специальный приз жюри, а на МКФ в Риме — премию «Золотая пластина». И вновь ре-

жиссер открыл в этой ленте талантливых актеров, для которых «Застава Ильича» послужила впечатляющим стартом их звездной карьеры. С. Любшин, М. Вертинская, Н. Губенко... А рядом с ними снялись в эпизодах будущие известные режиссеры и сценаристы Н. Рязанова, А. Митта, А. Кончаловский и А. Тарковский.

В 1965 году Марлен Хуциев стал режиссером киностудии «Мосфильм» и проработал там долгие годы, будучи еще одно время художественным руководителем творческого объединения «Экран» на ЦТ. Он уже был женат на редакторе

Студии Горького Ирине Соловьевой и воспитывал сына Игоря, пошедшего по стопам отца.

Возможно, одна из самых важных заслуг М. Хуциева перед отечественным кино заключается в том, что он вернул ему приниженное ощущение самооценности жизни, стремление к подлинности чувств, которые принадлежат одному только человеку. С наибольшей полнотой это выразилось в этапном фильме «Июльский дождь» (1966), едва ли не первой и главной экзистенциальной драме нашего киноискусства 60-х. Как и «Застава Ильича», «Июльский дождь» полон реминисценций французской «новой волны», победоносно прокатившейся по всему мировому киноискусству. Но он также обнаруживает увлеченное знакомство автора с художественными открытиями великих итальянских мастеров экрана — Феллини, Антониони, Висконти.

Ограниченный прокат картины был обусловлен именно ее внутренней атмосферой неудовлетворенности и морального беспокойства при отсутствии внешнего сюжета в его привычном понимании. Традиционную историю событий и поступков заменило здесь «кружение сердца» героини фильма, которую тонко и убедительно сыграла еще одна хуциевская дебютантка Е. Уралова. Такого в нашем кино еще не было. Ну а власти решили, что и быть не должно. Нечего, мол, морочить со-

ветской молодежи голову разочарованиями, разрывами любовных отношений и пересмотром жизненных ценностей 30-летними персонажами, которые должны строить светлое коммунистическое будущее, а не подвергать окружающую действительность сомнениям и мучительно копаться в собственных душах. Так что «Июльский дождь» задвинули в прокат вторым экраном.

В символическом финале фильма героиня оказывается 9 мая в скверике у Большого театра, где по традиции всегда встречались в День Победы тогда еще вполне бодрые и крепкие фронтовики. Хватающая за душу чисто документальная сцена под волнующую фронтовую песенку в исполнении Л. Утесова «...С боем взяли город Брест, город весь прошли...» А от колонн театра за Победителями долго наблюдают, кто с усмешкой, кто с пытливым любопытством, очень разные и все же в чем-то неуловимо схожие представители поколения их внуков, «парни с поднятыми воротниками», как метко окрестил их в одном стихотворении поэт-шестидесятник Р. Рождественский. И можно ли считать этих ребят наследниками тех героических солдат Великой Отечественной — решать нам, зрителям.

В Венецию, куда картину приглашали, ее не пустили, однако дома она пользовалась неизменным успехом, сделав имя Хуциева культовым. Парадокс — полуопальному режис-

*«И все-таки
я верю...»*

серу предложили набрать мастерскую во ВГИКе, позднее он стал там завкафедрой режиссуры. Учиться у него считалось честью, и далеко не всех он, будучи личностью весьма неуступчивой, брал к себе в ученики, только тех, в кого верил. В. Пичул, В. Тумаев, И. Апасян и другие выпускники легендарной хуциевской мастерской, чьи дипломы были экранизациями критических произведений советской прозы, как раз и образовали ту внутреннюю вгиковскую «полку» начала 80-х, для доступа к которой студентам требовалось специальное разрешение ректора.

В середине нулевых Марлена Мартыновича вынудили оставить должность завкафедрой. Увы, никто

из его тогдашних учеников не поспешил возвысить голос в защиту своего учителя. А ведь он своих учеников не оставлял, следил за их судьбами, помогал с трудоустройством, поддерживал творческие замыслы...

С возрастом режиссерский дар имеет обыкновение убывать. Правда, случаются поразительные исключения. В. Аллен, К. Иствуд, у нас — М. Ромм, М. Швейцер, А. Кончаловский, тот же М. Хуциев. Телефильмом «Был месяц май» (1970) он доказал, что, говоря словами Мандельштама, «сохранил дистанцию свою».

Главное в этой почти двухчасовой картине — драма прозрения бывалых фронтовиков, хоть и со-

цы вражеских танков и людей миллионами не гонят в концлагеря...

Один из лучших советских фильмов о цене перехода к огромной кровью завоеванному миру солдат-победителей Великой Отечественной в первые послевоенные недели на покоренной земле агрессора продолжает нести очень нужный нам и сейчас смысловой заряд.

Может ли общественная, педагогическая и административная деятельность заменить большому художнику чистое творчество? Едва ли. После «Месяца мая» хуциевский творческий простор затянулся надолго. На то были разные причины. Шел процесс внутреннего накопле-

ния. Усиливалось, несмотря на занимаемые посты (а он побыл, правда недолго и председателем Союза кинематографистов), нарастающее расхождение Хуциева с брежневским режимом. Налицо был, по всей вероятности, также «кризис жанра».

Малоизвестная документальная работа прославленного мастера «Алый парус Парижа» создана в 1971 году к 100-летию Парижской коммуны и посвящена памяти как самих коммунаров, так и бойцов движения французского Сопротивления в годы фашистской оккупации страны. Первая в творчестве Хуциева неигровая лента вроде бы выбивается из его режиссерской биографии, но, вместе с тем, содер-

*«Два
Федора»*

жит приметы центральных тем всех его знаковых произведений. Это — раздумья о настоящем в контексте прошлого, эмоциональное восприятие трагедии Второй мировой войны, постижение морального облика молодежи.

Также не стала, увы, событием большая публицистическая картина «И все-таки я верю...» (1974), начатая М. Роммом и законченная его учениками Э. Климовым, Г. Лавровым и приглашенным ими М. Хуциевым. Это историко-биографическое документальное киноповествование имеет и другое название, раскрывающее его смысл, — «Мир сегодня».

Складывалось впечатление, что с начала 70-х Хуциев сознательно уходил в тень с авансцены советского кинематографа и больше не

претендовал на роль одного из властителей дум. Он довольствовался постановками рядовых спектаклей в сверхмодном театре «Современник» и художественным руководством ведущего телеобъединения «Экран».

А потом Марлену Мартыновичу вдруг остро захотелось снять свое, авторское кино. Им стал фильм по рассказу Секретаря Союза писателей Ю. Пахомова «Тесть приехал», но тонкий Хуциев заменил это название на многозначительное «Послесловие» (1983).

Казалось бы, бессюжетная история про двух мужчин, которые расхаживают по квартире и непрерывно разговаривают. Старик (Р. Плятт), приехавший с юга навестить дочь, но не заставший ее, и ироничный,

скептически похмыкивающий зять (А. Мягков), журналист-международник, не владеющий ни одним иностранным языком и при этом разъезжающий по всему миру. От его лица ведется рассказ. Впрочем, рассказывать ему особенно не о чем. Отца жены он толком не знает, а тот совершенно не интересуется ни им, ни своей умышленно уехавшей дочерью, обрушиваясь с гневными тирадами на новое бездуховное и деловитое поколение. То ли дело его собственное поколение, самоотверженное, духовное, воплощающее в себе высоморальные ценности. Недаром он воевал в Испании, знает пять или шесть языков и работал где-то вроде бы военным врачом-хирургом.

Таков поверхностный взгляд на этот глубокий и необычный фильм, каким, скорее всего, на него смотрела и «просмотрела» его «чуткая» (Пушкин) цензура.

На самом деле Хуциев изобразил приватную встречу двух советских агентов, принадлежащих разным поколениям: сталинские «соколы» и брежневские «рыцари плаща и кинжала». Встретились два бойца невидимого фронта, и оказалось, что они не доверяют друг другу и говорить друг с другом по душам не желают, попросту боятся. Пообщались пару дней впустую, заглянули друг другу в глаза и разошлись... Спасать, удерживать, к чему призывает зятя тесть, больше незачем и некому. Вот к какому выводу приходит

под конец фильма герой А. Мягкова. Режиссер снял фактически послесловие к истории СССР, которое, как осведомленный в силу занимаемых административных должностей человек, уже в ту пору предвидел.

Сняв «Послесловие», Хуциев вновь замолчал на десять лет. Менялось время, менялась жизнь, но он оставался неизменен. Только сделался еще более философичным и масштабным в своих творческих поисках. И — создал серьезнейший фильм-размышление о конечности человеческой жизни и бесконечности жизни человечества. Двухсерийную, совсем некассовую ленту под названием сложнейшей философской категории — «Бесконечность» Марлен Хуциев снимал более пяти лет и закончил в 1991 году.

На мой взгляд, у мэтра отечественного кино получилось весьма неоднозначное произведение — фильм-раздумье и в то же время фильм-исповедь. Немало критиков упрекали автора в нарочитой затянутости и вялости сюжета, недоумевали по поводу участия в картине неизвестных публике актеров. Ну что тут скажешь! В исповедальном авторском фильме-размышлении скорость повествования отнюдь не является критерием художественных достоинств и может привести к сумбуру, невнятности. Что же касается актеров, то в картине, построенной на глубоко личных, постепенно

«Невечерняя»

Справа:
«Бесконечность»

всплывающих воспоминаниях главного героя, режиссер посчитал участие звезд экрана не слишком уместным.

О «Бесконечности» спустя несколько лет очередного длительного «молчания» Хуциева заговорили как о главном, итоговом его фильме. Это монументальное, эпическое кинополотно, изображающее мысленное путешествие героя в свое прошлое, в далекое прошлое рода, в прошлое родины. Произведение, насыщенное (а кое-где и перенасыщенное) усложненной образностью в духе художественных тенденций мирового авторского кинематографа того периода.

Но главное произведение мастера, его «лебединая песня», было еще впереди — фильм «Невечерняя», который сам автор называл еще «Любимая моя жизнь». Завершить картину помешала смерть. Снимал он ее, по обыкновению, неспешно, более десяти лет. И, скорее всего, так бы и не снял, поскольку иссякло скудное финансирование. Выручил совершенно безвозмездно крупный меценат, случайно узнавший о его мытарствах. В работе над фильмом Хуциеву помогал сын, режиссер по образованию, указанный в титрах соавтором сценария. Задумано было четыре серии. Маститые ученики после

ухода их мастера из жизни смонтировали одну, но и она убедительно свидетельствует о том, что нас ждал настоящий шедевр. Молчаливые черно-белые проходы Толстого и Чехова, колыхание занавесок в комнате, где они беседуют... Непередаваемое словами ощущение подлинности всего происходящего в кадре, ощущение, что на экране документальная хроника, а не игровая съемка. И при этом торжество художественной правды высшего сорта!

...Темным вечером идет в больницу к Чехову по заснеженной московской улице Лев Толстой. Идет, чтобы договорить о главном.

Народный артист СССР, лауреат Государственной премии и многих почетных международных кинонаград, орденосец и академик двух Национальных академий кинематографических искусств Марлен Мартынович Хуциев договорить о главном не успел — как готовился, но так и не встретился на экране с Пушкиным. Он умер утром 19 марта 2019 года в Боткинской больнице на 94-м году жизни и похоронен на Троекуровском кладбище.

А его классическое кино по-прежнему живо и по-прежнему ведет неспешный диалог с Временем. □

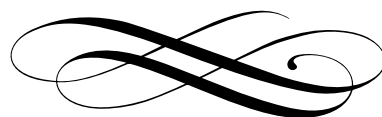

Учитель русского языка

Большинство из нас учились в школе русскому языку «по Розенталю». Бытовали выражения: «посмотри в Розентале», «уточни у Розенталя» и прочие, заставлявшие нас обращаться по любому сложному вопросу к этому непререкаемому источнику. Для тех, кто изучал русский язык чуть глубже, например, в гуманитарном классе, знал Розенталя уже более близко — как Дитмара Эльяшевича. И многих удивляло, что человек, считавшийся главным «по русскому языку вообще», чье имя стало почти нарицательным, как раз имя носил не русское.

Русским оно и не было. Да и русский язык не был для Розенталя родным. Появившийся на свет в 1900 го-

ду в польском городке Лодзь Дитмар, по желанию отца, получил имя немецкое. Как и его брат Оскар. Отец, Зигмунд (Эльяшив) Моисеевич Розенталь был экономистом, мать — Ида Осиповна — домохозяйкой. С детьми глава семьи говорил только на немецком, его жена же пользовалась в основном польским. Так братья уже с младенчества говорили на двух языках, в гимназии добавился еще и русский, поскольку Польша тогда была частью Российской империи, и изучение этого языка было обязательным.

Из-за того, что отец был германофилом, семья вскоре переехала в Германию, в Берлин. Но в 1914 году началась война, и город вскоре

оказался на линии фронта, так что в 1916 году страну пришлось покинуть и переехать в Москву, где у Розенталей была родня. Юноша стал учиться в московской Варшавской гимназии №15, где с русским языком проблем у него не возникло.

Поступив на факультет общественных наук МГУ в непрестом 1918 году, Дитмар принялся за изучение итальянского языка. Всего за свою жизнь он выучил 12(!) языков. Обычно говорят о врожденной способности, Розенталь же свой талант к языкам называл патологическим.

Несмотря на полученное высшее филологическое образование, молодой человек отправился получать еще одно — экономическое, в институте народного хозяйства имени Карла Маркса, который сегодня носит имя Плеханова. Скорее всего, дело было во влиянии семьи, которая не считала, что филология сможет прокормить их сына достаточным образом.

Но любовь к языкам все же взяла свое — учась на экономическом, Розенталь стал преподавать в школе, затем переключился на рабфаковцев. В середине 20-х годов была создана Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), куда также вошел Институт языка и истории литературы. Здесь Дитмар Эльяшевич учился в аспирантуре, но звание кандидата наук получил только в 1949 году, причем...без написа-

ния диссертации. Степень кандидата педагогических (!) наук он получил за учебник «Итальянский язык. Элементарный курс».

Вскоре после окончания аспирантуры Розенталья пригласили в комиссию по русскому языку при Министерстве просвещения, где он стал заниматься усовершенствованием правил. Польский язык, который Розенталь, по его словам, очень любил, — язык детства, тоже не остался в стороне. С 1927 года на родном филфаке МГУ Дитмар Эльяшевич стал вести курс полонистики — науки, изучающей польский язык и культуру. Он создал двуязычный словарь — правда, в соавторстве.

Так или иначе, вся научная жизнь Розенталья была связана с Московским университетом. В течение четверти века он заведовал кафедрой стилистики русского языка на факультете журналистики — обучал дикторов радио и телевидения, стремясь, чтобы каждый из них говорил максимально грамотно как с точки зрения стилистики, так и произношения.

«До эфира мы собирались в студии, — рассказывал ученый, — делали упражнения на произношение, писали контрольные работы. А после эфира я разбирал с ними их ошибки».

При этом Дитмар Эльяшевич был человеком весьма демократичным — с уважением относился к простой, народной, региональной речи. Как бы он себя ни чувствовал, в каком

бы состоянии ни находился, он всегда был способен в считанные секунды провести морфологический разбор сложносоставного слова любой длины. Или дать четкое определение малопонятному лингвистическому термину вроде «парцелляции» или «лексико-фразеологического анализа».

Положение Дитмара Эльяшевича в науке было столь высоко, что его без проблем отпускали за границу даже в невыездное советское время. Он руководил кабинетом «Русский язык за рубежом» и в этом качестве принимал участие в международных конференциях, давал уроки русского языка за границей. Стажируясь в Италии, осваивал многочисленные диалекты этой страны, благодаря чему смог впоследствии создать учебник итальянского языка для вузов.

Студенты никогда не боялись «великого Розенталя» — он не ставил оценок ниже четверки. Но было ли тут дело в его доброте, или студенты не желали ударить в грязь лицом перед своим преподавателем и учили предмет как следует?

А вот с коллегами Дитмар Эльяшевич спорил до хрипоты. К примеру, диспут с профессором Шанским о звуке «й» так и не был завершен при жизни ученых. Розенталь считал этот звук звонким, а его оппонент — сонорным. Для обоих этот вопрос был принципиальным.

Розенталь отнюдь не был кабинетным ученым. Прежде всего, он

желал практического применения созданных им правил. Совместно с профессором Былинским была написана книга «Литературное редактирование», с языковедом Мамоновым — «Практическая стилистика современного русского языка».

Реформа русского языка 1956 года произошла во многом благодаря Розенталю. Сам он скромно говорил об этом так: «Правила существовали всегда, еще со времен Ломоносова. Мне же досталась самая черновая работа: отыскать источники, выбрать, добавить, систематизировать, подобрать примеры». Самыми же сложными в русском языке ученый считал систему ударений и категорию рода.

В 1960 году ему присвоили звание профессора — редчайший случай, когда МГУ дал это звание человеку, который не писал докторской диссертации. Но Розенталь получил его уже «по совокупности заслуг». Многие, не знавшие о полном отсутствии у ученого интереса к всевозможным званиям, были уверены, что он академик.

Количество трудов, созданных Розенталем, огромно — тут и словари, и статьи, и учебники, и справочники. Написаны они простым языком, поэтому понятны как ученому, так и студенту. Подтверждается это тем, что книги Дитмара Эльяшевича до сих пор переиздаются солидными тиражами и используются в обучении.

Язык детства — польский — всегда оставался самым любимым.

Когда Дитмара Эльяшевича спрашивали об огромных тиражах его учебников, пособий, он говорил: «Я мог бы написать 400 книжек по грамматике и орфографии польского языка. Но я должен был отблагодарить Россию. Просвещение — лучшая благодарность». Выбирая из всех известных ему языков, Розенталь «говорил по-русски, считал по-польски, эмоции выражал по-итальянски».

За всю свою длинную жизнь ученый дал только два интервью — в 92 года и совсем незадолго до смерти. Да и то предпочитал говорить о науке, которая занимала его, а не о самом себе.

Даже в преклонном возрасте он продолжал живо интересоваться современным русским языком. О заимствованиях он говорил так: «Если разобрать фразу «Я — студент филологического факультета Петербургского университета», то русское слово там одно — «я». Все остальные — заимствованные, но смысл понятен. А если заменить заимствования русскими эквивалентами, то и сами запутаются, и количество слов в предложении увеличится втрое. В русском языке слов иностранного происхождения около 30%. Готовьтесь, через 5–6 лет их будет в два раза больше: «дилеры», «дистрибьютеры» прочно входят в обиход».

Как мы видим сегодня, ученый оказался прав.

При этом, когда в 90-х стали говорить, что раньше в СМИ было больше грамотных людей, он отве-

чал, что и при Сталине, и при Брежневке безграмотных сотрудников в СМИ хватало. Другое дело, что тогда их спасала строгая норма и жесткие рамки идеологии — разрешенных генеральной линией партии слов было мало, поэтому шансов ошибиться в их произношении почти не оставалось.

Дожив до 94 лет, Дитмар Эльяшевич Розенталь всю свою жизнь отдал лингвистике. Именно она вдохновляла его на новые поиски. К старости он остался один — жены давно не было в живых, сын был занят своими делами, внучка вышла замуж и уехала за границу.

В институт ездить ученый перестал, но продолжал давать консультации по телефону. Ему уже было трудно ходить, по своей квартире в огромном полукруглом доме возле Москвы-реки с видом на Киевский вокзал он передвигался, толкая перед собой стул, но все равно не расставался с бумагой и карандашом, продолжая работать. Читал газеты и ревностно исправлял в них ошибки. Некоторые статьи были красны от его пометок.

В конце июля 1994 года его не стало. Похоронен Дмитрий Эльяшевич Розенталь на Востряковском кладбище, рядом с братом Оскаром. На могиле указаны только имя и годы жизни, но, к сожалению, нет ничего о заслугах этого великого человека, настоящего знатока русского языка с не самым русским именем. □

Деда Мороза НЕ БУДЕТ...

В полицейском участке города N в этот день было как никогда тихо. Да иначе и быть не могло — 31 декабря, полдень. Большинство сотрудников под любыми предлогами спешили пораньше уйти с работы, чтобы успеть к любимым и близким. Не повезло лишь молодому лейтенанту Филатову и его шефу, майору Масленникову, которым выпало дежурить в эту снежную новогоднюю ночь...

Уединившись в кабинете майора, оба неспешно попивали спиртное, селуя на превратности злодейки-судьбы...

— Слушай, — сказал вдруг майор. — А давай, раз уж так нам не повезло, поймаем сегодня особо опасного преступника и премию заработаем, а может, и по новой звездочке!

— Ну... — протянул Филатов. — Все злодеи по своим квартирам сидят. Отмечают.

— Эх, салага, — произнес с улыбкой Масленников. — Вот скажи мне, в этом месяце какие показатели у нас хромают?

— Так... По наркодилерам проседаем. Всего три оскорбленных чувств верующих. С разоблаченными иностранными агентами не густо... Вообще, хреновый какой-то получился месяц.

— Это все, конечно, понятно, но чтобы прославиться по-настоящему, нам нужен террорист! На него всю эту недостачу и повесим!

— Террорист? — удивился Филатов. — Так где ж его взять?

— Эх, салага....

Масленников схватил лейтенанта за руку и потащил на улицу. Вечерело. Лишь редкие прохожие сновали мимо участка, чтобы поскорее оказаться в теплых квартирах и приступить к застолью. Майор пристально вглядывался в каждого, пока его взор не остановился на человеке в костюме Деда Мороза, который шел к одному из близлежащих домов.

— О, вот он, наш террорист! Берем! — воскликнул Масленников и бросился в погоню, увлекая за собой молодого лейтенанта.

Повалив на снег и нацепив наручники на потенциального преступника, полицейские потащили его в участок для дальнейших разбирательств. Оказавшись в допросной, Масленников сел за стол напротив задержанного, а Филатов встал по его правую руку, недоумевая, что же будет происходить дальше.

— Что вы делаете! — возмутился «преступник», которого звали Иван и мешок которого бросался в глаза, даже несмотря на одеяние Деда Мороза. — Новый год на носу, меня дети ждут!

— Дружище, да за тобой целый букет статей, — спокойно ответил майор. — Одно твое существование оскорбляет чувства верующих. Это первое. А второе... вот ты считаешь, что ты Дед Мороз?

— Ну, разумеется!

— А по нашей версии, ты — финский Йоулупукки. А это значит что?

— Что?

— Иностраннный агент.

— Какой еще агент!!! Я же подарки....детям.

— Детишками интересуешься? Да ты уже лет на 25 себе наговорил.

— Да что ж такое происходит! Дед Мороз — это сказочный персонаж. Он несет людям радость, свет, исполнение желаний...

— Сказки, исполнение желаний. Ты, случаем, не наркоман? А за пропаганду запрещенных веществ мы тебе сейчас еще несколько лет докинем. И борода у тебя какая-то подозрительная. Колись, давай, Аль Каида, Талибан или игиловский недобиток?

— Я просто подрабатываю. Я обычный Дед Мороз!!!

— Иностраннный агент Йоулупукки! — рассвирепел Масленников и ударил кулаком по столу: — Пиши признательные показания!

— Да что писать-то?

— Я, иностраннный агент Йоулупукки, признаю, что, являясь членом запрещенной террористической группировки Талибан, тайно проник в Рос-

сию, где неоднократно участвовал в моральном разложении несовершеннолетних, занимался пропагандой наркотиков и оскорблял чувства верующих.

— Как же так...Я не виноват!

— Не морочь мне голову. Пиши, давай. А мне с коллегой уже в баньку пора. До Нового года рукой подать.

— Не буду я такое подписывать! Я на вас жалобу подам! И вообще — где мой адвокат?

— Сейчас все будет, — пробурчал Масленников и стал крутить диск телефона: — Степан Григорьевич, зайдите.

Через минуту в допросную вошел мужчина интеллигентной наружности, с небольшой залысиной и в старомодных очках.

— Так, ну и что тут у нас происходит? — спросил адвокат.

— Да меня обвиняют не пойми в чем! Это беспредел! — сходу заявил Иван.

— Так, давайте-ка разберемся... — произнес адвокат, читая протокол. — Голубчик, да вам крупно повезло!

— Наконец-то! Я могу быть свободен?

— Повезло, что в России введен мораторий на смертную казнь.

— Что?!!

— Спокойствие, голубчик, спокойствие! Хорошо, что я веду ваше дело. Предлагаю пойти на сделку со следствием. Обвинение в оскорблении чувств верующих мы с вас снимем, это я договарюсь, а вот за остальное, к сожалению, придется ответить. Но вы не волнуйтесь. Лет через 80 выйдете на свободу с чистой совестью и сможете начать новую жизнь.

— Какие 80 лет!! Вы в своем уме?

— А как вы хотели! Да по вам Гуантанамо плачет! Терроризм, несовершеннолетние, наркотики...Вы — самый опасный преступник мира, не удивлюсь, если по вашим следам уже идет Интерпол!

— Интерпол? За мной?! О боже...

— Поздно вы о боге вспомнили. Подписывайте и отправитесь прямиком в нашу российскую тюрьму. От международного трибунала, так и быть, вас отмажем. Избежите смертной казни, что в вашем случае уже огромный плюс. А там за примерное поведение скостят срок и выйдете вы не через 80, а уже через 70 лет еще мужчиной в самом расцвете сил... Вот вам сколько сейчас?

— Двадцать восемь....

— Вот и чудненько, в 98 и выйдете. Медицина, знаете ли, развивается семимильными шагами. Чувствовать себя будете на 50 максимум. Вся жизнь впереди!

— Да что вы с ним возитесь, Степан Григорьевич! — воскликнул Масленников. — Я сейчас его просто пристрелю.

— Как это...пристрелите? — тихо произнес обвиняемый и вжался в стул.

— Так ты же террорист, Йоулупукки! Мне за это только медаль дадут.

Майор резко вскочил со стула, расстегнул кобуру и направил пистолет на Ивана. «Три, — медленно, словно даже нехотя произнес он, — два, один...»

— Нееееет! — что есть мочи закричал задержанный, услышав щелчок затвора и дьявольский смех Масленникова, Филатова и адвоката Степана Григорьевича.

— Ваня, Ванечка, очнись! Любимый!

Иван открыл глаза и обнаружил себя лежащим на постели в родной однушке. Весь в поту, он тяжело дышал, судорожно оглядываясь по сторонам. Но рядом не было никого, кроме любимой жены Леночки.

— Я не иностранный, агент, не Йоулупукки! Я не пойду в тюрьму. Я ни в чем не виноват, — залепетал он.

— Конечно, не агент, — прошептала Леночка. — Все хорошо, это просто сон.

Стерев со лба испарину и все еще не веря в свое спасение, Иван медленно поднялся с кровати и увидел на кресле костюм Деда Мороза, в котором планировал подработать в эту новогоднюю ночь. Недолго думая, он бросился к креслу, с какой-то звериной ненавистью смял костюм, распахнул балкон и выкинул его с девятого этажа, после чего закрыл балкон, перекрестился, подошел к холодильнику и плеснул в стакан заветные 100 грамм.

Иван и не подозревал, что спустя какие-то десять минут его костюм подберет спасающийся от крепких морозов бомж и сочтет это самым настоящим подарком судьбы. И уж тем более ему будет невдомек, что спустя еще полчаса в полицейском участке, расположенном по соседству, лейтенант Филатов и майор Масленников вытянут коротенькую спичку в импровизированной лотерее среди сотрудников и с прискорбием узнают, что именно им придется остаться на дежурстве в эту снежную новогоднюю ночь... □

МНЕМОЗИНА

Уходя от огорченной Лары, я завернул в гостевой туалет и торопливо вынул из кармана телефон Лели. К счастью, телефон не был снабжен блокировкой, что позволило мне без труда войти в журнал ее звонков и сообщений.

Среди звонков от хозяев, Фиронова, родственников я увидел в списке вызовов телефон, обозначенный как «Макаров». Чуть ниже в списке был еще один номер, по которому звонила Леля. Он был подписан «Макарова». Даты говорили, что она звонила чете Макаровых уже после смерти Ксении. Я успел задать себе вопрос, которому из Макаровых звонила Леля, как ниже обнаружил еще один номер, подписанный четко и лаконично: «Глеб М.». После смерти Ксении Леля Глебу не звонила.

Мессенджеры не принесли мне никакой полезной информации. Я пролистал сообщения, но они касались лишь какой-то ерунды или хозяйственных вопросов. Почти не надеясь ни на что, я открыл смс-сообщения, в которых тоже не увидел ни одной знакомой фамилии. Не знаю, что дернуло меня войти в сообщения с номером «900», с которого обычно приходят банковские извещения. Ежемесячно Леля получала заработную плату по безналичному расчету, что было совершенно естественно. А еще каждый месяц на кредитку Лели приходило пополнение через банкомат. Кто-то, вероятно, сама хозяйка счета, забрасывал в банк почти триста тысяч. По сравнению с этими суммами зарплата выглядела куда скромнее.

Окончание. Начало в №12, 2021.

Сразу после звонков Макаровым счет Лели пополнялся на пятьдесят тысяч. Последнее пополнение на эту сумму произошло вчера утром. Вечером за мной всюду ездила машина, а затем меня избили в собственном офисе. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы определить «стукача».

Суммы, которые ежемесячно поступали на счет Лели, практически полностью совпадали с суммами, снимаемыми со счета Ксении. Юная девушка по непонятной причине отдавала львиную долю своего содержания прислуге. Я подумал о шантаже, а еще о том, что убить Ксению могла физически сильная женщина, близкая жертве настолько, что та безбоязненно подпустила ее к себе.

Я сфотографировал содержимое телефона Лели, вышел из туалета и, бросив мобильный на ковер неподалеку от входа, покинул особняк.

Новость, что мне вновь звонил маньяк, настолько взволновала Базарова, что он дважды перезванивал среди ночи, проверяя, жив я или нет. Телефон мой поставили на «прослушку». Накануне Надежда отрапортовала, что они с мамой устроились в санатории, недалеко от Москвы. Сестра была недовольна, но претензий не высказывала. Я поблагодарил и велел в случае чего звонить Кеше или Базарову.

Кеша оправдал мои надежды, притащив сразу целый ворох новостей. Мы собрались дома у Татьяны, которая изнывала от любопытства и на нервах наготовила еды на целый батальон. Мое разбитое лицо заставило ее вздрогнуть, но она воздержалась от расспросов. За столом, когда, наконец, явился Кеша, я рассказал о нападении, подозрениях насчет любовной связи Лары и Фиронова, и о твердой уверенности, что Макаровым меня сдала Леля. Кеша слушал, жевал куриную ножку и кивал.

— Леля — «засланный казачок», — согласился он. — Я тут покопался в ее личном деле, и у мадам весьма интересная биография. Вынырнула как чертик из табакерки пятнадцать лет назад, ни родных, ни друзей, ни образования. Воспитывалась в детском доме. Работала, преимущественно, в прислуге: начинала в дешевом мотеле на трассе, причем совмещала функции горничной и шлюхи, но в шлюхах долго не продержалась.

— Выгнали за профнепригодность? — усмехнулась Таня.

— Почти. Я поспрашивал. Однажды просто не пришла на работу, а после у ребят была куча проблем с ментами. Притон накрыли, девок отправили по домам, сутенеров посадили. И только Леля, то бишь Елизавета Разумникова, вышла сухой из воды, появившись на новом рабочем месте с отличными рекомендациями от оперов.

— Она своих и сдала? — усмехнулся я.

— Безусловно. Потом ее биография была безупречна. Ну, почти. Росла по карьерной лестнице, устраивалась на работу в богатые дома. Угадай, где было ее предпоследнее место работы?

— В доме Макаровых? — предположил я.

— Именно. Она проработала там почти десять лет, долго совмещала функции няньки, так что Глеба Макарова вырастила именно Леля. Год назад перешла к Рокотовым.

— И по старой памяти «постукивала» Макаровым? — невесело предположила Таня.

— Уверен, что это так. Поэтому мотив, за что ей отстегивали бывшие хозяева, понятен. Непонятно только, за что ей платила Ксения? И она ли это делала?

— У нас есть только суммы наличными, которые совпадают. Леля вносила деньги через банкомат, так что мы перевод не отследим, — вмешался я. — Но, учитывая то, что ты сейчас рассказал, я бы предположил, что она вспомнила былые навыки и шантажировала девчонку.

— Чем? — покачала головой Татьяна. — Что такого могла скрывать семнадцатилетняя девушка, что с готовностью расставалась с серьезными деньгами?

— Что угодно, вплоть до убийства. Может, человека сбила насмерть, а Леля ее покрывала, а потом передумала. Ксения терпела, а затем перестала платить, может, пообещала, что все расскажет отцу. Леля — женщина сильная, вполне могла выпихнуть ее из окна и уйти незамеченной. На территорию жилого комплекса чужие машины просто так не заедут, а вот свои авто, в том числе и прислуги, внесенные в списки, — запросто. Если охранники там халтурщики, они могли никуда не вносить ее машину. В прошлый раз она просто показала охраннику пропуск.

— Думаешь, менты это не проверили? — недоверчиво спросила Таня.

— Уверен, что не проверили. Нет дела о насильственной смерти, есть самоубийство мажористой девицы, зачем людей напрягать? Так что я не удивлен желанию Лели настучать на человека, который сует нос, куда не просят, если у нее самой рыльце в пушку. Но этот момент меня заботит меньше всего.

— Это даже странно, учитывая состояние твоей физиономии, — хохотнул Кеша. — А что тогда тебя заботит?

— Чигин. Его звонок, — серьезно ответил я. — Он знает, что мне пообещали его изловить. И эта осведомленность очень настораживает. Кто ему сказал?

— Рокотов? — предположила Таня, но ее голос звучал неуверенно. — Хотя ему-то зачем?

— Чтобы меня мотивировать, — пожал я плечами. — Не позволять засиживаться. Зная, где скрывается маньяк, он не сдает его властям. Почему?

— Они как-то связаны, — медленно произнесла Таня. — А не могла тебя Чигину сдать Леля? Помните, вы говорили, что у Чигина была сестра, но она воспитывалась в другом детском доме, ее удочерили, и с тех пор следов нет. Может, это как раз она?

Версия показалась мне любопытной, и я решил ее проверить, но посоветовал не увлекаться.

— Наиболее вероятным кандидатом мне кажется Рокотов. Наверняка между ними есть хоть одна нить.

— Еще какая, — хмыкнул Кеша. — Я на сто раз проштудировал его биографию и не нашел никаких пересечений с Рокотовым... До вчерашнего дня, пока ты не озадачил меня с этим звонком. Угадай, откуда тебе звонил Чигин?

— Понятия не имею, — ответил я, чувствуя давно забытый азарт, от которого зачесались ладони.

— Из города Красногорска. Если не ошибаюсь, именно там живет бывшая жена господина Рокотова. И именно туда безутешный отец ездил не так давно.

Я вынул из кармана телефон и набрал номер бывшего шефа. Базаров ответил сразу же, словно держал трубку в руках.

— Проверьте сводки по Красногорску, — сухо сказал я вместо приветствия. — Не находили ли там обезображенные трупы женщин.

Базаров помолчал, а затем ответил со вздохом:

— Хорошо, что ты позвонил. Мы уже проверили. Год назад домой не вернулась некая Оксана Воронина. Ее тело нашли в городском сквере, заваленное камнями. Судя по почерку, это был наш дружок Чигин. Ты знаешь, что он звонил тебе из Красногорска?

— Знаю, — зло ответил я. — Год назад Чигин убил женщину в Красногорске. Черт возьми, он все время был рядом! Человек проходит по всем сводкам! И никто ничего не заподозрил!

Намеки, что я хотел бы получить записи с камер наблюдения дома, где жила Ксения, а также камеры банкомата, расположенного напротив, были проигнорированы экс-начальником, который даже после весточки от маньяка-убийцы не собирался помогать бывшему подчиненному, переметнувшемуся на другую сторону баррикад.

— Ты берега-то не путай, — строго сказал Базаров, когда я позвонил ему. — Нет у нас дела об убийстве Ксении Рокотовой. И оснований для расследования тоже нет. То, что Чигин проявился в связи с твоим заданием, к смерти этой девочки вообще может никак не относиться.

— Я же по старой дружбе прошу, — буркнул я.

— Дружба дружбой, а служба службой, Иван. Ты же сам погоны носил, должен понимать, что можно, а что нельзя. Это же банк и система безопасности, как я такие запросы объясню? А вдруг они нажалуются? У меня тоже начальство есть.

Я понимал, и потому не настаивал. Звонок Рокотову с просьбой о помощи мог сдвинуть дело с мертвой точки, но, когда я явился в службу безопасности, где за мониторами скучал пожилой охранник, меня ожидало разочарование: записей не было.

— Ничего не пойму, — бурчал охранник, просматривая файлы. — Семнадцатое — вот... Восемнадцатое... И двадцатое. А девятнадцатого нет.

— Как нет? — спросил я. — Не записывали, что ли?

— Да ну, такого не может быть, — отмахнулся он, в очередной раз перезапуская систему. Когда компьютеры загрузились, охранник вновь просмотрел список файлов. — Хм... Дичь какая-то. Стерли, что ли?

— А это возможно?

— Не знаю, наверное. Я тут особо ничего не трогаю, возраст не тот. Надо сисадминов звать, может, восстановят. Но я не знаю, чем мы можем вам помочь, у нас камеры за окнами не следят, тем более на такой высоте. Мы можем только за парковкой и входом наблюдать, ну и придомовая территория.

Я заверил его, что записи падения Ксении вряд ли мне помогут, и задал еще один вопрос:

— А посетителей, которые приходят в гости, вы записываете?

— А как же!

Охранник выпучил глаза от старания и с готовностью бросился к пульту, принявшись рыться в стопке одинаковых по форме и цвету журналов, но вскоре по его напряженной позе я понял, что и здесь что-то не так. Он грузно осел в кресло, вытер испарину и бросил на меня затравленный взгляд:

— Журнала за прошлый месяц нет.

— У вас на каждый месяц свой журнал? — зло спросил я.

— Ну, так просто удобнее. Обычно мы их заполняем и складываем в стопочку, редко когда просят что-то показать, но чтобы пропало... Такое впервые.

— Кто-то посторонний мог взять журнал? — продолжил допытываться я и по лицу охранника, невыразительно пожавшего плечами, понял, что это возможно. Но в это верилось с большими оговорками. На лице мужчины мелькнуло озарение, которое он поспешно подавил. Скорее всего, он догадывался, кто мог взять журнал, но открыть мне эту тайну не хотел. Замкнувшись, мужчина угрюмо копался в стопке бумаг, демонстрируя невероятную занятость.

— Когда в дом приходит прислуга, вы это фиксируете?

— Разве что только чужие... — буркнул охранник. — Клининг или доставщики. Своих мы в лицо знаем. Раньше фиксировали, а сейчас как-то подзабыли на это... У нас же приличный район, и дом элитный, я уже три года тут работаю, никогда никаких ЧП... Да вы не думайте, найдется журнал, скорее всего, куда-то засунули...

— М-да, найдется, — досадливо произнес я. Версия, что Ксению убил кто-то близкий, переросла в уверенность. И этот же человек кружил рядом со мной, как голодная акула.

Семен Брех моему звонку не обрадовался и помощи не обещал. Но иных выходов на правление банка у меня не было.

— Ванечка, ты же таки понимаешь, что при любом раскладе могут пострадать клиенты банка? — вкрадчиво произнес старый шельмец. — И никому это не понравится.

— Семен Натанович, меня не интересуют чужие вклады и деньги. Пусть хоть плавают там в золоте, как Скрудж МакДаг. Мне просто нужно увидеть двери соседнего дома: кто входил, кто выходил. И я — адвокат, а не прокурор, в суд не потащу, — ответил я. Но пронять Сему было трудно.

— Зная твои таланты, Ванечка, я не могу быть в этом уверен. Когда ты начинаешь проявлять активность, горе тем, кто выступает против твоих клиентов, а мне еще хотелось бы немного пожить, спокойно поработать в этом городе и не иметь проблем.

— Сема, ты просто не хочешь мне помочь!

— Не дави на мою совесть, Ваня. В этом жестоком мире я вынужден лавировать между струйками и не намочить, потому что у меня — две дочки, и я хочу стать счастливым дедом, а потом, в глубокой старости, умереть в своей постели. А ты толкаешь меня в пасть к крокодилам.

— Семен Натанович, прекрати ныть, — приказал я. — Я прошу тебя просто позвонить и спросить. Если тебе откажут, так тому и быть, но ты же хитрый лис и можешь умаслить кого угодно. Так что я на тебя надеюсь.

— На Бреху надейся, но и сам не плошай, — вздохнул мой собеседник и отключился. Почему-то я был уверен, что старому еврею удастся уговорить главу банка, чтобы мне предоставили доступ к записям камеры.

Отправляясь в Красногорск, я тщательно следил за машинами, что ехали следом, опасаясь привести «хвост» к очередному свидетелю. Несколько раз сворачивал на небольшие улочки, где было невозможно не заметить преследователей, но, кажется, мне везло. Охранники четы Макаровых в этот день решили оставить меня в покое, либо настолько поднато-

рели в слезке, что я их не заметил. Убедившись, что за мной не следят, я вывернул на трассу, которая вела к Красногорску.

С бывшей женой Рокотова я не созванивался, решив действовать на удачу, и не прогадал. После рассказа Лары я предположил, что финансовые дела Светланы обстоят не слишком хорошо, и потому совершенно не удивился, узнав, что она живет в обычной блочной девятиэтажке, не в самом престижном районе. Двор выглядел удручающе, с разрушенной детской площадкой, алкоголиками на свободных скамейках и подъездом, в котором воняло кошачьей мочой. Я нашел нужную дверь и позвонил. Женщина открыла мне дверь сразу, будто стояла за ней. Светлана была одета, как для выхода, скорее всего, она только что вернулась. Я успел заметить пакет, из которого торчало горлышко бутылки.

— Добрый день, — вежливо представился я.

— Добрый. Чем обязана... — кивнула Светлана, оглядев меня с ног до головы, и кокетливо добавила: — Чуть не сказала — такому красивому мужчине, но теперь разглядела ваши боевые раны. Правда, они вас не портят. Так что вам угодно, уважаемый?

— Мне нужна Светлана Фюрстенберг. Это вы?

— Баронесса фон Фюрстенберг, — высокомерно поправила меня Светлана. — Да, вы пришли по адресу. Это я. А кто вы?

— Иван Стахов. Адвокат.

Ее губы скривились в плаксивой гримасе. Светлана картинно заломила руки и начала причитать:

— Послушайте, я уже говорила господину Захарченко, что произошла досадная неприятность. Все деньги были пущены в дело, но подвела типография. Журнал будет выпущен буквально со дня на день, я уже ничего не могу отыграть назад, сами понимаете, краска, бумага, фальцовка, зарплата работникам, аренда... Войдите в мое положение! Да, я должна, но я — слабая женщина, все на себе, работаю буквально на износ... Могу же я ошибаться... Я же человек, в конце концов, а не машина...

— Я не от господина Захарченко, — быстро перебил я ее, — и понятия не имею, о каких проблемах вы говорите.

— Вы не от него?

— Нет. И речь не о взыскании долгов.

Светлана заметно повеселела, неуверенно улыбнулась и с облегчением вздохнула:

— Уф!.. Тогда совсем другое дело. Входите, Иван... Я же правильно запомнила ваше имя? Давайте выпьем, а? У меня есть отличный коньяк, между прочим, прямо из Франции, не какое-то пойло непонятного разлива.

«Отличный французский коньяк» лежал у нее в пакете, и было сомнительно, что он прилетел напрямую из Парижа, но я не стал капризничать. Меня провели в гостиную, обставленную выдавшей виды мебелью, собранной из разных гарнитуров. Светлана торопливо спихнула с кресла какие-то тряпки, усадила меня и, метнувшись на кухню, принесла два бокала, блюдо с косо порезанным лимоном и початую коробку конфет. Усевшись напротив, она призывно улыбнулась, закинула ногу на ногу и томно спросила:

— И о чем вы хотели поговорить?

— О вашей дочери Ксении.

— Господи!.. — Светлана потеревшила цепочку на шее с вульгарной подвеской в виде черепа и торопливо хлебнула коньяк из своего бокала. Я подумал, что совсем недавно наблюдал, как в одиночку напивалась другая близкая женщина Ксении, но у Лары это выглядело иначе. Она пила так, словно скорбела, на лице же родной матери не отражалось никаких чувств, кроме неутолимой жажды. — А, что вы хотели узнать? И вообще, почему приехали ко мне? Ведь Ксения жила с отцом... Вы в курсе?

— Разумеется, баронесса, — заверил я, и она победоносно усмехнулась, довольная подчеркиванием ее титула. — Но, как вы понимаете, после смерти вашей дочери возникли определенные сложности юридического характера.

— Понимаю... Видимо, я наследница? — воскликнула Светлана. — Что мне останется после моей доченьки?

— Сейчас этот вопрос в стадии обсуждения, — торопливо ответил я, но она уже не слушала, мысленно умножая и складывая нули в разрушенной алкоголем голове.

— Я думаю, что имею право на квартиру и машину, — почти мечтательно произнесла Светлана. — Знаю, что недавно у нее появился спортивный автомобиль. Ну и счета, конечно... Ох, простите, простите, что это я... Это такая утрата, такая утрата для меня, единственная дочь...

Скорби по единственной дочери в голосе Светланы не было никакой. Я поспешил охладить ее пыл.

— Да, придется утрясать вопросы с имуществом Ксении, но, думаю, вы понимаете, что имеете право только на половину ее состояния?

Светлана возмущенно подпрыгнула на месте.

— Почему же? Я — единственная наследница! Я — мать! — воскликнула она.

— Но есть же Олег Юрьевич, — резонно возразил я.

— Олег Юрьевич... Да Олег не имеет к Ксюше никакого отношения. Он — ее отчим.

— Понимаю, — холодно ответил я. — Это, конечно, меняет дело, но, согласно документам, он ее официально удочерил, значит, автоматически

является ее наследником, пусть даже родство не кровное. Тем более что Ксения жила с ним и, как вы понимаете, все ее состояние было дано Рокотовым.

Светлана мрачно ухмыльнулась и кинула взгляд в зеркало, отражавшее ее испитое лицо.

— Узнаю Олега! — плаксиво протянула она. — Как это по-скотски, лишить меня всего, причем не в первый раз! Только на этот раз я ему ничего без боя не отдам! Я заставлю его считаться с баронессой Фюрстенберг! Он у меня на суде без штанов...

Запала Светланы хватило ненадолго. Содержимое бутылки интересовало ее гораздо больше, чем недостижимое наследство покойной дочери. Она вновь подлила себе коньяку и выпила залпом, как бравый кавалерист. Минуту тупо смотрела в стол, а потом подняла голову и со злостью уставилась на меня:

— Вас Олег послал?

— Нет, я представляю интересы третьей стороны, — дипломатично ответил я.

— Какой еще третьей стороны? У Ксении не было больше никакой третьей стороны! — проорала она. — И если вы думаете, что я... какой-то третьей стороне... Да я живу в хлеву, в то время как должна жить...

— Почему же? — возразил я, подливая масла в огонь. — Если Рокотов не был ее родным отцом, значит, есть и родной, стало быть, наследник.

Лицо Светланы захлопнулось, как створки устрицы. Она посмотрела на меня со скрытым страхом, а затем угрюмо произнесла:

— Никакого отца у Ксении не было.

— Думаю, что технически это невозможно. Вряд ли ваша дочь родилась от непорочного зачатия.

— Я бы попросила вас выбирать выражения! — разозлилась она и плаксиво добавила. — Конечно, был, но он... в общем, я не знаю, где он. Может, давно умер. И ни на какое наследство претендовать не может. Алиментов не платил, дочь не воспитывал. А вы знаете, сколько стоит собрать ребенка в школу?

Я подумал, что сборы в школу, видимо, остались последним воспоминанием Светланы о дочери, но не стал напоминать, что воспитывал ребенка Рокотов. Вместо этого спросил, подлив спиртного в свой и ее бокалы:

— Где ваш муж?

— Муж? Муж объелся груш, — презрительно ответила она. — Ускакал в фатерланд, забрал последние деньги, оставив меня разгребать долги. Вот скажите, Иван, разве женщина моего положения может позволить себе работать? Не из желания себя развлечь, занять пустой день, а чтобы

выжить? Я же, черт подери, титулованная особа, с гербом и короной. Аристократка. Белая кость. А я пашу как лошадь, живу в хлеву, и при этом все, что у меня есть, — долги. Я ведь подумала, что вы тоже приехали их выбивать. А у меня ничего нет. Потому что я никому не нужна. Олег меня бросил, дочери я тоже не была нужна, а теперь и Дитрих уехал... Разве это не унижительно?

Я оставил этот риторический вопрос без ответа и задал свой:

— Недавно Ксения приезжала к вам. Что она хотела?

— Олег нашептал? — фыркнула Светлана. — Да, была. Но я, честно говоря, не помню. Я немного приболела, дочь ухаживала за мной, как могла, а потом уехала.

— Она ведь вернулась домой в тот же день, — надавил я. — Непохоже на длительный уход за больной мамой.

— Мне полегчало, — отрубил Светлана. — Чего сидеть у постели? Я же не умирала.

— Она ничего у вас не оставляла?

На ее лице неожиданно промелькнули смятение и испуг. Если Ксения что-то оставила матери, скорее всего, эта вещь уже была в ломбарде.

— Нет... Не знаю, я же говорю: я была больна, — настаивала Светлана и всхлипнула: — Боже мой, моя бедная девочка, как же мало ты пожила, на кого же ты меня оставила?!

Светлана рухнула лицом на стол, разразилась пьяными слезами, в которых было столько же скорби, сколько коньяка в ее бокале, выпитом досуха.

— Чего Ксения хотела? — торопливо спросил я, чувствуя отвращение к женщине, добровольно променявшей дочь на алкоголь. — Эй! Что хотела Ксения, когда приезжала сюда?

— Расспрашивала об отце.

— О биологическом отце?

— Ну да, а что? Нормальный интерес человека, желающего узнать, как он появился на свет.

— И что вы ей сказали?

— Ничего! — завизжала Светлана. — Я ничего ей не сказала! Разве я могла ей сказать о... нем? И вообще, я устала. Если у вас все...

— Почти. Вы знаете Елизавету Разумникову? — прервал я.

— Нет, — недоуменно развела она руками

— Простите, может быть, вы знаете ее как Лелю?

— А... Эта саблезубая... Горничная Олежки. Как ни странно, помню. Хотя не в моих привычках запоминать имена прислуги, но эту особу я запомнила и хотела даже высказать Рокотову, что не пристало человеку его

положения держать в доме горничную, которая забывает свое место. А что? Почему она вас интересует?

— У вас не сложилось впечатление, что Ксения ее боится или недолюбливает?

— Мы слишком мало говорили с Ксюшей, — грустно ответила Светлана, и впервые в ее голосе прозвучали какие-то чувства. — Почему она должна была бояться Лели?

— И вы не в курсе, за что Ксения платила Леле крупные суммы денег? — настойчиво произнес я.

Светлана посмотрела на меня, будто я ударил ее чем-то тяжелым по голове.

— Я ничего об этом не знаю. Почему моя девочка ей платила?..

Я мысленно вздохнул и поспешил откланяться. Светлана была рада от меня избавиться и, судя по ее лицу, сосредоточенно размышляла о чем-то неприятном. В дверях я остановился и повернулся к ней:

— Почему вы развелись с Рокотовым?

— А как вы думаете? — криво усмехнулась она.

— Все говорят, из-за вашего пристрастия к алкоголю.

Ее улыбка стала злее, превратив распухшее лицо в маску.

— Если бы все было так просто, Иван. Если бы все было так просто. Здесь следует спросить по-другому: почему я начала пить.

— И почему же вы начали пить? — тихо спросил я.

Светлана в ответ покачала головой:

— Уходите, Иван. И не лезьте в эту грязь. Пока еще можете.

На какие пружины пришлось нажимать Семену Броху и к кому обращаться, я не имел понятия, но на следующий день безукоризненно вежливый женский голос пригласил меня приехать в банк, где меня уже ожидал начальник охраны, суховатый мужчина с крепким рукопожатием и трудно выговариваемым именем-отчеством: Всеволод Илларионович. Без лишних церемоний меня провели в небольшую комнату, усадили перед ноутбуком, в который вставили диск.

— Копировать ничего нельзя, — предупредил Всеволод Илларионович, — выносить тоже. Официально вас здесь никогда не было. Сами понимаете, мы дорожим репутацией клиентов банка. Вас проверят на наличие съемных носителей. Телефоном пользоваться нельзя. Можете смотреть записи только отсюда. Вам принесут кофе, чай и ланч, если необходимо. В комнате все время будет присутствовать наш сотрудник. Если вам будет необходимо отлучиться в туалет, вас сопровождают.

Мне хотелось неуместно съязвить, но я лишь сухо кивнул. Всеволод Илларионович удалился, оставив меня в компании молодого цербера, который без лишних церемоний забрал у меня телефон, портфель и обшарил мои карманы. Все время, пока я сидел за компьютером, он не сводил взгляда с моих рук, будто я мог подключиться к usb-порту через ноготь среднего пальца.

Помимо камеры банкомата, которая захватывала лишь фрагмент въезда в дом Ксении, банк был оснащен еще несколькими камерами, одна из которых предлагала прекрасный обзор. Именно с этой камеры я и начал свой просмотр. Зрелище было довольно унылое, часть видео я спешно проматывал, замедляя изображение только тогда, когда в ворота въезжала машина или когда через калитку проходил человек. Цербер сопел в углу, зевая от скуки. Я налил себе кофе, сделал глоток и скривился: кофе в банке был гадким.

Ксения и Глеб приехали домой вместе за два дня до трагедии, в руках парня были фирменные пакеты магазина, продающего элитный алкоголь. Я вспомнил недопитую бутылку на балконе. Значит, за два дня до смерти у парочки все еще было хорошо. Промотав запись, я увидел, что оба покинули квартиру вечером и больше в тот день не возвращались.

Ксения вернулась домой на следующий день около двух часов дня, причем одна. Я сразу сделал стойку, увидев, что она несет в руках коробку с ноутбуком, которую едва не уронила. Следом за Ксенией, к моему удивлению, к дому подъехала Светлана. Она нерешительно потопталась перед воротами, долго давила на кнопки переговорного устройства и что-то говорила, пока, наконец, ее не впустили. Я отметил время. Светлана пробыла у дочери около часа и уехала в четыре. Мне показалось, что она не слишком твердо держится на ногах. В движениях женщины не было уверенности, на лестнице она даже покачнулась и едва не упала, схватившись за перила. Я зло усмехнулся: женщина ни словом не обмолвилась, что была у дочери в день смерти.

Далее к дому подъехала Лара, перед которой приветливо распахнулся шлагбаум. Она припарковалась и буквально влетела во входную дверь. Лара пробыла у падчерицы около двух часов, а затем к дому подъехал уже знакомый мне «лендкрузер». Выбравшийся из него Фионов долго стоял перед домом, курил и нервно отбрасывал сигареты в стороны, пока из дверей, наконец, не выскочила его хозяйка. Я впился глазами в монитор. Лица Фионова я не видел, выражения лица Лары тоже не разобрал, но, судя по всему, беседа вряд ли была приятной, поскольку Лара отвесила начальнику охраны оплеуху. Она кинулась прочь, но Фионов успел схватить ее за руку и притянуть к себе. Лара прижималась к нему, как при-

жимаются к давнему другу, мужу, любовнику, а он гладил ее по волосам своими ручищами, похожими на экскаваторные ковши.

Поздно вечером к дому подъехала машина Лели. Она скрылась за поворотом, где был въезд на подземную парковку. Охранник, не тот, что беседовал со мной накануне, стоял на крыльце и курил.

Глеб Макаров прибыл к дому Ксении за два часа до времени ее предполагаемой смерти в компании Алисы, которая, к моему удивлению, сидела за рулем. Спустя мгновение я перестал удивляться: Глеб едва держался на ногах. Парень был в стельку пьян или под наркотой. Алиса все мотала головой и пыталась оттащить Глеба в сторону от дома Ксении, но тот упрямо шел к дверям, нажал на кнопки переговорного устройства и вошел внутрь.

Я промотал видео до конца. В полночь Ксения уже была мертва, к дому прибыла «скорая» и полиция, но я не видел, чтобы Глеб вышел из дома. Не вышла и Алиса. Машина осталась перед домом. Более того, я не видел, чтобы из дома выходила Леля. Машина горничной Рокотовых выехала из ворот дома Ксении в половине шестого утра. Разглядеть, кто сидел за рулем, было невозможно. В девять незнакомый молодой мужчина по-хозяйски подошел к машине Глеба, сел за руль и уехал. Я еще несколько раз прокрутил видео, сделав отметки на дозволенном мне листке бумаги, записав номера всех въезжающих машин, насколько это было возможно. Под вечер задача усложнилась, номера читались плохо, к счастью, автомобилей было немного. Я поднял голову. Цербер тут же насторожился:

— Вам что-нибудь нужно?

— Ваши записи заканчиваются девятью утра. Мне нужен еще один день, следующий.

— Это надо согласовать.

— Согласуйте, — милостиво разрешил я.

Цербер принялся звонить. Я допил остывший кофе и еще раз запустил видео. Где-то через час, когда в кофейнике кончилась бодрящая жидкость, а в вазочке конфеты и печенье, в комнате появился Всеволод Илларионович с крайне недовольным лицом.

— Мне казалось, вас интересуют только определенные даты, — сурово произнес он.

— Знаете поговорку про черную кошку в темной комнате? — пожал я плечами. — Кошку трудно найти в темноте. Особенно если ее там нет. А я точно знаю, что кошка — есть. Я видел, как она вошла. Но не видел, как вышла.

Всеволод Илларионович махнул подбородком, и, когда охранника мгновенно выдуло из комнаты, без всякого выражения поглядел на застывшее изображение монитора и спросил:

— Девушку убили?

— Без всякого сомнения, — ответил я.

Он вынул из кармана пиджака еще один диск.

— Вы уже знаете, кто ее убил?

Дисковод выплюнул диск, который у меня тут же забрали. Я вставил новый и подождал, когда проигрыватель запустит новую запись.

— Я знаю того, кто знает, — ответил я. — Но мне надо в этом убедиться.

В свете последних событий фигура горничной Лели Разумниковой становилась все более интересной. Меня очень интересовало, где ночевала эта женщина, и куда в итоге делись Глеб Макаров и Алиса Снежинская, которые так и не вышли из дома. Но зато из дома вышел кое-кто другой. Женщина, которую я видел всего один раз, наклонив голову, торопливо выскользнула из дверей и уселась в припаркованное неподалеку такси. Машина медленно двинулась с места. Отражение солнца от стеклянных окон высотки ударило в салон авто, высветив угрюмое лицо Натальи Макаровой. Она поспешно откинулась на сиденье, но мне было достаточно увиденного. Глядя на экран, я думал: Леля, Глеб и Алиса вошли в дом, но не выходили, Наталья Макарова вышла из дома, но в него не входила. А в ворота въехали несколько автомобилей, за рулем которых мог оказаться кто угодно. Их владельцы оказывались на подземной парковке дома и оттуда же поднимались в свои апартаменты. Когда Леля впервые привезла меня к дому, мы вошли через главный вход. Посетители и прислуга обычно так и входили, через подземную парковку в дом могли попасть разве что хозяева или те, у кого были ключи. Так почему же Леля не оставила машину у главного входа, и почему ее пустили на хозяйскую парковку в ее неказистом авто?

Я досмотрел диск и вернул его вернувшемуся церберу. Всеволод Илларионович вышел меня проводить, пожав на прощание руку.

— Вы нашли, что искали? — спросил он.

— Берегите эти записи, — предупредил я. — Возможно, их потребуют для суда.

Я посчитал, что слабым звеном в сети этих бесконечных посетителей, бесспорно, будет Алиса. Она солгала, что не видела Ксению накануне, как утаила и тот факт, что приезжала к ней не одна и осталась в доме на ночь, не выйдя даже тогда, когда во дворе уже смывали кровь и мозги подруги.

Я нашел ее в том же кафе, где она скучала в прошлый раз, созерцая пейзаж за окном, но на этот раз Алиса не выглядела грустной и безмятежной. При виде меня девушка побледнела и уронила телефон, в котором копалась. Я без приглашения уселся напротив.

— Господи, это опять вы? — с отвращением произнесла она. Взгляд Алисы метнулся по сторонам, словно в поисках защиты, но никто не бросился ей помогать.

— Опять я. Пришел задать вам парочку вопросов, так сказать, по старой дружбе, — произнес я и поманил официантку.

Алиса попробовала воспользоваться ситуацией и сбежать, но я придавил ее руку к столу, вынуждая усесться обратно. Она не просто побледнела, а покрылась синими пятнами. Я заказал кофе и пончик себе и вопрошительно поглядел на нее:

— Вас чем-нибудь угостить?

— Не помню, чтобы мы с вами дружили, — проворчала Алиса и отвернулась.

— Ничего, сейчас подружимся, — пообещал я. — Давайте не будем тянуть кота за хвост. Я знаю, что в ночь убийства Ксении Рокотовой вы были в ее доме. Как и Глеб Макаров. Как и мать Глеба Макарова. Вы привезли Глеба на машине и остались с ним.

— Откуда вы... — выпучила на меня глаза Алиса. — Господи... Вы сказали... в ночь убийства?

— Понимаете, Алиса, сейчас все камеры фиксируют, даже если вы очень осторожны. Нужно очень стараться, чтобы ваша личная жизнь не утекла в сеть. Вы солгали, что не были у Ксении в тот вечер. Кто-то, я сильно подозреваю, что это были родители Глеба, изъял видеозаписи его последних действий в день гибели Ксении. Я был в его доме, в «хрустальное яйцо» не так сложно проникнуть и похимичить с камерами. В вестибюле камеры нет, в лифтах тоже, но рядом есть два банка, а также камера ГИБДД. Есть запись, как Глеб Макаров подъезжает к дому, выходит из машины вместе с вами, причем вы сидите за рулем. Камеры, к сожалению, не запечатлели момент смерти Ксении, ее окна выходят во двор. Но время приблизительно совпадает.

— Я не имею к этому никакого отношения! Когда я уходила, она была жива! — взвизгнула Алиса. — Да, я... была у нее в тот вечер, но Ксюху не видела и близко к ее дверям не подходила. Глеб попросил меня отвезти к ней, я и отвезла, потому что он был сильно пьян. Вы себе не представляете, сколько времени я потратила, убеждая его не ездить к ней. Только разве его убедишь.

— Вы с Глебом были любовниками, верно? — припечатал я. — На фото, что я показывал раньше, вы смотрите на нее как на врага. Что произошло? Ксения узнала о вашей связи?

— Ну, узнала! — с вызовом ответила Алиса. — Узнала, и что? У нее самой рыльце было в пушку, не стала бы она из-за этого из окна прыгать. Плохо вы ее знаете.

— Похоже, вы ее знали очень хорошо.

— Да я ее ненавидела! Думаете, среди мажоров есть нормальные люди? Как бы не так! Они на всех, кто не их круга, смотрят как на грязь из-под ногтей. А Ксюшенька в этом отношении ничем от них не отличалась. Она не была святой, что бы вы о ней ни думали. Вечно на губах эта гадючая ухмылочка. Как-то она ко мне зашла за конспектами, увидела, что я в микроволновке суп грею, и сказала, что лично она ничего вчерашнего не ест. Одним предложением изничтожила, точно я дерьмо хлебала. На втором курсе мне пришлось в кредит влезть, чтобы купить айфон, потому что она меня зачморила из-за старого андроида. И много еще чего было. Да, я ее ненавидела, но не настолько, чтоб из окна выпихнуть. Мне ее унижить хотелось. Чтобы она хоть раз в жизни почувствовала боль. Она же всегда непробиваемой была, хоть из пулемета стреляй.

— И тогда вы рассказали ей о Глебе, — предположил я. — О вашей связи.

— Я не рассказывала, — покачала головой Алиса. — Она сама узнала, не знаю откуда. Позвонила накануне, стала орать, вопила, как ненормальная, что мы твари, что верила нам, а мы обошлись с ней так же, как все. А я сказала, чтобы она так не убивалась, у нее же есть утешитель.

— Какой утешитель? — насторожился я.

— Вы тупой? — усмехнулась Алиса. — Мужик у нее был, она с ним трахалась лет с четырнадцати. Эта связь много лет не прерывалась. Она к нему постоянно моталась, а Глебу вкручивала, что у родителей дома или у подруг.

— Откуда вы знаете про любовника? — спросил я. — Ксения вам сказала?

— Нет. Глеб. Помните, вы сказали, что видели меня с ним три месяца назад? Тогда у них произошла ссора. Глеб узнал, что у нее все это время был мужик, они поругались, а я несколько дней летала, как на крыльях, думала, это навсегда, забудет Глеб Ксению, останется со мной. Такое ведь не прощают... Только они помирились. Я понять не могла, почему. А в тот вечер я приехала к нему... Позвонила в дверь, а он пьяный в слюни. Ну, мы и поехали разбираться с ней. Глеб узнал, с кем она спит, и совсем с катушек слетел.

— Он назвал его имя?

— Нет, конечно, хотя я спросила. А когда он поднялся к ней, они так орали, я всех слов не разобрала, потому что они ушли в глубь квартиры. Слышала только, как она кричала, что он по сравнению с ним — щенок. А потом... Потом Глеб вышел, сказал, что с Ксюхой все кончено, он больше не

будет с ней, потому что знает, с кем она спала, обозвал конченной. Я хотела увезти его домой, но он почти вырубился.

— Что произошло потом?

— Потом у него телефон зазвонил. Это была его мать. Я ответила, сказала, что он пьяный и что он в доме Ксении. Ну и... Наталья и приехала, вместе с Ксюхиной горничной. Я и не знала, что у них в этом же доме квартира есть. Мы Глеба туда затащили и остались на ночь. А утром эта... Леля вывезла нас на своей машине и еще велела головы не поднимать, чтобы камеры нас не засекали. Я ее спросила, почему, она и ответила, что Ксения покончила с собой, не надо, чтобы знали, что мы были в доме.

— Вы все ночевали в квартире? — спросил я.

— Да. Мы с Глебом в гостевой спальне легли, его мать по соседству, а Леля... не знаю, где-то тоже приткнулась.

— И никто из квартиры не выходил?

— Ну... Мне показалось, что дверь открывалась. Но я могла и перепутать, может, это была дверь в гостиную. Мы, во всяком случае, из комнаты не выходили.

— Вы так старательно защищаете Глеба, что поневоле думаешь об его вине, — покачал я головой.

Алиса вспыхнула, чем только подтвердила мою догадку.

— Если вы думаете, что он ее убил за измену, то сильно ошибаетесь. Я бы на вашем месте проверила всех, кто живет в доме. Знаете, что я услышала последнее? «Он у меня еще попляшет!»

— Может, она Глебу угрожала? — предположил я.

— Тогда почему она крикнула не «ты», а «он»? Глеб в квартире был вместе с ней. Нет, это не Глебу было адресовано. Если она начала угрожать, значит, ее допекли, и тогда она бы предпочла отомстить.

— Кому? — спросил я.

— Если бы я знала, — мрачно ответила Алиса.

Я собирался встретиться с Лелей и прижать ее к стенке. Вопросов к этой некрасивой, суровой женщине у меня накопилось довольно много, а, учитывая ее шаткое положение, не думаю, что она стала бы молчать. Мне, конечно, трудно доказать шантаж, но Рокотова наверняка заинтересовало бы, за что горничная получала от Ксении такие деньги.

Подумав о Рокотове, я помрачнел. Миллионер довольствовался скупыми отчетами и редкими звонками. У меня накопились вопросы и к нему, но наниматель оставался неуловимым. Мотаясь между Москвой и Европой, Рокотов словно забыл о своем поручении, хотя счета оплачивал с завидной регулярностью. Прорвавшись к нему поздно вечером по телефону,

я кратко изложил положение дел, рассказав, что в доме Ксении было очень много народу, и мне необходимо побеседовать с каждым, чтобы предоставить полную информацию.

— Хорошо, действуйте, — сухо сказал Рокотов и добавил после недолгой паузы: — Я вам доверяю.

— Один вопрос, — торопливо произнес я, пока он не бросил трубку. — Зачем вы ездили к бывшей жене?

Рокотов помолчал, а затем с горечью проговорил:

— Нет ничего странного, что новости о смерти дочери сообщает отец.

— Полиция не известила Светлану? — удивился я.

— Полиция известила меня. А мне было не до того, чтобы сообщать Светлане, — веско ответил Рокотов. — Она два дня пила, была совершенно невменяемой, даже не поняла, что дочь погибла. Потом я нашел в себе силы и приехал, поговорил. Пустая трата времени, как оказалось. С тем же успехом можно было позвонить. Она даже на похороны не явилась.

— Почему?

— Господи, Иван! — разъярился миллионер. — У вас что, нет родственников-алкашей? Она бухала, понимаете? Бухала!

— Простите, — притворно стушевался я. — Последний вопрос: настоящий отец Ксении приезжал на похороны?

— Нет, — коротко ответил Рокотов и повесил трубку.

Я уже был готов выйти из дома, когда телефон вновь зазвонил, и на дисплее высветился совершенно незнакомый номер.

— Иван Андреевич, — зашептал в трубке истеричный голос Игоря Соколова, — умоляю, спасите меня!

— Игорь? — встревожился я. — Вы где? Что случилось? Вы же должны были в Крым улететь?

— Отец меня перехватил, — всхлипнул Игорь. — Я... Я даже сделать ничего не мог. Он меня выдернул из дома вместе с какими-то отморозками в белых халатах, упаковал в смирительную рубашку и увез в больницу. Я в психушке, Иван Андреевич, в Подмосковье. Это в Сергиевом Посаде, тут клиника недалеко от храма. Заберите меня отсюда, пока они на уколы не перешли...

— Я приеду через три часа, — ответил я. — Не бузи, не спорь с врачами, веди себя как нормальный, иначе обколят аминазином, будешь как овощ. И не говори никому, что я еду. Это твой номер?

— Нет, — заскулил Игорь. — У меня были деньги, я попросил позвонить одного из медбратьев, но сейчас мне нужно отдать ему сотовый. Мой телефон забрали. Приезжайте скорее! Я боюсь!

Собираясь на скорую руку, я прихватил и судебное решение, подтверждающее, что отец Игоря не имел никакого права вмешиваться в судьбу сына, но в глубине души меня глодал червячок сомнения. Психиатрическая больница в Сергиевом Посаде была учреждением режимным, и вряд ли адвокату без допуска позволят войти внутрь. Я подумал, что могу не справиться в одиночку, и отправил сообщение Кеше.

Машину я бросил по пути, нырнул в метро и скоро оказался на Ярославском вокзале, чтобы добраться до Сергиева Посада на электричке.

Приемные часы в больнице, разумеется, уже закончились, и потому попасть к главному врачу, имя которого я прочитал на сайте больницы, оказалось сложно. В приемной, помимо жухлой секретарши с сухим лицом египетской мумии, меня встретил и плечистый медбрат, нелюбезно намекнувший, что мне не рады. Я игнорировал его до тех пор, пока он не совершил главную ошибку своей жизни: взял меня за локоть и попытался вывести из приемной. Без лишних церемоний я перебрал его через себя и ткнул носом в пол, заломив руку до болезненного хруста. Медбрат взвыл, секретарша вскрикнула и схватилась за телефон.

— Я сейчас полицию вызову! — заорала она.

— Вперед! — кивнул я. — Заодно объясните полиции, почему вы держите здесь моего подзащитного против воли.

Двери открылись именно в этот момент, и на пороге показался Барсуков, такой же сухой, как секретарша, маленький, с мутным паучьим взглядом и тонкими бледными пальцами. Вид у него был болезненный, что не очень вязалось с должностью.

— Что здесь происходит? — строго спросил он. — Я требую объяснений!

— Андрей Андреевич, я вызываю полицию, — заявила мумия.

— Вызывайте, Сонечка, — кивнул главврач. — И охрану вызывайте. Сейчас мы это хамло быстро за ворота выставим.

— Нет, это я требую объяснений, — пропыхтел я. — На каком основании вы удерживаете в клинике Игоря Соколова? Вы в курсе, что в уголовном кодексе это называется похищением?

Взгляд главврача вильнул, и он жестом приказал секретарше положить трубку.

— Не понимаю, о чем вы, — сурово произнес он, но его голос слегка «дал петуха».

— Думаю, понимаете, — резко сказал я, и, отпустив руку медбрата, поднялся. — Сегодня сюда доставили Игоря Соколова, и, думаю, это сделал лично его папаша, по чьей просьбе вы определили парня в палату. У меня есть постановление суда, по которому господину Соколову запрещается каким-либо образом влиять на судьбу сына. Однако он привозит его сюда,

а вы запираете парня. Это статья, уважаемый Андрей Андреевич. И не какая-то врачебная халатность, кража бинтов и зеленки. Это статья сто двадцать шесть, часть вторая, если вы в курсе, о чем я. Преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору. До двенадцати лет, Андрей Андреевич. А ведь я без труда докажу, что Игорь тут, как и то, что он здесь не по своей воле. Вы хотите где-нибудь под Магаданом трудиться в тюремной больничке среди туберкулезных зеков?

Андрей Андреевич вздохнул, засунул руки в карманы и коротко бросил: — Зайдем в мой кабинет.

Когда мы с ним вошли, Барсуков уселся в кресло, нервно подвинул лежащие на столе папки и, подняв на меня глаза, тихо спросил:

— Как вас зовут? А то как-то неприлично общаться подобным образом, когда вы меня знаете, а я вас — нет.

— Разве Соколов не сказал вам, кто приедет за Игорем? — усмехнулся я.

— Послушайте... — захрустел пальцами главврач и вытер пот на лбу. — Все же вы неверно истолковали ситуацию. Игоря Соколова нам доставили утром. Я давно наблюдаю этого юношу, и хочу вам сказать, что он очень болен. Вам ведь, наверное, неизвестно, что он пытался покончить с собой? Естественно, что самые близкие люди, такие, как его отец, встревожились и попытались как-то ему помочь, потому и доставили к нам. Суицидальные настроения при биполярном расстройстве — дело обычное, так что я бы на вашем месте отдавал отчет в своих действиях. Мы со своей стороны делаем все возможное для того, чтобы поставить пациента на ноги, и моя задача — не допустить, чтобы состояние моего пациента ухудшилось. У Соколова уже случался рецидив, все это есть в его истории болезни. И если вы, как его адвокат, это понимаете, то сейчас уйдете и будете ждать выздоровления Игоря.

— Нет никакой истории, — грубо ответил я. — Есть фальсификат, устроенный его папочкой. И за это вы тоже ответите.

Барсуков вздохнул и сунул руку под стол.

— Боюсь, вы не оставили мне выбора, — произнес он с мерзкой ухмылкой.

Дверь тут же распахнулась, и меня моментально повалили на пол двое санитаров.

— Нервишки, господин Стахов, надо лечить. И это наш профиль. Но вы не переживайте, мы вас вылечим. У нас тихо, спокойно... — усмехнулся Барсуков и приказал: — Поднимите его!

Когда меня подняли, он подошел ко мне почти вплотную и почти ласково произнес:

— Что, господин Стахов? Теперь вы уже не такой борзый? Мы тут и не таких обламывали. Ничего. Полежите у нас недельку в стационаре, подде-

читесь, а потом выйдете. Или не выйдете. У нас «овощей» навалом, лежат, знаете ли, слюни пускают. Вот и вы полежите денек-другой, подумаете, как тут пальцы гнуть.

Телефон завибрировал в моем кармане, и санитар, гадливо ухмыляясь, вынул его из моих брюк. Я краем глаза увидел имя вызывающего и улыбнулся.

— Чего вы так радуетесь, пациент Стахов? — спросил Барсуков.

— Да конец тебе пришел, ушлепок, — усмехнулся я.

А дальше все было совершенно буднично и неинтересно.

Медбратья валялись мордой в пол из светлой паркетной доски, пачкая его кровью. Поодаль, почти по-турецки, на полу восседал хозяин кабинета, тщетно пытаясь показать, что совершенно не боится. Над ним возвышался Кеша и два мордovorота, которых я не знал. Друг посчитал необходимым явиться на выручку, прихватив с собой компанию. В тот момент, когда они ворвались в клинику, Кеша уже вообразил бог весь что, посчитав меня, как минимум, упакованным в смирительную рубашку, и потому церемониться с персоналом он не стал. Удивительно, что на его пути не осталось никого, способного вызвать полицию. Кеша и два его бойца ураганом смели все сопротивление, вломились в приемную, где до сих пор глухо верещала секретарша, привязанная скотчем к стулу, вырубив обоим санитаров. Кеша лично припечатал к стене попытавшегося сбежать Барсукова, после чего тот никаких попыток двигаться уже не предпринимал, сел на пол и время от времени потряхивал головой, в которой явно шумело. Когда Кеша, наконец, обратил взор на меня, его лицо было пунцовым, а губы посинели от гнева.

— Ты чего, один справиться не мог? — наконец спросил он.

— Мог, но с чего мне должно было доставаться все веселье? — в тон ему ответил я, хотя оба понимали, без его вмешательства мне пришлось бы туго, и не факт, что я смог бы выбраться из клиники. Санитары привыкли здесь общаться с буйными и не особо церемонились со мной.

— Кажется, эти циркачи тебя немного помяли?

— Да ну, ерунда, — отмахнулся я. — Пугали больше.

Кеша не поверил и пнул ногой одного из санитаров, тот взвыл от боли и завопил:

— Сволочи! Вы за это ответите!

— Да, да, все так говорят, все чем-то грозят. Потом вытирают сопли и бегут к мамочке... — лениво сказал Кеша и повернулся к Барсукову. — Слышь, ты, упырь, давай, поднимай свою костлявую задницу и вели нам привести... кого, Вань?

— Игоря Соколова, — подсказал я.

— Игоря Соколова, понял? — повторил Кеша и, схватив Барсукова за тощее, как куриное крылышко, плечо, рывком поднял его с пола и потащил к столу: — Давай, давай, цигель-цигель, ай-лю-лю, чтоб нам тут до вечера не ждать.

— Вы не понимаете! — рухнув на стол, взвизгнул главврач. — Если не принять меры, этот юноша через неделю все равно окажется здесь, в более запущенном состоянии, и кто знает, сможем ли мы вообще его вылечить.

— Дедуль, — поморщился Кеша, — я, конечно, понимаю, что ты бабло отрабатываешь и тебе надо, чтобы пацан у тебя задержался, но задолбал ты уже своей нудятиной. Говорю же, у нас времени нет... Давай звони!

Главврач пробурчал что-то нечленораздельное, но снял трубку и набрал номер:

— Шестой пост? Приведите в мой кабинет пациента Соколова... Да, да, из двенадцатой. Поскорее!

Барсуков положил трубку. Кеша оглянулся на своих помощников, кивнул им, и те стремительно покинули помещение. В приемной взвизгнула секретарша, но быстро смолкла. Я потер саднившее плечо, и устало опустился в кресло напротив главврача. Заметив, что я наблюдаю за ним, он демонстративно отвернулся. Мне тоже надоело буравить его взглядом, поэтому, чтобы скоротать время, я поднялся и прошелся по кабинету, равнодушно разглядывая многочисленные фото и дипломы, висящие на стенах. Кроме них на стене висела небольшая картина в простой деревянной рамке, и, взглянув на нее, я почувствовал, как моей шеи коснулись ледяные пальцы.

Это был сказочный пейзаж, похожий на работы Васнецова: бранное поле, заросшее алыми маками, женщина в доспехах, ведущая на поводке вороного коня. В руке она держала отрубленную голову. Ее изможденное лицо было мне хорошо знакомо, как и оскалившееся лицо на отрубленной голове. От холста пахло краской. Я опустил глаза на подпись в углу, заметил уже неоднократно виденную мной закорючку и хрипло спросил:

— Скажите, откуда у вас эта картина?

Барсуков был рад, что разговор перешел в другое русло, и потому угодливо подскочил, близоруко прищурился, словно видел картину впервые, и ответил:

— Это подарок. Мы поощряем творчество среди наших пациентов, а воплощение своих фантазий в искусстве очень плодотворно сказывается на психике. Арт-терапия успокаивает, знаете ли...

— Эту картину написал ваш пациент? — прервал я.

Барсуков сбился, нахмурил брови и, поглядев на Кешу, осторожно подтвердил:

— Да. Очень талантливый молодой человек. Я, по понятным причинам, не могу назвать его имя, но он очень известен в определенных кругах. К сожалению, юноша попал в беду, после которой нервная система попросту не выдержала. Весьма прискорбно, но в мировой культуре описано множество случаев серьезных психических отклонений у великих художников, композиторов, поэтов. Талант зачастую граничит с безумием, а оно порой принимает самые гротескные формы.

— И какой диагноз вы поставили ему? — спросил я, ткнув пальцем в подпись-закорючку.

Барсуков открыл рот, нахмурился, а затем на его лице мелькнула тень догадки. Он облизал губы, но не успел ничего сказать, так как в коридоре послышался топот, а затем в сопровождении Кешиных бойцов в кабинет ворвался еще один медбрат, куда более скромных размеров. Он с испугом уставился на своих коллег, лежащих на полу, попятился, но врезался в каменные плечи наших бойцов. Главврач, явно встревоженный, уставился на него и строго спросил:

— Что происходит?

— Андрей Андреевич, — боязливо промямлил медбрат, — там... это... того... Соколов этот... Он того...

— Ты можешь внятно изъясняться, кусок идиота?! — заорал Барсуков, и медбрат, на миг зажмурившись, истерично воскликнул:

— Он повесился в своей палате! Разорвал пижаму и штаны и удавился на спинке кровати... Мы зашли, а он уже синий...

В полном молчании мы шли по коридору. Бело-голубые казенные стены, резкий солнечный свет, льющийся сквозь стекла, вызывали странное чувство нереальности происходящего. Медсестры боязливо жались к стенам, видя нашу процессию. Барсуков почти бежал, а мне хотелось догнать его, дать ему пинка и топтать ногами до тех пор, пока не хрустнут кости.

Игорь уже не висел — лежал на полу с багровой полосой на неестественно вывернутой шее, и его закатившихся зрачков почти не было видно из-под полуприкрытых век. В раздутом лице не было ничего от прежнего запуганного парня, которого я обещал защитить от претензий отца.

Я схватил Барсукова за шею и впечатал в стену. Он жалобно заверещал и заплакал:

— Мы не виноваты! Вы же понимаете, что это просто такое стечение обстоятельств, несчастный случай! Я же предупреждал вас, что этим может закончиться!

— Ты у меня точно в Магадан поедешь! — прошипел я и ударил его под дых. Барсуков задохнулся и упал бы на пол, если бы я его не удержал: — Сколько тебе Соколов заплатил за это?

Он хрипел и все пытался от меня отстраниться, хватая ртом воздух, а когда смог заговорить, его слова были жалкой попыткой оправдаться:

— Господин Стахов, отбросьте эмоции! Вы же не станете утверждать, что я сознательно довел юношу до суицида? Самоубийство в стенах медицинского учреждения всегда бросает тень на главного врача. Я бы никогда не стал так рисковать. Ну, пожалуйста... Давайте поговорим. Мы же можем договориться, все уладить...

Я был совершенно обессилен и раздавлен. Хотелось выть и разбить о стену самого себя, идиота, допустившего такую ситуацию. Тяжело дыша, я опустил глаза и минуту смотрел в пол, а потом, подняв голову, как можно спокойнее проговорил:

— У тебя один шанс.

Угодливость, отобразившаяся на лице Барсукова, вызвала отвращение.

— Я слушаю, — угодливо ответил Барсуков.

— Сейчас ты приведешь ко мне автора той картины. И когда мы с ним поговорим, я решу, что с тобой делать, падаль!

Сестра прорвалась в промежутке, пока к нам вели Глеба Макарова. Мы засели в кабинете главврача, мрачные и насупленные. Я был зол, что не смог уберечь Игоря от смерти, и думал, как обрадуется гибели сына Соколов-старший. Ведь теперь все его состояние достанется ему, и ничего не придется делать, прямой наследственной связи никто не отменял. Я был бессилен что-то предпринять, оставалось признать, что я проиграл, да еще так бессмысленно. Когда зазвонил телефон, я был рад услышать родной голос, оторвавшись пусть даже на мгновение от этого кошмара.

— Мы уже можем вернуться? — спросила Надежда. — Мама нервничает, да и мне в этом пансионе благородных девиц надоело. Тут нет кабельного, Интернет еле-еле пашет, а у меня полно работы.

— Посидите пока там, — ответил я.

— Все хуже, Вань? — встревожилась сестра.

— Хуже, но к нам это не относится. Вам ничего не угрожает, мне тоже, но все-таки отдохните еще несколько дней. Ты только поэтому звонишь?

— Вообще-то я звоню тебе по другому поводу. Я тут кое-кому позвонила, чтобы выяснить об империи Рокотова. Так вот: после смерти Ксении его финансовые дела с Макаровыми не прекратились, наоборот, лишь окрепли. Буквально через пару дней после похорон Ксении Рокотов и Макаров открыли совместное предприятие по строительству коттеджей на левом берегу Истры, причем не абы где, а в заповедной зоне. Одному богу известно, сколько им стоило подмазать всех заинтересованных лиц. И знаешь, что самое любопытное? Олег Рокотов, хоть и является соучредителем,

заплатил какую-то мелочь уставного капитала. Все остальные деньги вложил Макаров. А прибыль, тем не менее, пятьдесят на пятьдесят. С какого, пардон, перепугу? Ведь свадьба уже точно не состоится. Почему Макаров так расщедрился? Ты что-нибудь понимаешь?

— Понимаю, — ответил я, глядя на картину, где была изображена Наталья Макарова, держащая в руках отрубленную голову своего супруга. — Он просто откупался.

Когда Глеб вошел в кабинет, я бросил взгляд на его руки, тонкие, с нервными пальцами художника, и попытался представить, как он хватается за горло свою любимую девушку и выбрасывает из окна. У меня ничего не вышло, хотя в своей прошлой полицейской жизни я видал и не таких херувимов, убивающих без зазрения совести самых близких людей. Но теперь, встретившись с Глебом лицом к лицу, я понимал, почему все вокруг уверяли, что он неспособен на насилие. Этот парень, с лучистым лицом эльфа, показался мне совершенно безвольным и слабым для такого поступка. Всю свою энергию он направлял на картины.

Барсуков, усадив Глеба напротив, торопливо дал ему карандаш и бумагу, а затем подошел ко мне и горячо зашептал в ухо:

— Не забывайте, что перед вами больной человек. Я останусь и в любой момент прерву беседу, если мне покажется, что вы пытаетесь нанести моему пациенту вред...

— Дедуль, твоими заботами только что один пациент вздернулся, — вмешался Кеша, который, естественно, подслушивал. Глеб поднял голову и посмотрел на него без всякого интереса, затем перевел взгляд на меня и спросил:

— Вас отец прислал?

— Меня зовут Иван Стахов. И я не представляю вашего отца, — ответил я.

— Хорошо, — скупое сказал он.

— Вы не хотите разговаривать с отцом?

— Не хочу. И не захочу. Не могу видеть ни его, ни маму. Наверное, когда мне тут подлечат нервишки, я навсегда уеду, чтобы его не видеть. И плевать на все его бабки. Мои картины стоят таких денег, что я могу жить безбедно. Вы пришли из-за Ксении?

Я кивнул. Вопрос вертелся у меня на языке, и я решил не медлить:

— Ксения состояла в любовной связи с вашим отцом?

Карандаш на мгновение замер в руке Глеба, а затем он, как ни в чем не бывало, продолжил рисовать. Я опустил взгляд на рисунок. Мне показалось, что в резких линиях, распавшихся на две фигуры, я вижу знакомые черты.

— Давно, — равнодушно ответил он. — Несколько лет. Ей было лет пятнадцать, когда она начала с ним спать. Ксюха любила сильных взрослых мужиков. Когда ей подарили квартиру, Ксюха после школы шла туда, делала уроки, как примерная девочка, и он заезжал к ней перед тем, как уехать на очередные переговоры. Все это длилось до самого окончания школы. И никто ничего не подозревал.

— Кроме вашей матери? — предположил я.

— Как вы узнали? — вскинул голову Глеб.

Я указал на висевшую в углу картину. Парень невесело улыбнулся и вернулся к прерванному занятию. Хотя это было совершенно не к месту, я понял, что Глеб не просто талантлив. Его талант граничил с гениальностью. Карандаш порхал по бумаге, оставляя росчерки черных линий там, где это требовалось больше всего. Фигуры прорисовывались все четче, сплетаясь в чем-то диком: не то соитии, не то борьбе.

— Ну да, мама стала подозревать, что у него кто-то есть. Женщины всегда чувствуют. Духи там, волосы другого цвета, постоянные задержки в городской квартире. Она стала его «пасти» и пару раз чуть не поймала, но Ксюха выворачивалась: когда мама стала заезжать и ждать отца, она просто сидела этажом ниже. Папаша все успевал, многостаночник хренов. Но потом мама стала там бывать постоянно, и отец встречался с Ксенией в других местах.

— Она ездила к нему за город? — предположил я.

— У отца есть еще один домик для... утех.

— Что их связывало? — тихо спросил я.

— Секс, — удивленно ответил Глеб. — Я же сказал...

— Я не об этом, — поморщился я. — Юная девочка из богатой семьи. Воспитанная, положительная, не какая-то дорожная шмара, готовая на все ради куска хлеба. Зачем ей было это нужно? Она влюбилась в вашего отца?

— Я так и не понял, — вздохнул Глеб. — Ксенька была каким-то странным созданием. Не от мира сего. Я сейчас заставляю себя на нее злиться, потому что это ведь предательство, да еще с моим отцом, но не могу. А вот на него — могу. Это же дикость, уложить в койку пятнадцатилетнюю девочку и спать с ней потом два года. Даже если бы она на него вешалась, он должен был сказать ей «нет». А Ксения... Она же вся была сломанная, как кукла на шарнирах. И порочности в ней не было ни на грош. Она просто... так жила. И отца она, наверное, по-своему любила.

— А вас?

— И меня. Наверное, не знаю. Я думал, что она меня любит, но это было знаете... такая любовь-дружба. Всегда вместе, всюду рядом. Ручка за ручку,

поцелуи, постель... Люди придают слишком много внимания сексу, мол, если ты с кем-то спишь, то обязан быть верен только ему. А мы были от этого свободны. Я знал об ее романах, но внимания не обращал, больше скажу, мы часто на эту тему с ней болтали, лежа в постели. Я всего раз был зол на нее — когда она решила порвать со мной, потому что собралась выйти замуж за другого мужчину.

— Тогда вы стали встречаться с Алисой? — предположил я.

— Ну да. Назло. Я не собирался это делать на самом деле. Алиска, она... плебейка, вы уж простите. Это не от моего снобизма или высокомерия, но вы должны понимать, что масло с водой не смешивается, как ни пытайся. Она, конечно, повелась. А мне хотелось только Ксюхе отомстить, показать, что она тут не единственная, Алиска мне даже не нравилась никогда. Вот Ксюха потешилась. Я же не знал, что она собралась замуж за моего отца.

— Он ей это пообещал?

— Вряд ли, — помотал головой Глеб. — Ксюха же была... недалеко. Она сама себе придумала эту историю, лишь бы вырваться из дома, да еще с тем, кто ей так нравился. Отец никогда бы не развелся с мамой. И дело не в какой-то там любви, просто они уже двадцать лет вместе.

— И часть его активов записаны на нее, — заметил я.

Глеб согласно кивнул и с горечью произнес:

— Деньги... Всегда деньги... Их много никогда не бывает... Родители хорошо жили до всей этой истории. Наверное, отец и раньше изменял, но мама всегда делала вид, что не в курсе. А потом Ксюха получила от отца отказ и пошла вразнос. Она встретила с мамой и все ей рассказала. Потом была безобразная сцена на выставке. Мама, конечно, не могла простить такого — муж спит со своей потенциальной невесткой. Я тоже не мог простить, даже не Ксюху. Его. Но и ее тоже. Вот, собственно, на этом наша история и закончилась.

— Расскажите, что произошло в ту ночь, — попросил я.

— Да нечего рассказывать, — вздохнул Глеб. — Все накануне началось. Мы были у Ксюхи, выпивали, и все было хорошо, вечером должны были на выставку пойти вместе. А там произошел скандал. Мама рассказала мне о том, что отец спит с Ксюхой. Я напился и решил сам все выяснить. Потом вспомнил, как она что-то химичила в моем компе, когда ее сломался. Залез, а там — фотки... Она с отцом. Я комп о пол грохнул, дурак... Хотел поехать сам, но ноги не держали. Я же не пью особо. Позвонил Алиске, она меня отвезла, по дороге комп в ремонт сдала, там же куча инфы... А дальше — как в тумане. Проснулся утром, Алиса меня вывела через гараж, там Леля ждала. Она нас домой подбросила. Алиса у меня осталась на весь день. Ну а вечером приехал отец и сказал, что все кончено, и нам надо

быть очень осторожными в своих словах и действиях. У меня началась истерика. Я кричал, что это он ее убил, что хочу, чтобы он тоже сдох... ну, и много такого. А потом как будто лампочку вывернули. Проснулся уже тут, в больнице. Наверное, скоро уеду. Лучше всего во Францию. Там чувствуешь потрясающее умиротворение. А мне хочется спокойствия, чтобы все это пережить.

Теперь я во все глаза смотрел на его рисунок, где, как оказалось, была запечатлена вовсе не романтическая история. Рваные линии становились все толще, штриховка темнее. С картинки сочился ужас, медленно сковывающий сердце. Я почувствовал, как ледяные пальцы провели по моему хребту, а холодные губы шепнули в ухо нечто нечленораздельное, сухое, как шепот ветра.

— После того как вы ушли, к Ксении поднялась ваша мать? — неожиданно спросил я.

Вот тут Глеб испугался. Да так, что даже карандаш выпал из рук.

— Почему вы так решили? — прошептал он.

Я медленно вынул из-под его руки рисунок, на котором одна женщина держала другую за горло. Нарисованные женщины кричали: одна от боли, вторая — от ярости. Глеб с ужасом уставился на него и замотал головой, не в силах даже что-то отрицать. Он попытался вырвать рисунок из моих рук, но я оттолкнул его, и Глеб неуклюже рухнул на пол. Его лицо плаксиво искривилось. Тогда я понял, что пора заканчивать разговор. Главврач, воспользовавшись паузой и не видя больше возражений с моей стороны, торопливо поднял Глеба и вывел из кабинета. Из коридора тут же донесся хриплый вой отчаяния и боли.

Барсуков вернулся через несколько минут, вытирая потное лицо. Мне оставалось надеяться, что с Глебом все в порядке, и никому не придется вынимать его из петли. Кеша нервно переступил с ноги на ногу, и я, поняв, что пора уходить, двинулся к двери, но меня остановил елейный голос хозяина кабинета:

— Иван Андреевич, надеюсь, мы с вами обо всем договорились? Вы ведь не станете ничего сообщать в министерство?

Мне все еще хотелось его ударить, но я смог заставить себя разжать кулаки и холодно ответил:

— Ошибаетесь, мы с вами ни о чем не договаривались.

Кеша настоял, чтобы поехать со мной. Я был сильно взвинчен и мог сорваться.

— Тебе не в чем себя винить, — негромко сказал он. — Даже не думай. Парень был не в себе, испугался и решил, что петля — лучший выход из ситуации. Это его выбор. Ты сделал все, что мог.

— Как-то мало меня это утешает, — вяло ответил я.

В тот момент я ненавидел всех: Барсукова, Соколова-старшего, семейку Рокотова с их тайнами, покойную Ксению, Глеба, Кешу, явившегося с опозданием, но больше всех, разумеется, себя, допустившего смерть своего клиента. Я был себе противен. Хотелось выпить. Кеша, кажется, понял мое настроение, потому что притормозил у пафосного бара, где я раньше никогда не был, и велел следовать за ним. Там, в интимном полумраке, мы надрались, как свиньи.

Алкоголь быстро нашел проторенное русло в мое сознание, затуманив его и придушив боль и совесть. Заговор Веры уже давно перестал действовать. Я «развязался» несколько месяцев назад, осознав, что могу пить понемногу, и даже помногу, но больше не нахожу в этом иного удовольствия, кроме как забвение.

Мы пили молча почти час, когда зазвонил мой мобильный. Номер мне ничего не сказал. Я поднес трубку к уху и услышал знакомый басок Соколова-старшего:

— Я сделаю все, чтобы ты сел, Стахов. Ты же меня осиротил. Это ты виноват в смерти Игорешки. Завтра тебя лишат лицензии. А послезавтра — посадят.

— Не делай вид, что ты горюешь, — ответил я. — Ты ведь получил, что хотел. Деньги теперь в твоём полном распоряжении, соперников нет.

— Дурак ты, Стахов, — с сожалением ответил Соколов. — Большой дурак. Ты-то, может, и привык людей хоронить, а у меня сын один был.

Я отключил телефон и положил его в карман пиджака.

— Интересная картина вырисовывается, — протянул Кеша, которого, похоже, алкоголь не забирал, в отличие от меня. — Если мальчишка не врет, следом за ним в квартиру Ксении поднялась мамочка, поругалась с подружкой сына... или мужа. В общем, обоих. Потом ссора переросла в драку, и она выкинула девчонку из окна, спустилась в свою квартиру и спокойно легла спать, чтобы утром убраться с места происшествия. Смерть Ксении посчитали самоубийством, потому что жильцов не опрашивали.

— Такая версия имеет место быть, — ответил я. — Но нельзя исключать, что в квартире побывал кто-то еще.

— Почему ты исключил Глеба? — полюбопытствовал Кеша. — Поверил в его невиновность?

— Он был пьян в стельку, даже на видео это понятно, еле на ногах стоял. В крови Ксении не нашли ни капли алкоголя, а квартира там такой величины, что она могла элементарно убежать от него и бегать, пока он не выдохнется. Не исключаю элемент внезапности, но, если бы Глеб ее действительно убил, это не выглядело бы так аккуратно. Что было в квартире?

Слегка сорванная штора, опрокинутый стульчик. Это смахивало на постановку. Даже если бы заметали следы, место выглядело бы по-другому. Но у ментов не возникло подозрений. Впрочем, они халатно работали, даже мусор не забрали. И вообще, моя миссия выполнена. Я нашел Глеба и могу доложить Рокотову об успехе. Хотя он ведь не имел в виду просто найти парня, ему нужен убийца. Так что у меня еще остались вопросы.

— Например?

— Например, Леля и деньги, которые ей платила Ксения.

— Леля знала, что Ксюша спит с бывшим боссом, и шантажировала девчонку, — предположил Кеша. — От прислуги трудно скрыть свои похождения. Это единственный вопрос, который тебя беспокоит?

— Нет. Рокотов уверял меня, что убийца — Глеб. Его интересовало, куда тот спрятался. Логично, что он разорвет все отношения с семьей убийцы. Вместо этого они организывают совместное предприятие с нехилым взносом, который оплачивает Макаров. Похоже, что он откупается от Рокотова. Но кого он покрывает? Себя, жену или сына? В день смерти Ксении в доме были почти все, кроме Рокотова и Макарова. Что за внезапное желание навестить ее? Как на меня вышел Чигин? Кто натравил его на меня и дал информацию, что я его ищу? Откуда Рокотов знает, где Чигин прячется?

Кеша помолчал, а потом с сожалением вытащил из кармана телефон.

— Не хотел тебя расстраивать, но Макаров тоже был в тот день в доме. Я выполнил твою просьбу и пробил все номера. Одна из машин, которую ты не смог опознать, стоит в гараже офиса Макарова. Его служебный «мерседес». Похоже, он взял его, чтобы не «светиться». И это еще не все. Еще одна машина приехала за час до смерти Ксении. Точнее — две, но вторую я не смог определить, а вот эту... Знаешь, на кого она зарегистрирована? Это тачка Андрея Сухорукова, бывшего телохранителя Ксении. Старая тачка, на которой он давно не ездил. И у меня вопрос, Вань, не с этим ли молодым чемоданом Ксения оттягивалась? Его алиби ты проверил?

— Я — дурак, Кеша, — признался я. — Столько всего упустил.

— Так подчисти за собой хвосты, — сурово сказал приятель. — Прямо с утра. Проспишься — и в бой. Возьми их всех за жабры. А сейчас вставай, я тебя домой отвезу.

— Куда ты отвезешь? — отмахнулся я. — Ты пьян. Такси возьму.

— Ничего, тут недалеко, — ответил Кеша и махнул официанту.

Я не стал сопротивляться, когда он утрамбовал меня в машину и повез домой. У подъезда вытащил меня из машины и бдитительно сунул ключи от нее в мой карман.

— А ты как доберешься? — запротестовал я. — Оставайся. У меня диван есть.

— Ты меня, Иван Андреич, прости, но на меня и так мужики косо смотрят, что я с бывшим ментом якшаюсь. Так что ночевать у тебя я не буду, и не проси.

Кеша помахал мне на прощание и нетвердой походкой ушел прочь.

Я открыл дверь, долго скидывая обувь, пока со злостью не швырнул не желающий сниматься ботинок в глубь тесного коридора, сдернул пиджак и, шатаясь, пошел в спальню, где когда-то моя жена частенько не спала, ожидая меня с дежурства.

Мне слишком часто мерещился ее силуэт даже после убийства, а потом пальцы хватали пустоту, так что я не слишком удивился, когда на постели пошевелилась женщина с длинными светлыми волосами и протянула мне освещенные бледной луной пальцы. Я глухо простонал и протянул руку навстречу моей мертвой жене.

Но пальцы, схватившие меня за запястье, были горячими...

Голова Лары покоилась на моей груди, а растрепанные волосы щекотали мой живот. В нормальной ситуации я никогда бы не позволил себе спать с женой нанимателя, но в той ночи не было ничего нормального. Я чувствовал себя жалким, раздавленным и нуждался хоть в каком-то утешении. Лара оказалась в моем доме вовремя и протянула руку помощи, если это можно так назвать.

— Как ты вошла? — спросил я ее.

— У тебя простой замок, — ответила она будничным тоном. — А у меня есть набор отмычек. В эту ночь я не хотела оставаться одна и подумала о тебе.

— Зачем тебе набор отмычек?

— Никогда не знаешь, что может пригодиться, — усмехнулась она. — Я бы на твоём месте сменила замок. Его шпилькой можно открыть. Когда-то я очень ловко вскрывала замки.

— Ты была взломщиком? — спросил я, не очень веря в это.

— Я работала менеджером в риэлтерской конторе, водила желающих по новостройкам, иногда бывало, что у нас не было ключей от квартир, а показывать приходилось. Нам и выдали связку «соловьев». Когда я уходила, то прихватила отмычки с собой. Вот навык и пригодился. Ты поздно вернулся. Я боялась, что ты вообще не придешь или придешь не один. Почему ты так напился? Плохой день?

Я повернулся к ней, и мы в упор посмотрели друг другу в глаза. Горячка улеглась, и, несмотря на то, что голова была тяжелой, мозги мои работали как хорошая машина, слегка пробуксовывая на виражах.

— Что ты делала в квартире Ксении в день ее убийства? — спросил я.

— А я гадала, когда ты узнаешь, — с трудом произнесла Лара. — Ну, что же... Думаю, ты и остальное знаешь?

— О романе с Фионовым? Давно заподозрил, а потом получил подтверждение. В тот день он ждал тебя снаружи, а потом ты влепила ему оплеуху. Как давно вы вместе?

Лара со вздохом отодвинулась от меня, перекадилась на спину и уставилась в потолок, сосредоточенно разглядывая блики от фар редких машин и мигающих желтым светофоров.

— Ты животное, Стахов, — произнесла она мертвым голосом. — Тебя ведь не смутило, что у меня любовник и муж, и все равно полез ко мне... Хотя... Почему я должна тебя упрекать? Сама виновата. Мне хотелось побыть с тобой, а с Фионовым все кончено. Собственно, там нечего было заканчивать. Это был просто секс, ни к чему не обязывающий. Возможно, Никита думал иначе, считая, что он какой-то особенный. На самом деле я уже давно списала его в утиль, как дохлого мотылька.

— Зачем тогда ты с ним спала? — тихо спросил я.

— Ты можешь не поверить, но мне бывает одиноко, — ответила она будничным тоном, словно сообщая, что ела сегодня на обед. — Когда ты замужем за богатым человеком и в твоей жизни нет больше ничего, кроме дома, покупок, салонов, всей этой ерунды, которой ты пытаешься занять день, ночами хочется повеситься. Чувствуешь себя... не знаю... брошкой, браслетиком, галстуком-бабочкой, айфоном... Ты всего лишь аксессуар, приложение, и должна... соответствовать. Светка вон не смогла... соответствовать, и ее вышвырнули из красивой жизни в грязь. А я не хотела туда, и сейчас не хочу. Я относилась к своей жизни как к работе. Я просто работала: держала себя в форме, следила за домом, принимала гостей. Но я все равно живая. Олегу я не нужна, если потребуется, он сменит меня на новый гаджет.

— Зачем ты приезжала к Ксении? — повторил я свой вопрос.

— Ладно, пускай уже... — скривилась Лара. — Ксения узнала о нас с Никитой совершенно случайно. Подслушала разговор и явно дала понять, что в курсе наших дел. Я не знала, что делать, а тут Никита, как на грех, слег с аппендицитом. Несколько дней я жила, как на вулкане. Ксения истерила, ссорилась со всеми, я боялась попадаться ей на глаза. Слава богу, что она почти не появлялась в особняке. Потом я не выдержала и поехала к ней. Никита отговаривал меня, но ничего другого не оставалось.

— Что было дальше?

— Дальше? — возмутилась Лара и повысила тон: — Надеюсь, ты понимаешь, что я ее не убивала?

— Что было дальше, Лара? Вы поговорили?

— Мы поговорили, — ответила она, и в ее голосе послышалась неприязнь, только я не понял, кому она была адресована: покойной падчерице или мне, задающему неудобные вопросы. — Я не предполагала, куда заведет этот разговор, потому что моя позиция была изначально слабее. Приготовилась унижаться, умолять и одновременно считала, что смогу получить в случае развода. Знаешь, это так странно: готовишься плакать, а в голове механизм работает. Никакой истерики не было. Я хотела договориться, убедить ее, что для меня ничего не значит интрижка с начальником охраны, и я никогда не заставлю Олега почувствовать себя униженным. Но на хороший исход даже не надеялась. Никита говорил, что, если у меня ничего не выйдет, он поговорит с ней сам, и звучало это угрожающе. Я велела ему не вмешиваться. Хотя мне было все равно, но он так трясся за свое рабочее место.

Судя по колючей стуже в ее интонациях, Фионову действительно нечего было ловить в ее жизни, однако я не чувствовал ничего к этой красивой и бесконечно чужой женщине, а недавние занятия любовью казались мне чем-то выдуманным, вроде алкогольного бреда.

— Как восприняла ваш разговор Ксения?

— Она удивилась.

Такого я не ожидал, и даже подумал, что ослышался.

— Чему?

— Что я могла вообще представить, как она пойдет с этими разоблачениями к Олегу. Разговор был неприятный, конечно, но Ксюша все восприняла совершенно адекватно и обещала, что все останется между нами. Сказала, что понимает, как мне нелегко с Олегом.

— Какой она была в тот день?

Лара задумалась, а потом пожала плечами:

— Совершенно спокойной, умиротворенной. Несколько недель не видела, чтобы она улыбалась. Потом я ушла, встретила на улице Никиту. Он хотел подняться и тоже поговорить с ней, начал убеждать меня, что Ксении нельзя верить. Ну, я разозлилась, влепила ему пощечину.

— Это была ваша последняя встреча с Фионовым?

— Да, — скупно ответила Лара.

Она быстро поднялась с постели, натянула на себя платье и пошла на кухню. Там звякнула посуда, из крана полилась вода, а потом зашумела кофемашина. Я припомнил царапины на шее Фионова, спортивную машину из гаража Рокотовых и невольно потер ссадины на своей шее. Лара лгала. А еще я вспомнил, что к дому Ксении подъезжала машина ее бывшего охранника Сухорукова. Почему уволенный сотрудник явился в дом своей бывшей хозяйки? Любвеобильная Ксения польстилась на молодое

тело, или же в машине с Сухоруковым был кто-то еще? Например, бывший шеф, которому очень хотелось попасть в квартиру Ксении незамеченным. Стоило ли рабочее место таких хлопот, как убийство? Вряд ли. Фиронов без труда устроится на другую работу, с его послужным списком это не трудно, даже если Рокотов выкинет его с «волчьим билетом».

Я тоже поднялся и прошел на кухню. Лара сидела за столом, не зажигая свет, и пила кофе из чашки. От терпкого запаха меня замутило. Я выпил воды, сел напротив и резко спросил:

— Ты знала об ее романе с отцом Глеба?

Лара подавилась кофе, закашлялась и с трудом просипела:

— Что?!!

— Ксения пару лет встречалась с отцом Глеба, — пояснил я. — И там все было очень серьезно. Она даже замуж хотела за него выйти.

— Быть такого не может! — взвизгнула Лара. — Это... Господи, ты шутишь, надеюсь?

— Какие тут шутки, — отмахнулся я. — Значит, ты не знала?

— Нет! Откуда? Да и никто не знал... Я своим ушам не верю... Ксюша и этот старый пень?..

— Ну, не такой уж он и старый. Еще вопрос: за что Ксения платила Леле?

— Погоди, я никак не могу отойти от этих новостей про Сергея и Ксению... — потрясла головой она. — Боже... А Наташа знала?.. Что ты спросил? А, Леля и ее оплата... За уборку... Хотя нет, за уборку ей платили мы. Что ты подразумеваешь под словом «платила»?

— Каждый месяц Ксения снимала с карты крупную сумму, и каждый месяц Леля клала в банки примерно столько же, — пояснил я. — Не утверждаю, что это были деньги Ксении, поскольку их вносили через банкомат, так что следов не найти. Но, учитывая тайны твоей падчерицы, предполагаю, что Леля знала о романе Ксении с Сергеем Макаровым и охотно пользовалась открывшимися перспективами.

Лара застыла и глядела на меня, вытаращив глаза.

— Ты думаешь, что она шантажировала Ксению? — пролепетала она.

— Не знаю, — покачал я головой. — Я еще с ней не говорил, и собираюсь сделать это завтра, точнее, уже сегодня. Прошу, не рассказывай пока мужу о том, что узнала.

— Да я даже подумать не могу, как это рассказать! — воскликнула Лара. — Мне ведь придется объяснять, откуда я это знаю. А я не самоубийца. Не хватало еще самой себе могилу выкопать.

Я пошел ее провожать. На улице было прохладно, уже занимался рассвет. Лара торопливо уселась в машину и завела мотор. Стекло поползло вниз. Думаю, она ждала поцелуя, и я поцеловал ее. Ее губы были холодными и твердыми, мне показалось, что я поцеловал мраморную статую.

— Тебя не хватятся дома? — спросил я в тщетной попытке изобразить заботу. Лара с горечью усмехнулась.

— Меня никто там не ждет, — с горечью усмехнулась Лара. — Я же тебе объясняла: мужу я давно не интересна, главное, чтобы приличия соблюдались в присутствии его коллег и партнеров.

— Кстати о партнерах, — спохватился я. — После смерти Ксении твой муж и Макаров открыли совместное предприятие, хотя, если Олег Юрьевич подозревал в убийстве Ксении Глеба, было бы логично разорвать с вами все связи. От Макаровых я ждал чего-то подобного, ведь о том, что Ксения спала и с отцом, и с сыном, узнала и Наталья. Почему Макаров согласился финансировать предприятие твоего мужа?

Лара помолчала и уставилась вперед невидящим взглядом.

— Я ничего не знаю об этом предприятии, — наконец, произнесла она. — Но, если твои слова правдивы, Ксению убил Сергей, и Олег об этом знает.

Рокотов позвонил мне рано утром, когда я с трудом разлепил глаза и почувствовал, что вместе с телефонным звонком, в моей голове взорвался набат. Со стоном перекатившись к тумбочке, я ответил.

— У меня мало времени, — сухо сказал Рокотов. — Я так полагаю, вы нашли Глеба?

Я подумал, что недооценил информаторов Рокотова, или же Лара все-таки рассказала мужу о беседе со мной, вот только упомянула ли она, как выведала эту информацию? Но мысль, что, выбравшись из моей постели, она побежала к мужу с докладом, показалась мне неприятной.

— Может, лучше обсудить это при встрече? — предложил я, подумав, что мой приезд даст нужную отсрочку, и я успею поговорить с Макаровыми.

— Иван, на этом свете не так много вещей, которые нельзя было бы обсудить по телефону, — отмел мое предложение Рокотов. — К тому же у меня масса дел. Где все-таки Глеб?

Я вкратце пересказал, что услышал от Глеба, опустив момент прихода его родителей и место его нахождения. Помимо этого, я не стал рассказывать о смерти Игоря Соколова, поскольку это не относилось к делу. Вдобавок, я вновь почувствовал ярость, так что мне с большим трудом удалось удержать себя в рамках и не перейти на крик. Рокотов слушал молча, и мне показалось, что новости его не радуют.

— Вы уверены, что он не причастен к смерти Ксюши? — наконец тихо спросил он.

— Я ни в чем не уверен, Олег Юрьевич. Глеб был пьян настолько, что даже ваша дочь, маленькая и худенькая, без затруднений могла бы с ним справиться. А если и нет, ее тело выглядело бы совершенно по-другому. Но на теле Ксении нет иных следов насилия, кроме как...

— Да, — с горечью произнес Рокотов. — Кроме как от падения. Значит, вы считаете, что это суицид или несчастный случай?

— Я уже сказал, что ни в чем не уверен. Есть определенные обстоятельства, которые мне не нравятся, но они нуждаются в проверке.

— Вы забыли сказать, где Глеб находится сейчас, — напомнил мне наниматель.

— Не забыл. Но пока я не собираюсь этого делать.

— Я же нанял вас именно для этого. По-моему, вы просто тянете время, — жестко сказал Рокотов.

— А вы морочите мне голову, — не остался я в долгу. — Почему вы открыли совместное предприятие вместе с Макаровым, если считаете Глеба убийцей?

Рокотов ничего не ответил. Выждав еще пару мгновений, я снова заговорил:

— Мне нужно пообщаться с вашей горничной. В котором часу она приезжает?

— К восьми, — ответил Рокотов. — Она всегда приезжает к восьми, чтобы получить от меня распоряжения по домашним делам. Приезжайте. Я, к сожалению, не смогу вас дожидаться. О чем вы хотели поговорить с Лелей?

Я рассказал Рокотову, как залез в телефон Лели и увидел денежные поступления от Макаровых и суммы, таинственно совпадающие с теми, что ежемесячно снимались со счетов Ксении. Не пришлось даже долго объяснять, в чем я ее подозреваю. Рокотов моментально расвирепел.

— Она шантажировала мою дочь? Чем? Что могла сделать моя девочка, что ей пришлось откупаться от Лели?

— Это мне и предстоит выяснить, — солгал я. — Помимо прочего, она шпионила в пользу своих бывших хозяев. Макаровы наверняка были в курсе всего, что у вас происходило. Иначе объяснить причину, почему на меня так быстро вышли его люди, я не могу. На тот момент, когда я попытался с ними поговорить, они уже знали, кто я такой.

Рокотов помолчал, а затем произнес уже вежливее:

— Хорошо, я перенесу все дела и подожду вас. Переговорим с Лелей вместе.

— Не самая удачная мысль, — возразил я. — Она будет запереться, потому что вы ее уволите в любом случае. А если я переговорю с ней с глазу на глаз, Леля может подумать, что еще выкарабкается.

Рокотов нехотя согласился, потребовал информировать обо всем и отключился. Я потер лицо руками и нехотя принялся собираться. Впервые с начала этого расследования я чувствовал невероятную усталость и нежелание куда-то ехать и что-то выяснять. Но больше чем нежелание, меня

охватывало смутное предчувствие неминуемой беды. Что-то темное словно мешало мне встретиться с горничной. Рокотовы явно были невысокого мнения о моих умственных способностях, и я, видя, как продвигается расследование, сам приходил к такому выводу. Мне казалось, что меня бросили бежать по следу преступника, предварительно завязав глаза и сковав руки за спиной. После разговора с Лелей обязательно поговорю с Рокотовым и узнаю от него, откуда он получил информацию о Чигине.

Я влил в себя две чашки черного кофе и выскочил во двор, где стояла заботливо припаркованная Кешей на моем обычном месте машина. Едва успел завести мотор, как телефон вновь зазвонил, и, к моему удивлению, в столь ранний час меня решила побеспокоить Вера.

— Ванечка, прости, но ты мне всю ночь снился, — начала она без долгих предисловий. — Я забеспокоилась и решила проверить, как ты там.

— Все хорошо, Вера, еду по делам.

— Да, — ответила она буднично. — Я вижу. В смысле, чувствую, что ты в пути.

— Может, ты даже чувствуешь, куда и зачем я еду? — усмехнулся я. — Ты бы мне здорово помогла, сэкономил бы время.

— К женщине, — просто ответила Вера. — И ты едешь к ней не один. С тобой мальчик.

Я машинально оглянулся на заднее сиденье, не сразу сообразив, о чем она говорит. Машина была пуста, но если Вера видела...

— Мертвый мальчик, — пояснила она. — Нехорошая смерть, висельник. Ты опять потащил кого-то за собой, Ваня. Приезжай потом, я его провожу.

— Заеду, как только смогу, Вера, — пообещал я, чувствуя неприятный холодок за спиной.

— Я не потому тебе звоню, — торопливо произнесла она, словно опасаясь, что я повешу трубку. — Я видела тебя во сне... Ах, да, я уже сказала об этом. Я видела, что ты мечешься в каком-то лабиринте и никак не можешь найти что-то очень важное, пока не подошел ко мне. Я тебя там ждала, чтобы что-то передать.

— И что ты мне передала?

Вера помолчала, словно собираясь с мыслями, а потом, запинаясь, произнесла гулким замогильным голосом:

— Я сказала, что ты должен искать кровь. Кровь откроет нужные двери. И тогда все встанет на свои места.

Пробка, в которую я встрял по дороге, растянулась на километры.

Было бессмысленно надеяться перехватить Лелю где-то по дороге, как мне того хотелось. Я раскопал в заметках ее адрес и подумал, что она

наверняка приедет в дом Рокотовых раньше меня, наткнется на хозяина, а тот, не сдерживаясь, выложит все, что услышал от меня. Леля жила неподалеку от особняка Рокотовых и добралась бы туда в считанные минуты. Я подумал, что она специально снимала жилье где-то поблизости, чтобы не ездить далеко.

Кеша позвонил в тот момент, когда я сумел продвинуться где-то на двадцать сантиметров, едва не ткнувшись в бампер стоявшей впереди «сузуки». Я раздраженно поднес телефон к уху.

— Как дела? — хохотнул Кеша. — Головка бо-бо?

— Еще как, — мрачно ответил я.

— Судя по голосу, ты где-то на дороге, — догадался Кеша. — Я тебя отвлеку ненадолго? Я не нашел никаких следов юности Елизаветы Разумниковой, но одно могу сказать совершенно точно: она не сестра Андрея Чигина, как мы предполагали. Хорошая была версия. Но, увы.

— Откуда ты знаешь? — насторожился я. — Ты нашел его сестру?

— Нашел, хотя для этого моему знакомому пришлось покопаться в документах органов опеки. В документах тридцатилетней давности жуткий бардак, скажу я тебе.

— Кеша, мы ведь не могли найти никаких следов его родственников, когда вели следствие. Как это удалось тебе? — изумился я.

— Не нашли, потому что искали среди живых. А его сестра умерла. Раису Чигину усыновила некая семья Платоновых, дав ей свою фамилию, а потом она скорострительно скончалась в возрасте двенадцати лет. И знаешь, как? Ее убили. Зарезали. Однажды просто не пришла из школы.

Я помолчал, а потом неприязненно произнес:

— Я бы знал. После... Тогда наши носом землю рыли, а у них возможностей было побольше твоего. Мне бы сказали.

— Ну, Вань, ее трудно было найти. Собственно, мой человек, чтобы ты себе ничего такого не думал, искал не ее, он по своим делам туда наведалься, а на ее личное дело наткнулся случайно. Чигины жили в области, детдом в девяностые реорганизовали, часть дел оказалась распихана по архивам, вот ее и потеряли. Везде же бардак, а компов тогда не было. А тут такой подарочек. Дело могу тебе переслать, но поверь на слово — это она. И справка о смерти тоже есть. Меня терзают смутные сомнения, Ваня. Чигину на тот момент было уже пятнадцать или шестнадцать. Не с сестрицы ли он начал свою «деятельность»?

— Чигин постоянно сбегал из детдома, вполне мог навестить сестрицу даже после усыновления.

— Как он узнал, где она? — спросил Кеша. — Телефонов-то у них не было.

— Зато почта работала. Раисе было одиннадцать, она умела читать и наверняка помнила адрес детдома, куда оба попали. Вот и писала на деревню дедушке, Константину Макарычу. Сообщила свой новый адрес. В конце концов, у нее кроме брата никого не осталось.

— А брат приехал и зарезал ее, — констатировал Кеша. — Урод, мать его... Да, пожалуй, так и было. Хотя мы вряд ли узнаем правду, пока не возьмем его.

— На допросах он ничего о сестре не говорил, — припомнил я. — Ни единого раза. А где жила Раиса?

— Недалеко, в поселке Струнино. Там жили ее приемные родители, работали в Москве, мотались в город на электричках. Вбей в поисковик, есть даже заметка о смерти школьницы Раисы Платоновой и обещаниях найти и покарать. Но, думаю, никого не покарали, а если и покарали, то не того и не за то.

Что-то умное завозилось у меня в голове, но после вчерашнего соображалось тяжело. Где-то мне попадалось это Струнино совсем недавно, но ухватить мысль не получалось. Кеша не дождался моего ответа и отключился. Автомобильный ряд продвинулся еще на пару метров, и я торопливо сократил дистанцию. Когда машина вновь встала, я вбил название Струнино в поисковик и открыл карту. Поселок оказался в стороне от Сергиева Посада, куда я ездил в клинику, и, скорее всего, туда можно было добраться на той же электричке. Вот почему название вертелось у меня в голове. Я отметил, что рядом находится и Красногорск, куда я тоже ездил навещать мать Ксении.

Вспомнив о Ксении, я решил, что настала пора пощекотать нервы чете Макаровых, упорно не желающих со мной встречаться. Достал из кармана смятый рисунок Глеба, отфотографировал и, найдя в памяти телефона контакты Макаровых, отправил рисунок через мессенджеры, присовокупив подписью, что нам крайне необходимо встретиться и кое-что обсудить. У Натальи Макаровой галочка отправленного сообщения осталась серой, верный признак, что она сообщение не открыла, а вот глава семейства сообщение прочитал, но не отреагировал.

— Подождем, — пробурчал я. — Не привыкать.

Звонок Рокотова застал меня в тот момент, когда я уже почти подобрался к вождеденному светофору и готовился свернуть в сторону его особняка. Пробка почти рассосалась, и я надеялся добраться до места минут за сорок.

— Леля не пришла на работу, — без лишних церемоний сообщил он. — На звонки не отвечает.

— Такое раньше было?

— Никогда. На моей памяти, она даже ни разу не болела. Езжайте к ней, адрес я вам сейчас сброшу.

Адрес у меня и без того был. Мне не понравилось внезапное отсутствие Лели. Я свернул в противоположную от особняка сторону и, как только появилась возможность, нажал на газ, терзаемый нехорошим предчувствием. Мне показалось, что Леля уже собрала чемоданы и сбежала, а если так, шансов получить ответы было немного.

Леля, которая ежемесячно клала в банк около трехсот пятидесяти тысяч, жила в отвратительной блочной девятиэтажке, серой и унылой. Ее не спасали даже высокие раскидистые стволы тополей, облепивших двор со всех сторон.

Приткнув машину к подъезду, я вышел из машины, нажал на кнопки домофона, но мне никто не ответил и не открыл. Тогда я набрал номер соседней квартиры. Ответом также была тишина. Приготовившись набрать следующий номер, я уже протянул руку к кнопкам, как дверь вдруг открылась, выпуская молодую мамашу с коляской, и я торопливо юркнул в подъезд.

Леля жила на седьмом этаже. Выйдя из лифта, я сразу почуял странную вонь. Стальная дверь в квартиру домработницы Рокотова была приоткрыта на пару миллиметров. Я подцепил ручку ногтем и потянул, стараясь не оставлять отпечатков. Отвратительный запах горелого металла ударил мне в нос. Я закашлялся, прикрыв нос рукавом, и вошел, оставив дверь открытой. Клубы дыма стали просачиваться наружу, поднимаясь кверху сизыми струйками.

Источник обнаружился довольно быстро. На кухне, куда я пробрался, на плите у окна стояла сковорода, на которой горело нечто, возможно, бывшее мясом, но опознать продукт в черных углях казалось невозможным. Судя по состоянию, еда горела не один час. Больше на кухне ничего не было: даже стол был идеально вытерт, и только грязная чашка в мойке говорила, что хозяйка недавно пила кофе. Я выключил плиту, сунул сковороду в раковину, и только тогда зацепил взглядом нечто непривычное. В черных углях что-то блеснуло. Не веря своим глазам, я с ужасом понял, что сверкнувший в углях кристалл не что иное, женская сережка в золотой оправе. Кто-то пожарил человеческое ухо. Не надо было гадать, кому оно принадлежит.

Меня обьяло холодом.

Леля нашлась в комнате. Она сидела за столом в странной позе, положив на скатерть голову и обе руки. От дверей мне были хорошо видны ее затылок, буро-черные потеки на неестественно вывернутой шее и торчащая рукоятка отвертки в месте, где еще недавно было Лелино ухо. Ее лицо было исполосовано ножом, разрезавшем губы от уха до уха, пальцы правой руки были вымазаны красным, словно Леля напоследок попыталась

изобличить своего убийцу и написала его имя кровью. На пропитавшейся кровью скатерти действительно виднелись засохшие мазки крови, укладываемые в два криво написанных слова, издевательский привет убийцы, не поленившегося оставить свое послание тому, кто найдет жертву.

«Привет, Стахов!» — гласила надпись.

Я шагнул назад и потянулся к телефону.

Бывшие коллеги встретили меня неласково. Давняя трагедия выветрилась из их головы, к тому же среди приехавших на труп не было знакомых, так что я для всех был самым главным подозреваемым, особенно учитывая адресованное мне послание. Меня затолкали в машину и отправили в отдел, где сняли отпечатки пальцев и долго, муторно допрашивали на предмет, кем мне приходилась Елизавета Разумникова, и зачем я ее убил. И только пара звонков из Главка заставила оперов суетиться. Меня выпустили ближе к вечеру, проводив с напутствием, что я у них на особом контроле, и подозрений с меня никто не снимает. Но после допроса вывели почему-то не на улицу, а в кабинет начальника, где, кроме незнакомого полковника, сидел еще и Базаров.

— Садись, Иван, — хмуро сказал мой бывший начальник. Он выхаживал из угла в угол и скреб подбородок ногтями, что выдавало особую озабоченность.

Незнакомый полковник поглядывал на нас с неудовольствием, пока Базаров не спохватился и не представил его:

— Это Евгений Иванович Осипов, мой хороший друг и начальник местных архаровцев, которые тебя приняли. Я ввел его в курс дела насчет Чигина.

Мы обменялись рукопожатиями с Осиповым, и тот, бросив на Базарова торопливый взгляд, поинтересовался:

— Что вы делали у Разумниковой?

— Приехал поговорить, — пожал я плечами, изначально решив не вдаваться в подробности.

— На тему?

— Извините, — развел я руками.

— Адвокаты, — с отвращением произнес Осипов и добавил с надеждой: — А может, не было никакого Чигина, а? Что скажешь, Анатолий? Может, твой бывший опер грохнул Разумникову, а маньяком прикрывается?

— Не пыли, Жень, — поморщился Базаров и повернулся ко мне: — Вань, что тебе нужно было от убитой?

Дальше наш разговор напоминал сказку про Белого бычка. Минут через пятнадцать от меня отстали, не скрывая своего недовольства. По-моему, Осипова так и не убедили улики, найденные на месте преступления, а до-

ждать результатов экспертизы нужно было довольно долго, поднимая из архива дактокарты двухлетней давности и сравнивая их с новыми. Будь его воля, я бы уже сидел в СИЗО, ожидая, когда эксперты опровергнут или докажут мою причастность к убийству бедной Лели. Мы еще немного поговорили на тему, кто мог знать о моем визите к Разумниковой, после чего я неохотно назвал имена Рокотова и Лары. Имя моего нанимателя заставило Осипова поскукнеть, он вяло возразил, что хозяину не было нужды убивать свою домработницу. Я напомнил, что Рокотов пообещал сдать мне местонахождение Чигина. После этого Осипов совсем скис.

— И что мне, повесткой его вызвать? — разозлился он. — На таких законы Российской Федерации не действуют. Притащится, в лучшем случае, с пятнадцатью адвокатами, они мне весь мозг вынут. А толку — чуть! Задали вы мне задачу... Ладно, идите уже.

Страдания Осипова были мне понятны, но я не стал ничего говорить. Мы вышли из здания и, остановившись у машины Базарова, синхронно закурили, не найдя в себе сил даже заговорить. Предостережение Веры не давало мне покоя, и я подумал, что кровь, которую она видела в своей голове, была кровью убитой Лели. Спустя пару минут мой телефон сердито затрясся.

— Мне только что сообщили, что Лелю убили, — торопливо воскликнула Лара, — а ты был на месте преступления. Олег просто в бешенстве. Он звонил Макарову и обвинил его в шантаже дочери. Что происходит, Иван?

— Когда он звонил Макарову? — торопливо спросил я.

— Сразу после твоего звонка. Я не все слышала, но он сказал, что знает о шпионаже, и что ты отправился разбираться с Лелей. Я ничего ему не говорила, Иван. Он с ума сходит из-за Ксении и новых обстоятельств.

— Я сам сказал, — досадливо произнес я. — И просил ничего не предпринимать. Ты должна немедленно мне рассказать все, что знаешь о Чигине. Он был здесь, понимаешь? Это не игрушки, Лара.

— Я ничего не знаю о нем, — прошептала Лара. — Господи, что происходит... Олег идет... Мне пора...

То, что Макаров знал о моем визите к Леле, на миг выбило меня из колеи. Его особняк находился гораздо ближе особняка Рокотова и еще ближе моего дома. Знал ли Макаров о Чигине? Мог знать, учитывая, как быстро он собрал обо мне информацию. Леля становилась свидетельницей, но чего? Шпионажа за мной? Я не был настолько важной персоной. В случае разоблачения, что ее ожидало кроме увольнения? Рокотов вряд смог бы доказать и ее причастность к шантажу Ксении, на это потребовалось бы время, а Леля могла запросто раствориться в воздухе. Понять, чем она была опасна для Макарова, я не мог, разве что шантажировала и его,

собрав сведения о его романе с Ксенией. Не было ли у нее еще одной кубышки, куда она складывала деньги от бывшего работодателя? И не были ли деньги Ксении посульной данью за то, что Леля помогала организовывать эти тайные встречи? Что, если Леля была не шантажисткой, а дуэньей этой пары?

Я вспомнил о пропавшем ноутбуке Ксении. Могла ли его взять Леля? Запросто. В ночь убийства она находилась в доме, у нее были ключи от квартиры Ксении. Если она не убивала дочь хозяина, то запросто могла поживиться тем, что представляло хоть какую-то ценность в плане информации. Я вспомнил, как Ксения заходила в дом и роняла сумку для ноутбука. Та была пуста, но кто знает, где был ноутбук?

Сливающаяся Светлана, баронесса Фюрстенберг, настойчиво советовала мне «не лезть в эту грязь». Что она имела в виду?

Ксения была нормальной девушкой, и должна была иметь сотни фото. Не исключено, что интимных. И ей нужно было их где-то хранить. Например, в телефоне, но он разбился при падении, а спецы либо не восстановили доступ к облачному хранилищу, либо там не было ничего интересного, иначе Рокотов бы знал о романе дочери и Макарова.

Я не успел убрать телефон в карман, как он вновь зазвонил, и на экране высветилось имя Рокотова.

— Ваши способности, Иван, были сильно преувеличены, — грозно проговорил он. — Вас наняли для простого дела, и вы с ним не справились. Больше я в ваших услугах не нуждаюсь.

Я зло чертыхнулся и сунул телефон в карман. Базаров с сочувствием посмотрел на меня:

— Уволил?

— Увы и ах, — апатично ответил я. — Не могу сказать, что сильно расстроен. Беда с этими богатеями. Можешь кое-что для меня сделать?

Базаров вопросительно вскинул брови, когда я сообщил, что мне нужно.

— И на кой тебе это?

— Хвосты привык подчищать, — усмехнулся я. — А тут сплошные хвосты. До головы бы добраться.

Секретарь Макарова позвонила мне ближе к вечеру и довольно любезно пригласила приехать на беседу к шести. Поскольку мне было абсолютно нечего терять, я согласился, несмотря на то, что Рокотов перевел мне остаток суммы, не торгуясь. После перевода мне позвонили и сухо попросили больше не беспокоить экс-нанимателя и повесили трубку, не дождавшись ответа. После официального отказа я мог бы послать Макарова, но не чувствовал, что вправе это делать. Дело Ксении Рокотовой не отпускало меня,

вцепившись в нутро когтями. Потому я, предварительно позвонив Базарову и Кеше, поехал на встречу с Макаровым.

На входе меня дважды обыскали, отняли телефон, прогнали через металлодетектор, и сопроводили в лифт. Два охранника, с угрюмыми лицами бронтозавров, стояли по обе стороны от меня и всем видом показывали, что готовы свернуть шею любому, кто покусится на их босса. Мне до смерти хотелось вывести их из себя какой-нибудь фразой, но я воздержался, памятуя, что больше меня никто не прикрывает, а Кеше, при всех его талантах, пробраться сюда будет невозможно.

Кабинет Макарова располагался на самой верхотуре, откуда открывалась прекрасная панорама на город. Секретарша, холеная дама лет сорока, проводила меня в кабинет, где уже ждал бизнесмен, и тут же удалилась, не предложив ни чаю, ни кофе. Сергей Павлович Макаров стоял у окна с коньячным бокалом в руке, и смотрел куда-то вниз, не удостоив меня взглядом. Я кашлянул, но реакции не последовало. Макаров сделал из бокала глоток и стиснул челюсти, всем своим видом показывая, что я недостойн его общества. Меня не проняло.

— Может, не будем тянуть кота за хвост? — невежливо проговорил я. — Вы хотели меня видеть?

Макаров оглянулся и поморщился, а я поразился тому, как он внезапно сдал. Еще несколько дней назад я видел моложавого, подтянутого мужика с взглядом прирожденного хищника. Теперь передо мной стояла развалина с мутным взглядом алкаша, посеревшей кожей и безвольно оттопыренной губой. Даже костюм болтался на нем, как на вешалке, словно его хозяин внезапно похудел на несколько килограммов.

— Вы были у Глеба, — медленно произнес он, не спрашивая, а, скорее, констатируя. — Черт, я надеялся, что мне удастся вытащить его из страны до того, как начнутся все эти вопросы. Интересно, как вы сумели пробраться в клинику, меня ведь уверяли, что это невозможно. Впрочем, не важно. Рокотов его там не найдет. Так ему и передайте.

— Я не сказал Рокотову, где Глеб, — ответил я.

— Почему? Разве не в этом заключалась ваша работа? — изумленно поднял брови Макаров.

— Я не поверил в виновность вашего сына.

Кажется, этим откровением я сумел вызвать у миллионера тусклый, как пыльное стекло, интерес. Он помолчал, а затем подошел к креслу, грузно уселся, глядя на меня с обреченной усталостью, и равнодушно произнес:

— Да, Глеб Ксюшу не убивал.

— А вы?

— Я ее тоже не убивал. Чего уж скрывать, я ее любил и сам себя презирал за эту любовь. Она меня выжигала изнутри, но я никак не мог отказаться.

Это же было ненормально, потому что я Ксюшу с детских лет знаю, всю жизнь относился к ней, как к ребенку, и надеялся, что когда-нибудь она войдет в нашу семью. Они с Глебом стали встречаться. Все было хорошо, а потом... Как-то все не туда пошло. Вообще-то я говорю с тобой, чтобы ты от нас отстал, — холодно произнес он, переходя неожиданно на «ты». — Это такой жест доброй воли, поскольку мне не нужна война с Рокотовым. И без нее хватает сложностей. Но отвечать за смерть его ребенка я не стану.

Мне подумалось, что в одно мгновение девочка, которую Макаров любил, по его же собственному признанию, внезапно стала обезличенной разменной монетой в бойне двух капиталов.

— Сколько ей было, когда вы ее совратили? Пятнадцать? Шестнадцать? — резко спросил я.

Макаров усмехнулся не по-доброму, показав сквозь ухмылку ослепительно белые для настоящих зубы, делавшие его похожим на крысу.

— Совратил... Это спорный вопрос, кто кого совратил. Она сама притащилась ко мне в спальню после дня рождения Глеба. Я был пьян, Наташа спала в другой комнате. Она частенько уходила, когда я напивался. Ксюша просто явилась ко мне среди ночи, и я поначалу даже не понял, кто на мне сидит. Это был просто секс на тот момент, пьяный секс. Да, мне понравилось. Я бы мог тебе сказать, что пытался ее остановить, но ты же не поверишь?

— Не поверю, — кивнул я. — Вы ведь не привыкли себе ни в чем отказывать? Даже если для того придется в чем-то ущемить родного сына.

— Не жалоби меня, Стахов, — поморщился Макаров. — Да, не привык. И я понимаю, что это извращение, почти педофилия, но мне нравилось осознавать, что я еще ого-го, и что со мной можно вот такое вытворять: не за деньги, не за власть, не за тачку и айфон. А утром, когда совсем не осталось сил, она ушла обратно в гостевую комнату. Это вообще походило на сон, я даже сам себя спрашивал потом, не приснилось ли мне происходившее ночью, тем более что во время завтрака Ксения вела себя так, будто ничего не случилось. Девчонка была великолепной актрисой. Глеб ничего не узнал, Наталья тоже ничего не заподозрила. Я думал, что на этом все и кончится, но она не захотела ничего заканчивать.

— Сколько это продолжалось? — спросил я.

— Около двух лет. Нет, я пару раз пытался с ней поговорить, мол, это ненормально, но все разговоры заканчивались одинаково, в койке. Я не мог от нее отказаться, с Ксенией я чувствовал себя моложе на двадцать лет. Мы встречались в самых разных местах: в ее квартире, в нашем загородном доме, в гостиницах. Сейчас я сам себе противен, а тогда мне казалось нормальным спать с невестой сына. Когда Ксения умерла, я тоже умер наполовину. Вроде можно жить, только очень уж больно. Хотя что тебе объяснять? Ты же не поймешь.

— Что произошло в тот вечер? — спросил я.

— Накануне у Глеба была выставка. Наталья закатила скандал, облила Ксению вином и обозвала потаскухой. Наташа давно подозревала, что у меня кто-то есть, но, видимо, не догадывалась, с кем я могу спать, оттого ее ярость была просто разрушающей. Ксения убежала, а потом позвонила мне в слезах. Я не мог приехать сразу, понимаешь? Наташа... Она моя жена.

— Ксения полагала, что вы на ней женитесь, — заметил я.

Макаров долго молчал, затем тяжело вздохнул и продолжил:

— При всей своей кажущейся взрослости и разумных действиях, у Ксении была совершенно вывернутая деформированная психика. Мне казалось, она понимает, что мы с ней ненадолго, что рано или поздно все кончится. Потом она стала заговаривать о замужестве, но я резко пресек эту тему, и она больше не говорила о том, что хочет моего развода с Натальей. Да я бы и не стал... Ксюша часто не понимала, что можно делать, а чего нельзя. Ладно, я, как говорится, бес в ребро, но семнадцатилетняя девчонка... Я не собирался на ней жениться, — повторил он. — В ту ночь я ей это еще раз сказал. У нее была истерика. По ее мнению, мы все ее бросили.

— Вы приехали на машине из своего служебного гаража? — уточнил я.

— Я всегда пользовался разными машинами. Не хотелось, чтобы Наталья узнала. Даже когда она уже была в курсе, я поехал к Ксении, чтобы поговорить, на служебной машине. Хотелось, чтобы жена видела, что моя машина стоит в гараже. Но ее дома не было.

— Потому что она была в вашей квартире, там же, в доме Ксении? — подхватил я.

— Ну, — пожал плечами Макаров, — я этого не знал. Мы поговорили. Ксения поплакала, назвала меня старым козлом и велела убираться из ее жизни вместе с моим инфантильным сыночком, с которым она встречалась из жалости. Я ей чуть не вписал, но потом подумал, что это злость во мне говорит, и просто уехал. Даже тогда я не хотел, чтобы все кончалось, несмотря на разговор с женой и сыном.

— Не любите, когда у вас отнимают любимые игрушки? — усмехнулся я.

— Она не была моей игрушкой! — прорычал он.

— А кем она для вас была? Вы спали с ней, несмотря на то, что ее любил ваш сын. Вы не собирались разводиться с женой. Подумайте, остались ли бы вы с Ксенией, если бы ей было не семнадцать, а тридцать? Когда она стала слишком настойчивой, вы предпочли избавиться от нее, верно? Потому и поехали к ней в тот вечер.

— Я ее не убивал! — рявкнул Макаров.

— Хорошо, — согласился я. — Вы не убивали. А ваша жена?

— При чем тут Наталья?

— Она была в вашей квартире по соседству и поднималась к Ксении. Откуда ваша супруга узнала о вашей измене? Не от вашей ли бывшей горничной Елизаветы Разумниковой, поступившей на службу к Рокотовым и шпионившей для вас? И что было потом? Разумникова знала, что вы или ваша супруга избавились от Ксении, и шантажировала вас?

— Ты совсем чокнулся? — вытаращил глаза Макаров. — Сперва Олег чушь нес о шантаже, теперь ты... При чем тут вообще Разумникова?

— Притом, что ваша бывшая горничная не впервые получала деньги за молчание или информацию. А после смерти Ксении стала опасной свидетельницей. Поэтому ее и убили.

Макаров привстал и едва не опрокинул стол.

— Что? — недоверчиво протянул он. — Лелю убили? Чушь! Не верю. Когда это случилось?

Я открыл рот, но ответить не успел. Дверь открылась, и в кабинет вошла Наталья Макарова. Бросив на мужа испепеляющий взгляд, она швырнула на стол тяжелую сумку и, усевшись, устало произнесла:

— Давайте заканчивать этот балаган.

Если Макаров и хотел выставить жену вон, то быстро отказался от этой идеи. Наталья без особых церемоний прошла к бару и, выудив из длинной вереницы бутылку вина, не глядя, протянула мне, будучи уверенной, что я ее возьму и открою. Я принял бутылку из ее рук, нашел на полке штопор, откупорил и налил ей бокал до краев. На ее лице не дрогнул ни единый мускул, когда она принимала спиртное из моих рук, но, сделав первый глоток, она чуть заметно выгнула бровь и посмотрела на меня сверху вниз, что для ее невысокого роста было весьма затруднительно. Но я не отреагировал, приходилось терпеть унижения и помасштабнее.

— Для человека без покровителей вы слишком дерзко себя ведете, — процедила она сквозь зубы. Ее вид явно говорил: ты мне не ровня, даже не пытайся...

— Да, у меня неустойчивая психика, — криво ухмыльнулся я.

— Я заметила это еще в магазине, — не осталась Наталья в долгу и добавила сладким голосом: — Кажется, вы не хотели внимать предупреждениям?

— Ничего не могу поделать, — вежливо ответил я. — Увы, с детства любознательный. Сейчас, например, меня очень интересует, что произошло в квартире Ксении.

Взгляд, который Наталья бросила на мужа, был полон презрения и ненависти. Макаров посерел и отошел к окну, вновь уставившись на пейзаж за пыльным стеклом. Продолжая буравить его затылок взглядом, она сделала глоток вина и с деланным равнодушием произнесла, покачивая бокал кончиками пальцев:

— Да мне, собственно, нечего рассказывать. Накануне выставки Глеба я узнала о том, с кем спит мой муж, и была очень огорчена.

— Мне кажется, это не совсем то слово, — мягко возразил я.

— Я хотела сказать другое, но вовремя вспомнила, что меня пытались воспитывать две няньки. Так что удержу лицо и скажу, что очень расстроилась, — холодно произнесла Наталья, но голос ее все равно дрогнул. — Конечно, я была оскорблена. Я бы стерпела любую потаскушку, с которыми обычно якшается Сергей, но эта девочка... Для меня это было слишком.

— Наташа... — грозно предупредил Макаров от окна.

Наталья повернулась к нему и произнесла будничным тоном, которым обычно говорят мужу, что его рубашка выглажена, а обед стынет на столе:

— Я подала на развод. Сегодня тебе принесут документы на подпись. Знаешь, я даже хотела, чтобы ты оценил всю иронию судьбы, и думала нанять этого молодого человека в качестве своего юриста, но, Иван, кажется, разводы, это не ваш профиль? Впрочем, у меня есть к кому обратиться. Сережа, не надейся, что мой уход дастся тебе очень дешево. Половина твоей империи записана на меня. С ней я тебя и покину.

У Макарова отвалилась челюсть, и на мгновение мне показалось, что он бросится душить жену, но, бросившись к ней, он наткнулся на меня и остановился, сверкая глазами от бешенства. Наталья с вызовом глядела на мужа, и в ее зоре светилось мрачное торжество.

— Ты с ума сошла? — прошипел он.

— Надеюсь, ты не думаешь мне угрожать, Сережа? — зло рассмеялась Наталья. — В твоём положении это очень опасно. Но не расстраивайся. Считай, что половиной состояния ты откупаешься за связь с убитой девчонкой. Мы с Глебом уйдем и оставим тебя в покое, а ты — живи, как хочешь.

— Мы еще это обсудим, — процедил Макаров, но жена лишь вяло махнула рукой:

— Да нечего обсуждать. Я устала, Сережа. И я ухожу. Мне еще надо думать, как сына приводить в порядок после всего, что ты натворил. Ты его сломал. Больше он никому не будет верить.

Макаров пробурчал что-то невнятное и, бросив на меня злобный взгляд, отошел к своему столу и уселся в кресло, положив руки на стол. Его пальцы сжимались и разжимались, а по лицу катились крупные капли пота.

— Кто вам сказал об измене вашего мужа с Ксенией? — торопливо спросил я.

— Это так важно? — удивленно вскинула брови Наталья.

— Важно. Мне кажется, это была Разумникова. Собственно, я знаю, что вы ей доплачивали за слезку за мной. Леля была жадной особой, так что, когда секрет стал ей известен, она понесла его тому, кто бы точно заплатил, а в вашем случае это были вы.

Наталья усмехнулась, поболтала в воздухе бокалом и залпом допила содержимое.

— Наверное, глупо отрицать очевидное. Да, Леля в свое время попала к Рокотовым по моей рекомендации. Глеб вырос, мы больше не нуждались в услугах няньки, а увольнять другую горничную из-за Лели было глупо, у нас прислуга годами работает, а Леля не была так расторопна, как мне хотелось. Так что я предпочла ее отпустить. А когда Глеб стал встречаться с Ксенией, я подумала, что это очень удобно: Леля поставляла мне недостающую информацию за весьма скромные деньги. А потом она сообщила, что мой муж спит с девчонкой Рокотовых. Я не сдержалась, когда увидела ее самодовольную ухмылку на выставке. Эта маленькая дрянь имела наглость подойти ко мне, чтобы поздороваться. Тогда мне захотелось вышибить ей мозги, но я ограничилась только вином, выплеснутым в эту наглую харю. Да, надо было сдержаться, еще и Глеб пристал с расспросами, а я ему в сердцах все рассказала. Бедный мой ребенок!..

Я решил подлить масла в огонь и ехидно заметил:

— Вашей выдержке можно позавидовать, даже странно, что вы сорвались на приеме.

— Что вы имеете в виду? — нахмурилась Наталья.

— Между приемом и убийством прошло несколько дней. Вы все это время планировали, как выкинете девушку из окна?

По ее лицу скользнула тонкая улыбка, которая тут же угасла.

— Я никого из окна не выкидывала. Собственно, все это время я размышляла, как жить дальше. То, что мой брак с Сергеем закончился, мне было понятно, а вот как жить дальше, я не знала. Мне было тошно, мне было плохо. Глеб мучился, я тоже, но я твердо решила, что это — точка, и старалась как-то существовать — по инерции. Переехала в другую половину дома, изменила свое расписание, чтобы не пересекаться с мужем. Благо у нас есть, где жить, чтобы никогда не видеть друг друга. Оказалось, этого было мало.

— То есть? — насторожился я.

— Эта мерзавка начала меня шантажировать. Мой муженек был настолько глуп, что позволял себя фотографировать в самые «счастливые» моменты, а Ксения угрожала, что сделает снимки достоянием общественности.

— Она хотела денег? — не понял я, усомнившись в собственном предположении.

— Она хотела, чтобы я отпустила Сергея. Стала присылать фото мне на мобильный. Я не могла допустить, чтобы наша семья стала посмешищем. Наняла Лелю, попросила удалить фото с ее телефона. Ей пришлось нелегко, но она справилась, дождалась, когда девчонка налакается, приложила

палец к сканеру и — вуаля. Леля клялась, что все удалила из памяти телефона, карты и даже облачного хранилища. А через пару дней я получила еще одно фото с электронной почты Глеба. Мерзавка Ксения хранила их дубликаты в компьютере. И теперь она не просила отпустить мужа, она угрожала, что сделает это через пару дней.

Я помолчал. Перед глазами встала девочка из богатой семьи: капризная, избалованная и до самых ушей влюбленная во взрослого мужчину. Не зная ни в чем отказа, она попыталась получить то, что ей не принадлежит, и решила не считаться ни с чьим мнением.

— Вы сказали, с электронной почты Глеба? — переспросил я.

— О, да, — фыркнула Наталья и закатила глаза. — Она хранила снимки не только у себя на компьютере, а еще и на компьютере Глеба. Я унесла его ноутбук. Сын не возражал. Осталось только забрать их у Ксении. Я поехала к ней вместе с Лелей, надеялась, что смогу обыскать жилище до ее возвращения, но не успела. Ксения была дома. Я вошла, и мы немного поговорили.

— О чем?

— О том, что она может забирать моего мужа, когда захочет, мне он не нужен. Но она не поверила. Она была очень взвинчена, орала, как ненормальная, что я ничего не понимаю. Ей был нужен Сергей, чтобы избавиться от другого.

— Что? От какого — другого? — насторожился я.

— Да, Иван, наша девочка была не так проста, — улыбнулась Наталья, и ухмылка превратила ее в ведьму. — Двух мужиков ей было мало. У нее был еще третий, которого она боялась, как огня. Я, собственно, не очень удивилась, узнав, что есть еще один. Яблочко от яблоньки недалеко падает, учитывая, кто ее папаша, генетику-то не перешибешь.

— Рокотов не ее родной отец, — напомнил я.

— А я не Олега имела в виду. Света сколько угодно может делать вид, что не знает, от кого залетела, но в узких кругах эта история хорошо известна. Я была против того, чтобы Глеб встречался с Ксенией, но сильно не сопротивлялась, все-таки молодые, все могло сто раз измениться. Кто же мог подумать, что девчонка захомутает и отца, и сына. Ну, словом, мы немного поговорили, я потребовала уничтожить фото, но она отказалась. Сказала, что сделает это только тогда, когда Сергей на ней женится, а старым кошелкам, вроде меня, надо уступать дорогу молодым. Я ее ударила. Она упала на пол и долго визжала, что со мной поквитается. Я была очень зла, руки тряслись и давление скакануло, поэтому я убежала к себе, приняла таблетку. Тут еще Глеб приехал со своей подружкой, побежал объясняться, пришел на полусогнутых, пьяный вдрызг. Мы его уложили спать, а потом Леля предложила сходить в квартиру Ксении ночью и забрать ноутбук, мол,

когда девчонка дрыхнет, ее пушкой не разбудишь. Я согласилась. Ключи у Лели были, и мы, дождавшись ночи, вошли в квартиру. Я еще удивилась, что так тихо. Леля зажгла свет и сказала, что Ксении нет, квартира на сигнализацию не сдана, видно, опять забыла. Это было нормальное явление, когда Ксения забывала сдавать квартиру на сигнализацию. Ноутбук стоял на столе, мы его забрали и унесли, даже дверь не стали запирают, чтобы списать все на ограбление в случае чего, а утром узнали, что она мертва, выбросилась из окна. И я бы бога благодарила за такой исход, если бы не Глеб. С ним случился припадок, пришлось срочно везти его в клинику. По пути зашла к охраннику и выторговала у него записи за весьма кругленькую сумму. Жадным оказался, сучонок.

Я вспомнил еще об одной фигурантке, которая так кстати сопровождала и Наталью, и Ксению, и при этом неплохо зарабатывала. Весьма возможно, она и дальше продолжала бы жить припеваючи, если бы не отвертка в ухе, пригвоздившая ее к столу.

— Ксения ничего не говорила по поводу Разумниковой? — спросил я.

— С какой стати ее должна была волновать Леля?

— С такой, что Леля вымогала деньги не только у вас, но и у Ксении. Та регулярно платила Разумниковой в течение нескольких месяцев. И то, что она пошла к вам, чтобы сообщить имя любовницы господина Макарова, говорит о том, что лавочка закрылась. Кстати, почему она пошла к вам, а не к вашему мужу?

— Я бы ее саму из окна выкинул, если бы Леля попыталась меня шантажировать, — проворчал Макаров, о котором я, признаться, успел позабыть, до такой степени он был незаметен. Наталья кивнула в сторону мужа и развела руками:

— Вот вам и ответ. Она же знала, насколько крут бывает нрав у моего благоверного. Это он в койке с молоденькими девочками — размазня, а с женщинами средних лет весьма суров и беспощаден. Просто герой-любовник!

— Прекрати! — поморщился Макаров.

— Не затыкай мне рот! — взвизгнула Наталья, и в ее голосе впервые прозвучало нечто вроде истерики. Я понял, что она держится лишь каким-то чудовищным усилием воли. — Мы уже фактически чужие люди, так с какой стати я бы стала слушать посторонних? Ты — тюфяк, размазня! Рокотов стал тебя шантажировать, и ты тут же заплатил, открыл это чертово предприятие, которое тебе никуда не уперлось!

Но мне было не до ее переживаний. Догадка, слишком сильная, чтобы удержаться внутри, рвалась наружу. Пророчество Веры вновь заколотило в голове набатом, и я, боясь оказаться правым, все-таки спросил:

— Наталья, скажите... Когда вы говорили об отце Ксении... Вы имели в виду, что знаете его имя?

Вот теперь она улыбнулась с наслаждением, словно ей доставляли удовольствие мои мучения. Макаров тоже подобрался и отвел от меня взгляд.

— Странно, что вы до сих пор не узнали, Иван, — пропела Наталья. — Это ведь именно тот крючок, на котором вас держит Рокотов. Наша дорогая Ксения, прямо как Фредди Крюгер, дитя тысячи маньяков. Да, Иван, мне жаль вас, вы так глупы!

Баронесса фон Фюрстенберг была в изрядном подпитии, когда открыла мне дверь, и с трудом сфокусировала взгляд на моем лице. А когда узнала, тягуче пропела:

— Снова вы? Впрочем, я знала, что вы еще вернетесь. Входите, составьте компанию. Не люблю пить в одиночестве, особенно по такому поводу.

Я вошел. Квартира показалась мне еще более захлавленной, чем в прошлый раз. Посуды на столе в гостиной прибавилось, что творилось в кухне, я даже выяснять не хотел. Светлана пила водку, причем довольно дешевую, и, судя по всему, начала давно, так как в бутылке осталось совсем чуть-чуть.

— Я забыла, как вас зовут, — произнесла она и жестом, который в ее понимании был изящным, указала мне на грязное кресло.

— Почему вы не сказали мне, что отцом Ксении был Андрей Чигин? — грубо спросил я.

Светлана отшатнулась, как будто я ее ударил, а потом скривила губы не то в плаксивой гримасе, не то в улыбке.

— Невелика радость гордиться таким знакомством, — сказала она, и теперь насмешка в ее голосе была явной. — Замужняя дама, светская львица, в дрова пьянящая, выходит из ночного клуба, хватается частника и едет домой, а по дороге засыпает и просыпается черт знает где, а рядом — мужик, который явно ее поимел. Она хватается платье и убегает. Такая вот история, которая могла бы ничем не закончиться. Но мужик, храпевший рядом, не только ее обрюхатил. Он узнал, кто она такая, где живет, и, когда ему стало совсем худо, начал шантажировать даму, что расскажет всем об их связи. А дама, которая никак не могла понести от своего муженька, забеременела от случайного кавалера, оказавшегося маньяком.

— Почему же вы не сделали аборт? — тихо спросил я.

— У меня отрицательный резус. Рождение Ксюши едва меня не прикончило. До того были выкидыши, четыре выкидыша подряд. Я боялась, что больше никогда не смогу родить, и врачи говорили то же самое. Но родилась дочь, и я подумала, что могу скрыть это от Олега.

— Но не смогли.

— Не получилось. Он сразу узнал, едва она появилась на свет. Ксения на него совершенно не похожа. Потом выяснилось, что группа крови не

совпадает. Но Олег почти год делал вид, что не подозревает о том, что он не ее отец, правда, меня выкинул из спальни. Он обещал воспитать ее как свою родную дочь. Я еще полагала, что у нас все наладится. Но он так ее любил, что я даже ревновала, и не зря. Кто же знал... Я и помыслить не могла, как все будет дальше... А потом к нам пришел Чигин и стал требовать денег за молчание. Я все рассказала Олегу, и он принял правильное решение.

— Что же он сделал?

— Он ему заплатил. Олег не хотел, чтобы дочь узнала, как появилась на свет. Раз в год на счет Чигина переводили небольшие деньги, до тех пор, пока...

Я стиснул зубы и с трудом выговорил, уже зная ответ:

— Пока — что?

— Пока не начались убийства, конечно. Два года назад Чигин убил семью какого-то полицейского, его задержали. Олег не мог допустить, чтобы связь Чигина и Ксении раскрылась, поэтому помог упрятать его в психушку, но Чигин оттуда сбежал.

— Вы понимаете, что натворили? — рассвирепел я. — Вы соображаете, кого выпустили на свободу?

— У нас не было выбора, — помотала головой Светлана. — Он бы всем рассказал, кем ему приходится Ксения, потребовал бы экспертизы... Со звал бы журналистов. Репутация Олега была бы погублена. А в нашем мире репутация стоит очень дорого. Он где-то его прятал пару лет.

— В вашем мире? — зло рассмеялся я. — Очнитесь, Светлана! Вашего мира давно нет. Вы живете отдельно от Рокотова и больше ничего не ведите. Даже со всеми титулами и гербами. Вы знаете, что Чигин убивал все это время? Даже тут, у вас в городе!

Светлана попыталась встать, но мягкое кресло не дало сделать это с достоинством. Она предприняла пару попыток, но ноги ее не держали, и она, плюхнувшись обратно в лапы мягких подушек, надменно воскликнула:

— А кто вы такой, чтобы нас осуждать? Какое вы вообще имеете право?

Я поднялся и подошел к ней, с омерзительным наслаждением глядя, как меняется ее лицо, как сползает маска высокомерия, уступая панике и наползающему ужасу.

— Вы не узнали меня, когда я пришел впервые?

Она помотала головой и вжалась в спинку кресла.

— Я — тот полицейский, семью которого убил Чигин, ваш случайный любовник и отец вашей дочери. И теперь вы мне должны. Ваш бывший муж обещал отдать мне Чигина после того, как я найду ее парня, но своего обещания не сдержал. И потому я спрашиваю вас: где Чигин?

Из глаз Светланы брызнули слезы. Она разрыдалась и сползла вниз, обняв меня за ноги. Я с отвращением оттолкнул ее, но она цеплялась за

меня, как за последнюю надежду, размазывая по лицу слезы и остатки косметики.

— Простите меня... простите меня... я не хотела, — захлебываясь в слезах, рыдала Светлана. — Я ничего не знаю! Я никогда ничего не знала, меня никто не спрашивал. Я и так отдала ему свою дочь, свою кровь, а он превратил ее в свою персональную куклу! Мне так жаль вашу семью, но я ничего не значу ни для кого! Вы правы! Я — ничтожество, и моего мира больше нет, я — нищая побирушка! Я никому не нужна, ни мужу, ни родным. Даже дочери я была не нужна! Она не хотела меня видеть! Я так надеялась, что она передумала, когда позвонила и попросила приехать, но ей было плевать!

Светлана оторвалась от моих ног и закрыла лицо руками. Я присел на корточки и отнял ее ладони от лица.

— Чигин приходил к вам?

— Два раза, — опустив глаза, прошептала она. — Сразу после того, как сбежал. Я уже знала, кто он такой, и испугалась до ужаса. А второй раз — накануне смерти Ксении. Он был в квартире. Я вошла, а он... Сидит вот тут.

— Почему он вас не убил?

— Не знаю. Я думала, мне конец, но он расспрашивал про Ксению, как она живет, что делает, где живет. Я ему рассказала, дала неправильный адрес, а он рассмеялся, сказал, что я вру, а он прекрасно знает, где может ее найти, и скоро навестит. Я ему отдала все деньги, что были в доме, и он ушел. А потом Ксюша позвонила и попросила приехать.

— Зачем она вас позвала?

Светлана с минуту смотрела на меня, а потом, словно опомнившись, сдернула с шеи золотую цепочку и сунула мне в руку:

— Она отдала мне это и велела беречь. Я не сразу поняла, зачем. А когда поняла, то все равно не смогла воспользоваться. Ксюша была так напугана, но мне ничего не сказала, я ведь была... Ну, выпила немного. Я же подумать не могла, что это — в последний раз...

Я взял цепочку и недоуменно уставился на подвеску. Позолоченный череп криво ухмылялся беззубой пастью. Только спустя пару секунд до меня дошло. Я провел пальцем по задней части подвески, после чего из челюсти черепа выдвинулся usb-разъем.

— Там всего одна папка, — шмыгнула носом Светлана, указывая на флешку, — но я не смогла ее открыть. Она требует пароль, а я его не знаю. Возьмите. Может, у вас получится остановить их. Я не смогла, даже когда все узнала.

Я стиснул флешку в руке, поднялся и, не попрощавшись, двинулся к выходу, но у самых дверей остановился:

— Последний вопрос. Почему вы развелись с мужем?

Светлана подняла на меня глаза и с горечью проговорила, вложив в слова остатки былой ненависти.

— Потому что не смогла ему помешать.

Флешка жгла мне руку, но мне не на чем было ее прочесть. Ехать до дома было довольно далеко, и потому я, недолго думая, свернул к салону Броха, предупредив его по телефону, что скоро заеду. Старый еврей попытался отказаться от визита, намекая, что на дворе уже почти ночь, но я не пожелал его слушать и повесил трубку. После того как я отключился, телефон вновь завибрировал, и на нем высветилось имя моего бывшего начальника.

— Ты был прав, — сказал Базаров вместо приветствия. — Дело действительно возбуждали, но потом закрыли, так что он не был осужден. Знаешь, кто был его адвокатом?

Базаров назвал фамилию. Я хмыкнул, почти не удивившись, а шеф продолжил, не дождавшись моей реакции:

— Меня только интересует, как ты до всего додумался? И почему ничего подобного не пришло в голову нам?

— Потому что дело не заводили, а он все время был рядом, и никому не пришло в голову копнуть чуть глубже. Даже мне.

— А мотив? — осторожно спросил Базаров.

Я бросил взгляд на флешку — золоченый череп подмигнул мне кристаллом красного цвета — и осторожно ответил:

— Думаю, что скоро я обо всем узнаю. Мне нужно заехать кое-куда.

Двери мне открыла Сарочка. Или Розочка. Я так и не смог определить, кто из них кто. Призывно улыбнувшись, Сарочка (или Розочка) поманила меня за собой, но не в салон, а на лестницу, ведущую в квартиру.

Я давно не был в квартире Броха, смутно запомнив длинные коридоры, темно-бордовые обои, бронзовые светильники в форме дворцовых подсвечников и затхлый воздух. Брох боялся сквозняков и недолюбливал кондиционеры. С моего последнего визита ничего не изменилось. Обои были те же, ковровая дорожка цвета свернувшейся крови лежала на прежнем месте.

— Добрый вечер, Ванечка, хотя в такое время приличные люди уже видят десятый сон. Роза, отлипни уже от юноши и принеси нам чаю, — проскрипел Брох из глубины своих чертогов, куда я и направился.

Брох нашелся в своем кабинете. Он постучал ладонью по ноутбуку, лежащему на столе, и спросил:

— Тебе от меня нужно только это?

— Почти, — признался я. — И еще кое-какая информация. Помнится, ты, рассказывая о семье Макаровых, сказал, что отец Глеба не стал менять свою сорокалетнюю Наталью на молодую жену. Я не придавал этому значения, но сейчас мне кажется, что ты это сказал не просто так.

— Я редко бросаю слова на ветер, — скривился Брех.

— Ты имел в виду Рокотова? Его развод со Светланой и женитьбу на Ларе? Светлана стала слишком стара для Рокотова, и он бросил ее, женившись на более юной. А затем охладел и к ней.

— Ларочка никогда со мной не откровенничала, но до меня доходили такие слухи. Правда, они пока до сих пор вместе. Богатые редко выносят сор из избы. Так что Олег Юрьевич вряд ли что-то будет предъявлять своей запутавшейся жене.

— Особенно учитывая, что у него рыльце в пушку, — заметил я. — Ты знал, что на него заводили дело?

Брех округлил глаза, но его удивление показалось мне наигранным. После недолгой паузы он вздохнул и развел руками:

— Кто не ошибается по малолетке, Ванечка? Олежек был очень молод, когда оступился. Но быстро взял себя в руки. Дело-то до суда не дошло.

— Его ведь защищал твой отец, верно? — уточнил я. — И мастерски добился, чтобы потерпевшие забрали заявление. Рокотов уже тогда был настолько богат?

— Ты же не будешь осуждать адвоката? — изумился Брех. — Особенно сейчас, когда сам таковым стал. Это ваша задача — вытаскивать клиента из неприятностей. Да и дело там, насколько я знаю, было плевое.

— Однако на долгие годы ваша семья стала, так сказать, придворными ювелирами Рокотова, — верно? — усмехнулся я. — Не говоря уже о юридических услугах.

— Отец мало работал с Олегом Юрьевичем, он уже был почти на пенсии. Дело Рокотова стало для него одним из последних. А то, что Рокотовы покупали цацки у нас, — не противозаконно, — сухо сказал Брех и поднялся. — Не хочется настаивать, но тебе пора. Время позднее, а старики привыкли ложиться на боковую пораньше.

— Спасибо и на том, — кивнул я и сунул ноутбук подмышку. — Не провай.. сам дорогу найду.

Я не смог сдержаться, включил ноутбук прямо в машине. Батарея компьютера оказалась заряженной лишь на треть, так что у меня явно было мало времени, тем более что Брех подсунил мне довольно старую модель, которой давно не пользовались. Комп долго грузился, сожрав большую часть энергии, и я раздраженно воткнул флешку в разъем. Выскочившее диалоговое окно действительно показало всего одну папку, но при попыт-

ке войти в нее, выскочило еще одно окно, требующее пароль. Я ввел имя Ксении, затем дату ее рождения, имя Глеба, его дату рождения, попробовал несколько других сочетаний, но компьютер злорадно отказывал в доступе. Захлопнув крышку, я закурил и задумался.

Не придумав ничего лучше, я завел мотор. В этом деле был еще один фигурант, не сказавший мне всей правды.

К дому на Истре я подъехал уже за полночь. Логичнее было отложить беседу до утра, но меня разъедало нетерпение. И я не прогадал, увидев в скромном пятистенке свет в окнах. Собаки, недовольные вторжением незнакомца в их сонный мир, встретили меня дружным лаем, а сверлящий взгляд мертвеца вновь ожег мою шею. Я нетерпеливо нажал на звонок несколько раз, пока внутри не загремело, и на крыльце не показалась плохо освещенная фигура мужчины. Андрей Сухоруков, бывший охранник Ксении Рокотовой, вышел на улицу, зло сжимая кулаки.

— Вы в своем уме? — резко спросил он. — У меня мать там чуть со страху не умерла. Какого хрена вы приперлись сейчас? Не могли утра дождаться?

— И вам доброго вечера, — сказал я. — Вы бы не орали на всю улицу. Особенно учитывая, что у нас будет очень неприятный разговор.

— Да я вообще с тобой не собираюсь разговаривать, — прошипел Андрей, переходя на «ты», но голос все-таки понизил.

— Как хочешь. Но лучше со мной и сейчас, чем завтра в кабинете следователя.

Глаза Сухорукова вильнули вправо, влево. Он напрягся, словно собирался то ли прыгнуть на меня, то ли дать деру, но сдержался и чуть спокойнее сказал:

— Ну, раз надо говори. Только в дом не позову. Там мама... И ей лучше не волноваться.

Я кивнул и задумчиво начал:

— Смерть Ксении Рокотовой была насильственной. Девочка сама из окна не прыгала. Прежде всего, это видно по характеру повреждений. Самоубийцы редко приземляются на голову, потому что почти никогда не прыгают «рыбкой». Даже с учетом, что девушку могло несколько раз перевернуть, она, по всей вероятности, приземлилась бы на ноги или на спину. А Ксения упала лицом вниз, разбив голову и грудь.

Сухоруков хмурился, слушал и, наконец, выдавил из себя:

— И что? Я тут при чем? Я на тот момент даже не работал.

— Не работал, — согласился я. — Но, видишь ли, есть одна запись. Не буду тебя утомлять подробностями, но на ней видно, как твоя машина

въезжает на паркинг дома Ксении. Номера хорошо видны. А поскольку именно эту машину я вижу в твоём дворе, не оскорбляй меня историями об угоне и внезапном возвращении, тем более что заявления ты не подавал, верно?

— Не бери на понт, — зло ухмыльнулся Андрей. — Ну, допустим, моя машина там бы и засветилась. Но я точно знаю, что никаких записей нет. Их кто-то забрал.

— Верно, — согласился я. — Их забрала Наталья Макарова, подкупив охранника. Но есть камеры банка напротив. Тебе ведь и в голову это не пришло, верно?

Сухоруков попятился, а потом стиснул челюсти и сделал резкое движение, пытаясь схватить меня за горло. Я врезал ему под дых, заставив задохнуться и рухнуть на колени, затем отодвинул полу пиджака и, продемонстрировав пистолет, посоветовал:

— Не рыпался бы ты, родной. И не беси меня.

— Ты... мне... — закашлялся Сухоруков, хватая ртом воздух, — ...это не... пришьёшь... Когда я приехал, Ксения... уже... была мертвая...

— Неужели? Судя по часикам, ты вполне мог её выкинуть из окна. Она тебе доверяла, впустила в дом, а ты её убил. А за что? Она парила тебе мозги, спала с тобой, а потом оказалось, что у неё есть ещё один мужик?

Сухоруков закашлялся, поднялся, держась за живот, и буркнул:

— Мент поганый. Вы, видать, бывшими не бываете. Только я её не убивал. И никогда с ней не спал, там и без меня было полно желающих.

— Чего ж ты к ней поперся? Не молчи, Андрюша, я же с тобой пока похорошему говорю, а могу ведь и ментов вызвать. Сомневаюсь, что тебя кто-то покрывать будет.

— Когда я приехал, Ксения была уже мертва, — упрямо произнес он.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда. Меня Рокотов вызвал, попросил съездить, забрать у неё ноутбук, даже если отдавать не будет. Обещал восстановить в должности. Я и поехал.

— Он тебе ключи, что ли, дал?

— Дверь в квартиру открыта была, — мотнул головой Андрей. — А в подъезд я с какой-то теткой вошел. Квартира оказалась пустой, ноутбука видно не было. Я поискал, а потом увидел, что окно открыто. Выглянул, а она там... лежит. Я испугался, взял тряпку, стер отпечатки с мест, где что-то трогал, и пол тоже вытер, а Рокотову сказал, что Ксения мне не открыла. Потом про охранника вспомнил, про камеры, пришел на следующий день, поговорил с его сменщиком, мол, так и так, у шефа дочка погибла, можно ли видео посмотреть. Меня там знали, согласились показать, только видео уже не бы-

ло. Рокотов, кстати, слово сдержал, на работу меня обратно принял, правда, на другой объект. Мама вот поправится, и я выйду. Так что не надо мне тут предъявлять ничего. Я его дочь не убивал.

— Рокотов тебе из дома звонил? — уточнил я.

— С мобилы. А что?

— Ничего, — ответил я. — Чего раньше-то не сказал?

— Мне лишние неприятности не нужны, — серьезно ответил Андрей. — Если у тебя все, то я пойду. И ты... того... Не приходи ко мне больше. В следующий раз я разговаривать не буду, отоварю сразу.

— Иди, вояка, — усмехнулся я и, открыв дверь машины, сел за руль. Развернувшись, увидел в зеркало, что он смотрит мне вслед, а потом, плюнув машине вдогонку, Сухоруков скрылся за воротами.

Я ехал, бросая взгляды на ноутбук, и постепенно снижал скорость, пока совершенно не остановился и не заглушил мотор. Посидев в тишине, которую нарушал только гул далекого города, поднял крышку ноутбука, дождался, когда компьютер загрузится, открыл флешку и ткнул в единственную папку. Компьютер потребовал пароль. Белый мотылек, летевший на свет фар, ударился о лобовое стекло и затрепыхался, пытаясь пробиться внутрь.

Ледяные пальцы коснулись моей шеи, а щеку обожгло холодное дыхание. Я вдохнул, а пальцы, словно живя отдельной жизнью, напечатали одно слово: «Мнемозина».

Запертая папка мигнула и открылась, погребая меня под истиной, давно просившейся наружу.

Перед визитом к Рокотовым у меня была масса дел. Я заехал в магазин электроники, прикупив себе необходимый гаджет, а затем поехал к Татьяне, которая была более сведуща в технике. Она помогла мне настроить устройство и с отвращением просмотрела содержимое папки, оставленной Ксенией.

— Только я тебя умоляю, будь осторожен, — попросила она. — Может, ты встретишься с ним в другом месте?

— У меня нет времени, — возразил я. — Чигин еще на свободе, и бог знает, скольких он еще может убить.

Татьяна помолчала, а потом порывисто обняла меня, прижавшись изуродованной щекой к моей груди.

— Пойду, — тихо сказал я и погладил ее по волосам.

— Иди, — шепнула она. Мне показалось, что она всхлипнула, но на губах Татьяны появилась жалкая улыбка, которая должна была изображать одобрение и поддержку.

Я миновал два КПП, где долго уточняли мои данные, но потом пропустили. Особняк Рокотовых был освещен закатным солнцем, которое придавало ему зловещий кровавый оттенок.

Я позвонил у ворот и назвался. Мне долго не отпирали, а потом створка ворот неохотно поползла в сторону, открывая путь в замок людоеда. Я оставил машину у ворот и вошел внутрь пешком, вторично удивившись, что дом настолько скверно охраняют. Хотя, вероятно, здесь, в поселке миллионеров, преступность была на нуле, а чужие просто не появлялись.

Двери открыла новая горничная, с холодным, некрасивым лицом, почти точная копия убитой Лели. Видимо, хозяйка не хотела окружать себя красивыми юными конкурентками. Без лишних слов горничная повела меня в уже знакомый кабинет, в котором почти ничего не изменилось. Я лишь на миг задержался перед зеркалом, поправил галстук и достал из кармана телефон, положив его на трюмо перед дверью. Рокотов все так же восседал за столом, Лара пристроилась на подлокотнике его кресла и пила коньяк из пузатого бокала, разглядывая что-то в своем телефоне. Создавалось впечатление, что они не расходились после нашей прошлой встречи. Присесть мне не предложили, но меня это не обидело.

— Признаться, вы меня удивили, — недовольным тоном заговорил Рокотов, забыв поздороваться. — У вас еще хватило наглости явиться в мой дом после всего?

— Как видите, — развел я руками.

— Вы сказали, что вас не устроила оплата, но вам было выплачено все, что положено, вот отчет из бухгалтерии. — Рокотов кончиками пальцев подвинул мне лист бумаги, на который я даже не взглянул. Вместо этого сунул руку в карман и, вынув из него пачку денег, положил их на стол со словами:

— На самом деле, я пришел вам все вернуть.

— Право же, не стоило беспокоиться, — презрительно усмехнувшись, сказал Рокотов. — Можно было и онлайн перевести. Но я ценю вашу порядочность. Раз уж вы так заморочились и лично приехали... Спасибо и... Наверное, не буду вас больше задерживать. Всех благ.

— О, что вы! — любезно ответил я. — Я еще не закончил.

Лара задержала дыхание, вцепившись в бокал, как в спасательный круг, а Рокотов нахмурился и непонимающе спросил:

— Да?

Я улыбнулся и выудил из кармана флешку.

— Вы ведь на самом деле не Глеба искали, а вот это, верно? Меня с самого начала удивили эти странности в деле Ксении. Ее разбитый теле-

фон, который вы якобы не восстанавливали, чтобы добраться до фото в его памяти и облачном хранилище, ее постоянно исчезающий ноутбук и исчезающий ноутбук Глеба. Что же такого было на всех носителях, которые вас так интересовали, что вы даже отправили за ними своего бывшего сотрудника, пообещав восстановление в должности?

Я подвинул флешку Рокотову. Тот торопливо схватил ее и нервным движением вставил в ноутбук. Спohватившись, что жена все еще здесь и смотрит немигающим взглядом в монитор, он резко бросил:

— Лара, выйди! А вы дайте сюда свой телефон. И карманы выверните.

Я пожал плечами, отдал Рокотову телефон и продемонстрировал, что в карманах у меня ничего нет. Тот убедился, что диктофон не включен и камера не работает, выключил телефон и сердито уставился на жену. Она неохотно встала, пристроила бокал на стол и вышла из комнаты, тихо закрыв за собой дверь. Рокотов проводил ее взглядом и торопливо кликнул мышью на единственную папку, появившуюся на рабочем столе. Компьютер издал ехидный звук, высветив запрос доступа.

— Какой пароль? — поморщился он.

— Я спрашивал: почему миллионер не поручил расследование собственной службе безопасности? — задумчиво произнес я. — Например, тому же Фиронову. Но быстро понял, что, получив такой убойный компромат на шефа, тот откусит большой кусок пирога, особенно учитывая роман с вашей женой, о котором вы, конечно же, догадывались. Но вас совершенно это не волновало. Лара давно перестала быть для вас желанной, как в свое время и Светлана, не так ли, Олег Юрьевич? Однако Лара не превратилась для вас во врага, иначе вы бы не отправили ее ко мне в постель, чтобы выведать тайны, о которых я позабыл вам сообщить.

— Вы несете чушь, Стахов, — сухо отрубил Рокотов и вновь требовательно произнес: — Пароль?

— Давайте поговорим о вашей несостоявшейся судимости, — предложил я. — В молодости вы изнасиловали пятнадцатилетнюю девочку. Но благодаря ловкости вашего юриста дело до суда не дошло. Можно было бы все списать на молодо-зелено, но вот беда: вас привлекало только юное тело. Так вы женились на Светлане, потом, когда достигли всего, чего хотели, бросили ее, женившись на Ларе. Но потом и Лара стала для вас слишком старой. И тогда вы выбрали себе новый объект, вашу падчерицу Ксению.

— Пароль, — прохрипел Рокотов. Его лицо побагровело от ярости.

— Мнемозина, — сказал я.

Рокотов быстро застучал по клавишам и побледнел, когда папка открыла ему свое содержимое. Я молчал, глядя, как он торопливо листает не-

сколько десятков фото и включает короткие видеоролики, на которых передается порочной страсти со своей приемной дочерью.

— Вы развратили Ксению лет в четырнадцать, верно? — безжалостно произнес я. — Девочка терпела, а потом у нее развилась странная зависимость от взрослых мужчин. Ведь вы были для нее отцом, и потому она стала думать, что это — нормально. Так в ее жизни появился Сергей Макаров, с которым ее связывали более серьезные отношения, чем с Глебом Макаровым. Тот ее любил, но был для нее скорее братом. Братом, с которым она спала. Вы искалечили ее психику, превратив в машину для секса. Но когда девочка начала брыкаться, пожелав избавиться от ваших притязаний, вы сообщили ей, кто ее настоящий отец. Что тогда произошло?

Рокотов откинулся на спинку кресла и уставился на меня немигающим взглядом.

— Кто еще это видел?

— Ксения стала нервной, — продолжал я, не отвечая на его вопрос. — И чтобы окончательно расставить все точки над «i», потребовала от Макарова обручальное кольцо, не понимая, что он его ей не предложит. Ей хотелось вырваться из рабства. Но Макаров ей отказал, а потом Наталья Макарова узнала о романе мужа с малолетней дочерью миллионера Рокотова. Ксения готовилась к отступлению и, вероятно, попыталась шантажировать Макарова фотографиями и видео их сексуальных походов, о чем узнала ваша горничная Разумникова. Леля ловко играла на три стороны, снабжая информацией и вас, и Макаровых, вытрясая деньги и с Ксении. От кого еще Наталья Макарова могла узнать шокировавшую ее информацию, что Ксения — дочь маньяка Чигина. Вряд ли она допустила бы связь сына с девушкой, обладающей такими генами. Леля же могла узнать это, только подслушав ваш разговор с Ксенией. Так Макаровы узнали о моем интересе в этом деле. Вы же долгие годы скрывали тайну, помогая Чигину прятаться после побега, который сами же и организовали. У меня только один вопрос: зачем? Не проще ли было избавиться от него?

Рокотов помолчал, побарабанил пальцами по столешнице и глухо спросил:

— Чего ты хочешь, Стахов? Денег? Сколько? Только я должен быть уверен, что эти записи никуда не уйдут.

— Я хочу понять, зачем вы держали Чигина при себе столько лет.

— Иногда хорошо иметь при себе личного маньяка и время от времени спускать с поводка, — криво улыбнулся он. — Его почерк ни с чьим не спутаешь. Но в последнее время он стал меня напрягать.

— Это вы натравили его на Лелю, когда она стала для вас опасной?

— Леля оказалась слишком жадной. А псов нельзя долго держать голодными, иначе они становятся неуправляемыми.

— Единственная машина, которая осталась мной не опознана, принадлежала вам, верно? Это вы приехали незадолго до возвращения Ксении и ждали ее в квартире.

— Стахов, когда я тебя нанимал, то не предполагал, что ты обо всем догадаешься. Я думал, что имя Чигина станет для тебя красной тряпкой перед мордой быка, и ты быстренько найдешь мне Глеба. Но ты поразительно догадлив. Я сидел в квартире, потом приехала Ксения, но я даже выйти из укрытия не успел. Там начался настоящий проходной двор: Глеб, Макаровы... Когда все ушли, я вышел и попытался с ней поговорить, но Ксюша не стала меня слушать.

— И тогда вы узнали, что есть компромат?

— Ну да, — будничным тоном согласился Рокотов. — Девчонка захотела воли, потребовала, чтобы я оставил ее в покое, иначе она все это обнародует. А у меня серьезная сделка намечалась, скандал мог сильно навредить. Я попытался ее убедить, но она словно с цепи сорвалась, достала телефон и принялась тыкать мне им в лицо, орала, что у нее все припрятано, она об этом позаботилась, я никогда не найду эти снимки и видео. А когда я подошел ближе, забралась на подоконник, открыла окно и велела мне убираться, иначе будет орать.

— И вы ее столкнули? Поэтому на теле не осталось никаких следов сопротивления.

— Я не хотел, — улыбнулся Рокотов, — но мне пришлось. Меня ведь все устраивало. Я ее растил, как родную, хотя мог вышвырнуть это подгнившее яблочко вон. Должен же я был получить хоть что-то взамен за свою доброту? А ей захотелось замуж. И за кого? За Макарова. Я ведь думал, что компромат у него, потом понял, что у Глеба. Где он его скрывал? Хотя... какая разница? Чего ты хочешь, Стахов? Ты ведь вряд ли принес мне единственную копию.

— Мы договорились, — напомнил я. — Я нахожу компромат, вы отдаете мне Чигина. Я выполнил свою часть сделки, поэтому вы должны выполнить свою.

— Не переживай, — усмехнулся Рокотов. — Он тебя найдет. Если у тебя все, можешь идти.

Я потянулся за своим телефоном и сунул его в карман. Рокотов смотрел на меня с усмешкой, которая вдруг сменилась озабоченностью, а потом его лицо перекосило, когда он опустил взгляд на ремень моих брюк.

— Это что?

— Это камера, — улыбнулся я. — Хорошая камера, почти незаметная. Я ее сегодня купил. Отлично пишет звук и передает изображение на внешний источник по wi-fi. Вы только что выложили в сеть собственное признание.

— Ты блефуешь, — покачал головой Рокотов. — Я твой мобильный выключил.

— Этот — да. А второй у меня за дверью лежит и отлично работает. Хотите, я дам вам ссылку, на которой можно это кино посмотреть?

Рокотов схватил со стола бронзовую статуэтку и с воем кинулся на меня, но я встретил его хуком в челюсть. Удар отозвался болью в моей руке, но Рокотову было хуже. Он пролетел через половину комнаты и грузно рухнул на пол, ткнувшись затылком о шкаф. С громким стоном он потряс головой, неуклюже приложил к затылку пальцы и прорычал:

— Я... тебя убью... — Затем попытался встать, но у него ничего не вышло. — Тебе конец, Стахов!

Я не удостоил его ответом и вышел, наткнувшись в дверях на перепуганную Лару.

— Что там произошло? — воскликнула она. — Ну, Иван, не молчи!

— У твоего мужа дикая головная боль, — ответил я.

Мой телефон лежал на трюмо, продолжая передавать сигнал. Я набрал в поиске нужную ссылку и вышел на сайт, который заботливо поддерживала Татьяна. Видео, где Рокотов признавался в убийстве дочери, было записано. Я выдохнул и потянул на себя тяжелую дверь, выходя в затухающий закат. Ворота передо мной не открыли, и я перелез через ограду, сел за руль и поехал прочь, ожидая, что за мной бросятся в погоню.

Когда я отмахал КПП и десяток километров, а позади так и не появилось ни одной подозрительной машины, я взял телефон и, набрав Татьяну, сказал:

— Все прошло хорошо. Ты молодец!

В трубке молчали. А потом хорошо знакомый голос с ядовитой лаской произнес:

— Здравствуй, Стахов. Если хочешь увидеть свою подружку живой, поспеши.

Машину заносило на поворотах, в которые я вписывался с большим трудом, матерясь и вновь и вновь набирая номер Кеши. До приятеля мне удалось дозвониться сразу и проорать, что Чигин захватил Татьяну и увез ее в промзону, а после этого телефон Кеши больше не отвечал. Когда в конце дороги появились десятки мрачных зданий, я с трудом перевел дыхание и сбавил скорость, чтобы не пропустить нужный ангар. Так как

Кеша молчал, я торопливо набрал номер Базарова, сообщил ему адрес и отключился, не слушая его предостерегающих воплей, запрещающих мне ехать туда одному.

Здание, которое мне было нужно, когда-то было трехэтажным, но теперь от него осталось только два этажа и обглоданные вандалами остатки третьего. По обеим сторонам провала входной двери зияли выбитые окна. Облицовка давно осыпалась, и только остаток цифры «9» на фасаде говорил, что я прибыл по нужному адресу. Блик садившегося солнца ударил мне в лицо, отчего я на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, то понял, что за углом стоит машина Кеша. Вынув пистолет, я двинулся к ней, оставив свой автомобиль на некотором расстоянии. Прислонившись к капоту Кешиной машины, я понял, что он прибыл сюда давно: она была холодна и закрыта.

Я двинулся вперед, чувствуя, как под ногами хрустят обломки кирпича. Мною овладело невиданное ранее напряжение, до предела обострившее чувства, а натянутые нервы готовы были полопаться. Окружающее вокруг воспринималось мозгом с невероятной резкостью и яркостью. Рукоятка пистолета нагрелась в моей ладони. Я не отпускал пальца со спускового крючка, вода стволом в разные стороны.

Помещение внутри здания оказалось большим, поделенным на несколько клетушек, а посреди валялись старые ящики с разным хламом. Загаженные надписями и копотью от пожарищ стены были достаточно темными, чтобы скрыть любого, одетого в черное человека, а несколько не до конца разрушенных колонн служили прекрасным укрытием. Прячась за ними, я медленно двигался вперед, злясь, что не могу делать это бесшумно.

Я прошел первый зал насквозь, не увидев и не услышав в нем ничего подозрительного: ни тени, ни звука, ни шороха. Следующий зал оказался еще темнее. Мне была видна противоположная стена с черным дверным проемом, а почти у двери лежало что-то, похожее на кучу тряпья.

Мой глубокий вздох ударил в потолок хрипом умирающего зверя.

Безжизненная кукла на полу оказалась Кешей, валяющимся лицом вниз. Его затылок был разбит. Густая кровь капала на землю, растекаясь в черной луже, которую с трудом впитывало бетонное покрытие. Я склонился над другом и прикоснулся пальцами к шее. Возможно, мне показалось, но жилка слабо пульсировала. Я мысленно извинился перед Кешей, надеясь, что Базаров не заставит себя ждать. Я выдохнул, переступил через тело Кеша и шагнул в следующую комнату.

Здесь было гораздо светлее. Перекрытия между этажами оказались полностью разрушены, сверху падал свет, компенсирующий недостаток

освещения из-за заколоченных жестью окон. Посреди помещения, на кривом железном стуле, сидела Таня, с вспухшим, разбитым лицом, связанными за спиной руками. Один ее глаз полностью закрылся, второй глядел на меня с ужасом. Рот был заклеен скотчем, на котором некто остроумно вывел черным маркером улыбку от уха до уха. Подруга глухо застонала и задрала голову вверх. Я похолодел. Над Таней на цепи висел мотор от трактора, а конец цепи уходил во тьму соседнего помещения.

Взгляд Тани стал умоляющим, она слабо замычала. Не упуская ее из виду, я осторожно огляделся по сторонам, сделал шаг вперед, и тут же из темного провала двери напротив выдвинулся ствол ружья. Я вскинул пистолет, готовый выстрелить в любой момент.

— Опустит ствол, Стахов, или ей кердык, — прошелестел из тьмы омерзительный голос.

Я не двигался. Из мрака выдвинулась рука, сжимающая пульт с двумя кнопками. Я мог бы выстрелить, но у меня не было никакой гарантии, что он не успеет надавить на пуск, и тогда несколько центнеров железа размажут Таню по полу.

— Стахов, я успею и нажать, и выстрелить. Брось пистолет!

Я наклонился и положил оружие на пол. Таня тихо простонала.

— А теперь пни его ко мне.

Я толкнул пистолет, глядя, как тот отлетел на несколько метров, остановившись где-то на полпути между мной и стулом, на котором сидела подруга. Только после этого Чигин вышел из тени, и я впервые за пару лет увидел его лицо.

Ему вставили зубы, раньше половины не хватало, и сейчас он скалился, обнажая железные акульи клыки. Черты его лица еще больше заострились, а кожа, изъеденная оспой, напоминала лунный кратер.

Чигин подошел к Татьяне и провел стволом ружья по ее шее. Таня дернулась и попыталась отстраниться.

— Мое недоделанное творение, — ласково промурлыкал он. — Всегда хотелось повторить. И ты, Стахов, тоже один из моих. Знаешь, если прийти в гости и попробовать тридцать блюд, запомнишь только то, что успел лишь откусить. Вас я откусил и не распробовал. Но сегодня, кажется, наемся.

— Она здесь ни при чем, — зло бросил я.

— Она всегда была при чем, — хихикнул Чигин. — Я столько лет хотел навестить Танечку, но опасался. Она кусается, ты знаешь? В прошлый раз она мне руку прокусила до кости, потому и убежала, но я успел ее пометить. Теперь все знают, что она — моя. И ты — мой. Меня ждет чудный стейк с кровушкой.

Он оказался полностью на свету, и я жадно оглядел его. Невероятная худоба не скрывала жилистых рук. Оба курка его двустволки были взведены, и он, не задумываясь, пустил бы ее в ход. Я мысленно прощупывал варианты, отбрасывая один за другим. Больше всего ситуацию осложняло, что между нами сидела Таня, а он ходил вокруг, не позволяя преграде остаться позади.

— Приятно быть на побегушках у богача? — ядовито спросил я. — Рокотов рассказал, что ты убивал для него.

— Каюсь, каюсь, — развел руки в стороны Чигин. — Но это было увлекательно. Раньше я убивал только тех, кого хотел, а теперь мне давали задание. Это больше походило на охоту за редким зверем. Конечно, мне хотелось других лиц в своей коллекции, но и это приносило удовлетворение. Надо же было отплатить своему благодетелю за доброту.

— Что тебе обещал Рокотов? — резко спросил я.

— Господи, да что он мне мог еще пообещать? — изумленно вскинул брови Чигин и рассмеялся: — Тебя, конечно, на блюдечке. Я столько времени хотел подобраться к тебе поближе, но это было слишком рискованно. Но теперь все совсем по-другому.

— Ты знаешь, что он много лет насиловал твою дочь? А потом убил ее.

Взгляд Чигина заволокло мутноватой пленкой. Он оскалился в странной плотоядной улыбке и постучал стволом по плечу Тани, отчего она издала хриплый всхлип.

— Ну, теперь знаю. Кино, которое вы показали мне вместе с подружкой, оказалось очень увлекательным. Наверное, ты ждешь от меня каких-то сопливых истерик, Стахов? Жаль тебя разочаровывать, но их не будет. Я Ксению совершенно не знал. Глупо ждать, что я потеряю голову из-за ее смерти.

— Ты спустишь Рокотову с рук ее убийство? — Я старался его разговорить, чтобы он потерял бдительность в тот момент, когда я дотянусь до пистолета.

Чигин расхохотался. Его железные зубы блеснули во тьме.

— Разве я это говорил? Мы — монстры, Стахов, и я, и он. А монстрам чужда ваша мораль. Моя плоть и кровь не взывают к отмщению, пепел Класа не бьется в груди. Но когда я покончу с тобой, то вернусь к Рокотову и вырежу его сердце, потому что никому не позволено безнаказанно делать со мной то, что захочется. И меня очень огорчает, что ты слегка поломал мне игру своим фильмом, ограничив во времени. Как бы Олежка не смылся за границу от скандала подальше.

Пока Чигин говорил, в комнате стало заметно темнее, так как солнце уже почти село. Я едва заметно сдвинулся в сторону, косясь на пистолет,

валяющийся на полу, и, видимо, слишком поторопился, поскольку он это заметил и поднял свое ружье:

— Даже не думай! И вообще не суетись. Ждать недолго.

Меня поражало, как ему хватает сил держать его одной рукой, не выпуская из другой пульт.

— Не люблю стрелять, — пожаловался Чигин. — Нож — это моя третья рука. Но у меня нет выхода. После того как я вас убью и разделаюсь с Рокотовым, тут же исчезну, залягу на дно где-нибудь подальше от Москвы, и меня никто не найдет. Выжду годик-другой, а потом начну заново.

— Ты не сможешь столько ждать, — сказал я. — Ты себя выдашь. Рано или поздно тебя остановят.

— Менты нерасторопны, — усмехнулся Чигин, — тебе ли этого не знать? Особенно если все время находиться в движении. Городов много. И в каждом для меня найдется своя сладенькая булочка.

Он рассмеялся и погладил Таню по щеке.

В ответ она изо всех сил ударила его головой в нос.

Наверное, ей было очень больно, поскольку ей пришлось вложить всю изворотливость, чтобы попасть в него той частью черепа, что была прямо над виском, отчего удар получился несколько смазанным, но своей цели Таня достигла. Я отчетливо услышал хруст и вопль ярости. Из носа Чигина брызнула кровь. Я прыгнул к пистолету, а Таня, застонав от натуги, свалилась на пол вместе со стулом. Чигин надавил на кнопку, и под Танин вопль мотор, лязгая цепью, полетел вниз. Я предостерегающе крикнул, не в силах что-то изменить, но произошло чудо: цепь застряла, и мотор, не долетев до земли, замер, раскачиваясь в полуметре от бетонного пола.

Чигин резко повернулся ко мне и нажал на курок. Я почувствовал жгучую боль в левом боку и упал на колени. Дотянувшись до пистолета, стиснул рукоятку и попытался взять Чигина на прицел, но он по-звериному прыгнул во тьму. Оставляя на полу кровавый след, я подполз к Тане и потащил в сторону, подальше от качающегося мотора. Едва я это сделал, как цепь высвободилась, и мотор рухнул прямо на то место, где она раньше лежала. Матерясь, я с трудом отмотал туго привязанный скотч на одной ее руке. Таня высвободила ее, с воплем оторвала закрывающий рот клочок клейкой ленты и прошелестела губами:

— Я сама. А ты догони его!

— Там Кеша, — прошептал я. Вынув телефон, я отдал его ей и, пошатываясь, побрел во тьму, где меня поджидал убийца. В крошечной тьме соседнего помещения я пытался разглядеть Чигина, но он как сквозь землю провалился. Кровь текла по моему бедру, ноги отказывались слушаться,

я чувствовал, что ранение серьезнее, чем я думал, и что скоро я не смогу удержаться на ногах. Каждое движение давалось с огромным трудом, но я не мог остановиться. Мысль, что он вновь уйдет, заставляла меня держаться на ногах. Впереди было слишком темно. Я вслепую водил пистолетом из стороны в стороны, мотая головой и стараясь сфокусировать взгляд хоть на чем-нибудь.

Вдруг холодные пальцы прикоснулись к моей щеке. Я вскрикнул и отпрянул в сторону от неожиданности, и тут же тьма впереди огрызнулась огнем, а затем я услышал пару глухих щелчков. У Чигина больше не было патронов. Я выстрелил вслепую и услышал вопль боли.

— Сука, ты мне за это ответишь! — прошипел Чигин.

Я выстрелил наугад и не попал, потому что спустя мгновение услышал его ядовитый смех совершенно из другой точки. Я выстрелил снова и вновь промахнулся, вспышка на миг показала его, прижавшегося к земле, а потом он исчез. Пистолет вывалился из моей руки, и я начал вслепую нашаривать его, а когда нашел, то не смог поднять, чувствуя, как тьма вокруг наливается багровым цветом, слепящим и размазывающим по полу. Отползая, я наткнулся на стену и привалился к ней спиной, чувствуя, как кожу обжигает холодом и сыростью.

— Тебе конец, Стахов, — донесся до меня шепот, идущий отовсюду. — Я хорошо тебя зацепил, ты скоро потеряешь сознание, и тогда я тебя добыю, а потом примусь за твою подружку. Брось ствол, и я все сделаю быстро.

Я уже не мог держать пистолет даже двумя руками, как ни старался. Слабый свет был моим врагом, поскольку Чигин прекрасно меня видел, а вот я его — нет. На глаза давила невероятная свинцовая тяжесть. Я почти закрыл их, когда вдали, наконец, послышался вой сирен полицейских машин.

В этот момент Чигин с криком прыгнул на меня из тьмы, сжимая в руке кусок арматуры.

Мои руки поднялись против воли. Я надавил на спусковой крючок, последним усилием воли наводя ствол на летящего ко мне монстра. Когда пистолет грохнул, я увидел, словно в замедленной пленке, вылетающие пули, которые с восхитительной медлительностью врезались в бесконечно удивленное лицо Чигина, разрывая его в клочья. Из четырех пуль, выпущенных мной, три попали в цель, последняя ушла в «молоко», сплюснись о стену. Чигин упал прямо на меня, судорожно дергаясь, а потом его тело обмякло и отяжелело, придавив меня к полу.

Пистолет оказался для меня непосильным, и я уронил его, слыша, как коридоры наполняются топотом и криками. В дверных проемах замелькали

отблески фонарей. Я почувствовал на щеке легкое прикосновение, словно его задела крылом бабочка, после чего мне стало невероятно спокойно. Я закрыл глаза, ожидая, когда меня поглотит беспмятство, спасительное и долгожданное...

Боль, терзающая его уже шестой день, отпускает после спасительных уколов, и тогда прикоснуться к горящему огнем левому боку уже не так больно. И только во сне, когда он в беспмятстве переворачивается, его прожигает насквозь, и тогда мужчина кричит, после чего обеспокоенные санитарки вкалывают ему новую дозу, позволяющую отключить чувства до утра, пока реальность не примется терзать его заново. Но сейчас, когда самое страшное отступило, можно позволить себе расслабиться и побыть немного слабым и беспомощным.

В его палате — шесть человек, и никого из них он не знает и не собирается знакомиться. Тишина и полная анонимность — то, чего он хочет больше всего после недавних событий, после крупной дроби, что выковыривали из него в течение двенадцати часов, пока он выл от боли под местным наркозом. Прикасаясь к залитым йодом бинтам, он понимает, как ему повезло.

Его другу тоже повезло. Как и подруге.

Собственно, подруга отделалась легче всех. Кроме нескольких незначительных порезов и синяков, она была в полном порядке. А вот друг получил сотрясение мозга и впал в кому, из которой, правда, вышел через два дня.

Все они лежат в одной и той же больнице, но друг друга не видят. Мужчине с простреленным боком больше всего на свете хочется прийти к ним и попросить прощения, но ему пока не позволяют вставать. Из всех развлечений в палате — один телевизор, который смотрят с утра до вечера, и только киноканал с комедиями. Пульт у санитарки, и она наотрез отказывается переключить на что-то иное.

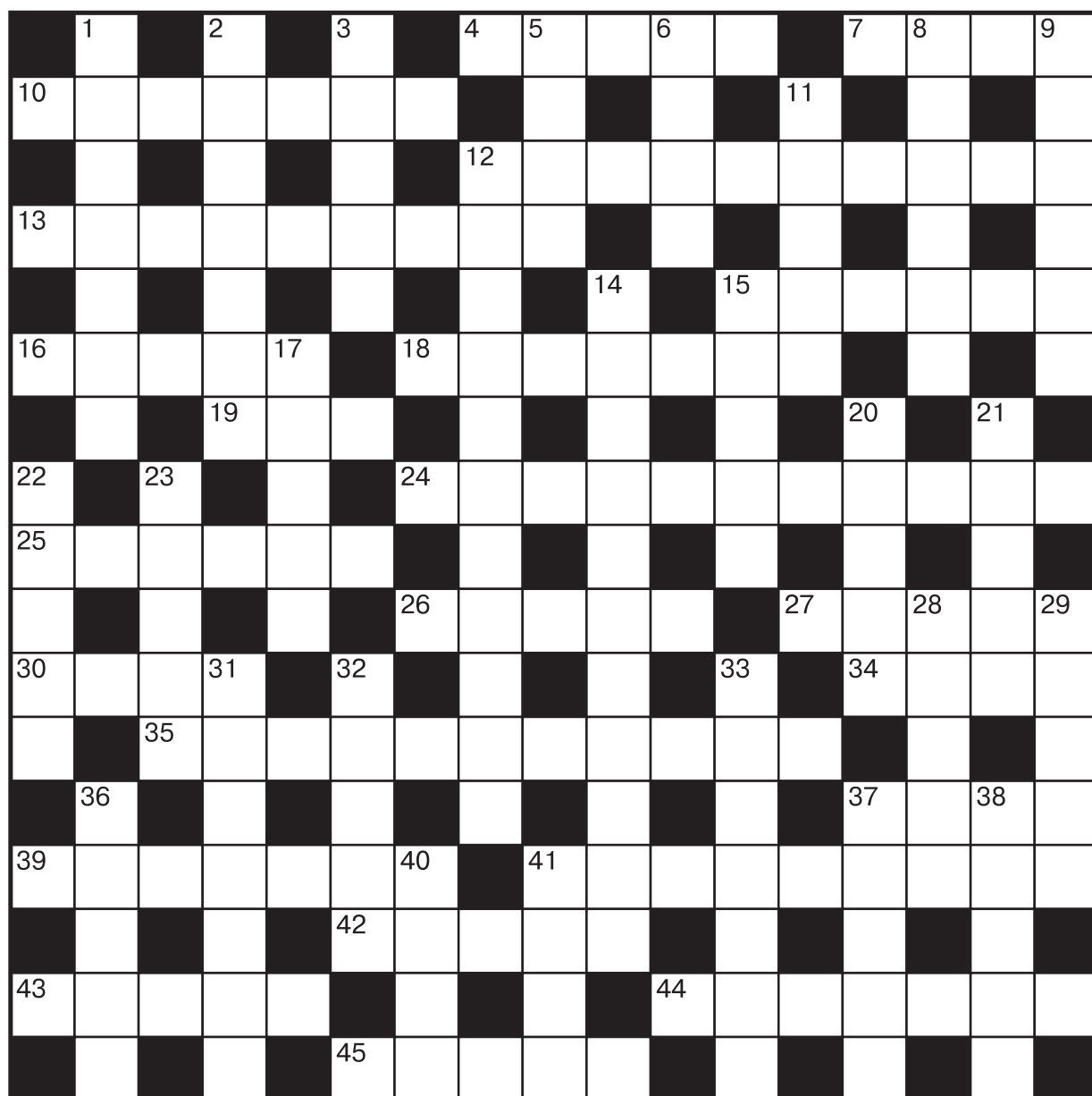
Но на седьмой день пребывания мужчины с простреленным боком в больнице случилось нечто неожиданное. Исправно работающий телевизор, видимо, поймал какой-то сигнал извне, поскольку переключился сам собой на новостной сюжет. Там диктор с хорошо разыгранным бесстрашием сообщила, что в Москве женщина, носящая титул немецкой баронессы, зверски зарезала своего бывшего мужа, известного мецената, миллионера, подозреваемого в растлении и убийстве падчерицы. Оказалось, что незадолго до этого в сеть попало признание миллионера, который детально рассказывал, за что расправился с юной девушкой.

После этого сюжета телевизор вдруг вновь переключился на старую комедию, где свинарка впервые приехала в столицу и встретила там красавца-горца, навсегда покоровившего ее сердце.

Мужчина с простреленным боком еще несколько мгновений будет бездумно глядеть на экран, а затем повернется на бок, невзирая на страдания, и устанется в окно. Там, в лучах догорающего заката, он увидит белую бабочку с черными «глазами» на крыльях, которая несколько секунд будет отчаянно биться о невидимую преграду. Возможно, если бы в палате был хоть один энтомолог, он поразился бы, как в Подмосковье занесло редкий экземпляр семейства парнассиусов, бабочку мнемозину, названную в честь одной из богинь. Но ни одного знатока в палате не найдется, кроме мужчины, знающего, к чему этот прощальный знак внимания. А затем бабочка унесется прочь, и мужчина закроет глаза в беспокойном сне, думая о тех, кого потерял и кого чуть не потерял. Он не будет знать, что на другом конце Москвы городская шаманка, шепча заклятие пересохшими губами, отпустила на волю обреченные страдать души, и одна из них прилетела к нему с благодатным поцелуем, чтобы потом оказаться счастливой.

И свободной. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Роковое событие из жизни пушкинского Сильвио. **7.** «Виды на успех». **10.** Какая отрасль медицины может быть шоковой? **12.** Второй по величине город в Латвии. **13.** Синь над горизонтом. **15.** Венгерская игра в бирюльки. **16.** Цветочный ободок. **18.** Римский

император, отказавшийся называть месяц в свою честь, чтобы произвести впечатление на народ собственной скромностью. **19.** Негатив добра. **24.** Какой луч разделяет геометрический угол строго пополам? **25.** «Февральская ...» у Игоря Грабаря. **26.** Какой австрийский торт

впервые приготовили для Клеменса фон Меттерниха? **27.** Откуда шпиону задания посылают? **30.** Ролик со шлягером. **34.** «Пехота в квадрате». **35.** «Это смелый ... гордо реет между молний над ревущим гневом моря». **37.** Игра или рубашка. **39.** Какой русский художник запечатлен на памятнике «Тысячелетие России»? **41.** Мышечный белок. **42.** Кого из патриархов нашего кино в Малом театре окрестили Солнышко? **43.** «Острога едока». **44.** Первый лауреат премии «Ника» в номинации «Честь и достоинство». **45.** Какой зверек портит воздух?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Конь «в самом расцвете сил». **2.** «Мама у тебя хорошая, про ... поет». **3.** Стиль группы Boney M. **5.** Планета с именованным металлом. **6.** «Зеленый день» среди народных праздников в Латвии. **8.** «Невозможное возможно» (спор-

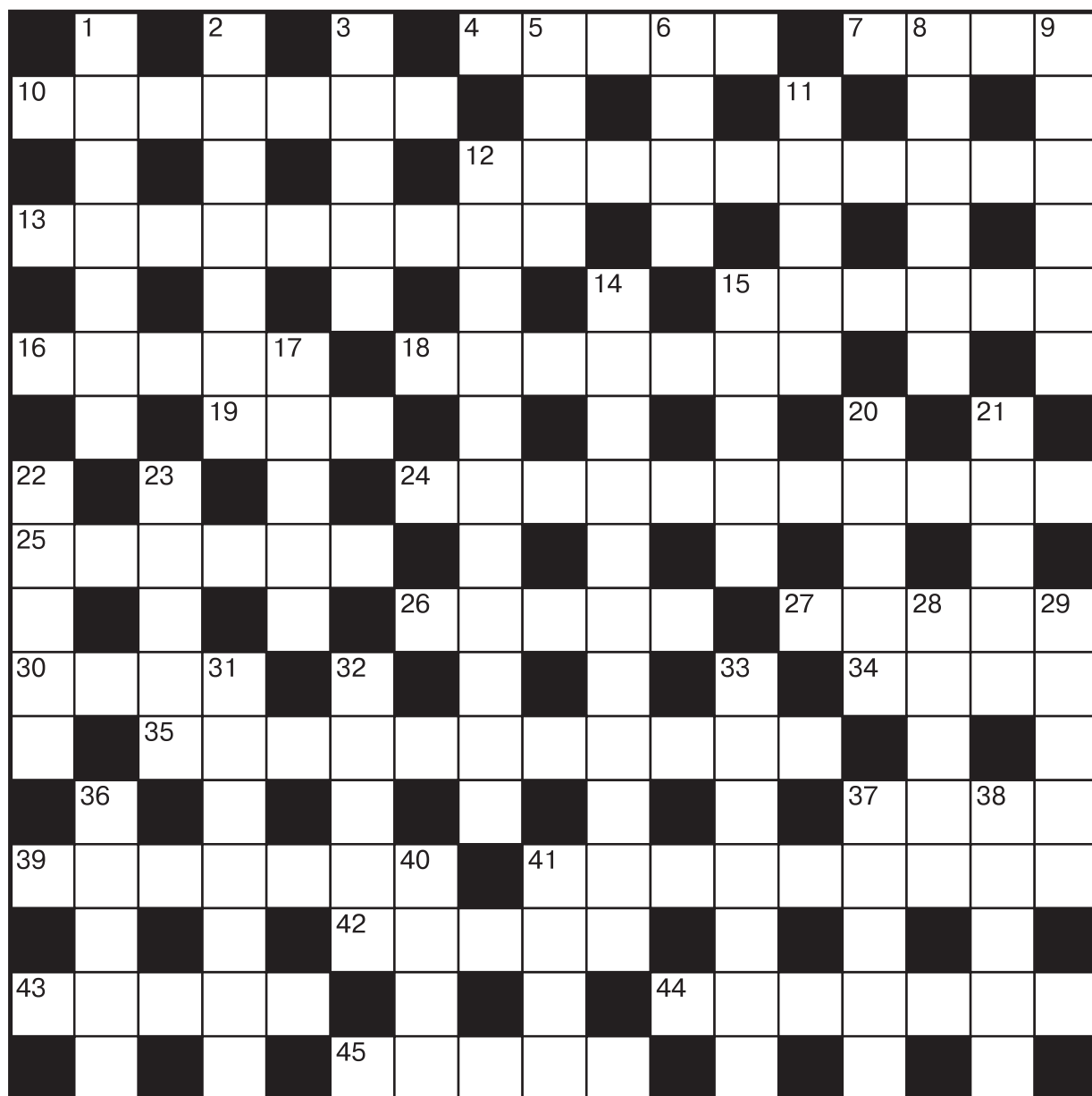
тивная империя). **9.** Главный идеолог страны «от Сталина до Брежнева». **11.** Царь, чьи конюшни очистил Геракл. **12.** Монашеское ампула Томмазо Кампанеллы. **14.** Лекарственное растение, мистически дающее достаточно энергии, чтобы перебороть все трудности. **15.** Тарелка Бобика. **17.** Кто из английских фантастов прожил больше ста лет? **20.** «Детская столица» Крыма. **21.** Какая рыба объявлена у англичан «собственностью королевы»? **22.** Подпись из шифровок Штирлица. **23.** Плавная кривизна. **28.** Богач восточного звучания. **29.** «У каждого мгновенья свой ...» **31.** Театральные зрители. **32.** Месиво для фундамента. **33.** Автор давно прожитого кем-то романа. **36.** «Кладбище документов». **37.** Чем машинист рулит? **38.** Какой морской залив «пересолили»? **40.** Враг трех поросят. **41.** Кто научил говорить Винни-Пуха?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Томат. **6.** Сноска. **10.** Слеза. **12.** Юрисконсульт. **13.** Жуков. **15.** Ботвинник. **17.** Эдем. **20.** Код. **21.** Абсурд. **22.** Шеф. **24.** Гафт. **26.** Винил. **28.** «Крайслер». **29.** Ньюношк. **30.** Сид. **31.** Рис. **33.** Транш. **34.** Минус. **37.** Шайка. **39.** Кубок. **40.** Оригами. **41.** Сирия. **42.** Рояль. **43.** Букварь. **44.** Герасим. **45.** Кинза. **46.** Акция.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Клоун. **2.** Озноб. **4.** Отравка. **5.** Арсеньев. **7.** Несс. **8.** Складчатогуб. **9.** Автоматика. **11.** Соник. **14.** Возраст. **16.** Козин. **18.** Гайка. **19.** Исаакий. **23.** Финиш. **25.** Террариум. **27.** Лютик. **30.** Снеговик. **31.** Радищев. **32.** Скрипач. **35.** Нувориш. **36.** Соблазн. **38.** Жмурки. **43.** Бин.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Самый тяжелый среди галогенов. **7.** Десептикон с клешнями. **10.** Гречневая запеканка с салом по украинскому рецепту. **12.** Лондонский район со Сворачивающимся мостом. **13.** Горная порода, чье название означает «огненный ливень». **15.** Парусная

доска. **16.** Клетчатая ткань на детские наряды. **18.** Античное судно. **19.** Первый президент ФИДЕ. **24.** Какое аббатство Англии гордится могилой короля Артура? **25.** Что искали рыцари Круглого стола? **26.** Формат джинсовой ткани. **27.** Башкирская жаровня. **30.** Киевская девчон-

ка, ставшая «матерью Израиля». **34.** Биографическая драма «... на Гудзоне». **35.** Какой коктейль испанцы варят в большом котле и подают на народных гуляньях? **37.** Какая река описана в пушкинском «Зимнем утре»? **39.** Толстый крючок рыболова. **41.** Кому в бородатом анекдоте муха грудь оттоптала? **42.** Цветок «мужской и военной силы». **43.** Румынская фруктовая водка. **44.** «Самый загадочный фельдмаршал» Третьего рейха. **45.** Золотой из Венции.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Наземный узор» древних времен, который зачастую целиком можно разглядеть только с высоты птичьего полета. **2.** Страж Тауэра. **3.** Кольчатая нерпа. **5.** Третья по яркости звезда Водолея. **6.** Сторожевая собака из Марокко. **8.** Чье имя носит главная корона

Венгрии? **9.** Дипломат, «архитектор Холодной войны». **11.** Беломорское судно. **12.** Карельские частушки. **14.** Список «лиц вне закона» у древних римлян. **15.** Жилой квартал византийского города. **17.** «Стопор» для пробки. **20.** Что ловят, играя в серсо? **21.** «Дымчатый сорт» яблок. **22.** Ангольский барабан. **23.** «Хранитель исламского наследия». **28.** Кто среди литературных сыщиков появился на свет в Черногории? **29.** «Осел конских кровей». **31.** меховые муфты в Московской Руси. **32.** Потомок от брака русского с эскимоской. **33.** Шляпа на голове ковбоя. **36.** Птица, украшающая Мост Свободы в Будапеште. **37.** Прозвище английского солдата. **38.** Кто из художников увел жену у поэта Джона Раскина? **40.** «Липовый подпоручик». **41.** Любимый кенар юной Агаты Кристи.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Улисс». **6.** Губерт. **10.** Пишме. **12.** Эссенциализм. **13.** Фьорд. **15.** Джаханнам. **17.** Тако. **20.** Ноо. **21.** Геенна. **22.** Теф. **24.** Фени. **26.** Кюбид. **28.** Дагоберт. **29.** Лэнгли. **30.** Гак. **31.** Тиф. **33.** Китеж. **34.** Кивач. **37.** Шефер. **39.** Соджу. **40.** Бафомет. **41.** Фреар. **42.** Якана. **43.** Физалия. **44.** Мититей. **45.** Мулга. **46.** Ринзу.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Вилье. **2.** Смерд. **4.** Лысуха. **5.** Стейнбек. **7.** Уран. **8.** Елисаветград. **9.** Томборихия. **11.** Ацхан. **14.** Джанаба. **16.** Мобил. **18.** Ягода. **19.** Геоглиф. **23.** Фюмаж. **25.** Архиварий. **27.** Дэвис. **30.** Геловани. **31.** Теургия. **32.** Фералии. **35.** Воркаут. **36.** Чжаньго. **38.** Гелиоз. **43.** Фес.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 211 рублей 20 копеек	За 1 номер — 239 рублей 80 копеек
За полугодие — 1267 рублей 20 копеек	За полугодие — 1438 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

22001

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви». Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

е необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№1 январь 2022